

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 2(29) 2018

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 2(29) 2018

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **С. Менгель** – доктор филологических наук – Халле Виттенберг, Германия; **Раджешвар Раджу А.** – доктор PhD по русскому языку – Рева, Индия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **S. Mengel** – doctor of philology – Halle Witternberg, Germany; **Rajeshvar Paju A.** – PhD in Russian language – Rewa, India; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
---	---

Лингвистика

Попова М.В. Сравнительный анализ понятийного содержания терминов «трансфер», «трансференция» и «интерференция» в отечественной и зарубежной лингвистике	10
Былина Е.Э. Обещание в различных речевых стратегиях	18
Недоступова Л.В., Гущина А.А. Фонетические черты одного Лискинского говора.....	26

Методика преподавания языков

Краснюк И.Н. Проблемы обучения русскому деепричастию китайских студентов...	31
Буркова С.С. Постановка и коррекция артикуляции звуков на занятиях по русскому языку как иностранному	35
Жидкова Ю.Б. О межпредметной координации научного стиля речи и дисциплины «Литература» на довузовском этапе обучения.....	39
Кузьминых Е.О. Динамика читательских интересов современных школьников...	44
Спиридонова Л.Н. Учимся учиться: работа над текстом по русскому как иностранному со студентами-нефилологами.....	49

Аспекты изучения художественного текста

Рябцева Н.Е., Топчиева М.В. Топос детства в современной русской литературе...	54
Скляр Н.В., Тамбовцева Д.А. Нарративные стратегии в автобиографиях М. Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» К.Х. Борера	61
Новикова М.В., Яценко М.А. Образы индейской мифологии в творчестве С. Кинга.....	67
Гаджиева К.Г. Сравнительное изучение азербайджанской литературы XV века в контексте исследования классической восточной поэзии... ..	72
Новикова О.В., Безатосная О.М. Словесная игра в поэзии Веры Павловой.....	77

Скляр Н.В., Лаврухина А.В. Роль метафоры в пейзажных описаниях новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции»	88
--	----

Лингвокультурология

Сатюкова В.А. Специфика отражения лингвокультуры в текстах туристических путеводителей	93
--	----

Межкультурная коммуникация

Линник А.А. Гендерные стереотипы в кросскультурной коммуникации	99
Пантыкина Н.И. Кинесические коммуникативные компоненты в англоязычном диалогическом дискурсе	104
Милованова А.И. Фразеологизмы, выражающие свое значение через образ нереального явления (на примере русского и английского языков).....	110

Концептология

Безверхая И.В., Мангасарян А.А. Концепт «Liebe» в произведении Э.М. Ремарка «Триумфальная арка».....	116
Макеева М.А. Фрейм как способ представления знаний в концепте «экология»...	121

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Губина С.А. Роль региональных печатных СМИ в межкультурном диалоге: опыт Белгородской области (2016–2017).....	126
--	-----

Язык СМИ

Гаран Е.П. Рекламный слоган как особый маркер языка рекламы	133
---	-----

События, обзоры, рецензии

Ковалева Л.В. Обзор коллективной монографии «(Нео)Психолингвистика и (психо)лингвокультурология» (под ред. В.В. Красных).....	137
Правила оформления статей.....	143

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
---	---

Linguistics

Popova M.V. Comparative analysis of conceptual content of terms transfer, transference and interference in russian and foreign linguistics	10
Bylina E.E. Promising in different speech strategies	18
Nedostupova L.V., Gushina A.A. Phononic features of one Lisky dialect	26

Methods of teaching languages

Krasnyuk I.N. Problems of teaching Russian gerund to Chinese students	31
Burkova S.S. Statement and correction of sound articulation at the studies of Russian as a foreign language	35
Zhidkova J.B. On interdisciplinary coordination of the scientific style of speech and discipline "Literature" at the pre-university stage of education.....	39
Kuzminykh E.O. The dynamics of the reading interests of today's school students.....	44
Spiridonova L.N. Learn to learn: working with the text on Russian as a foreign language with non-philologist students.....	49

Literary text: aspects of study

Ryabtseva N.E., Topchieva M.V. Topos of childhood in modern Russian literature.....	54
Sklyar N.V., Tambovceva D.A. Narrative strategies in autobiographies «My life» by Marcel Reich-Reinitsky and «Now» by Karl Heinz Borer	61
Novikova M.V. Yatsenko M.A. The images of American Indian mythology in the creativity of S. King	67
Hajiyeva K.H. Comparative study of Azerbaijani literature of the 15th century in the context of classical oriental poetry study	72
Novikova O.V., Bezatosnaya O.M. Verbal play in the poetry of V. Pavlova.....	77

Sklyar N.V., Lavrukina A.V. The role of metaphor in the landscape descriptions in T. Mann's story «Death in Venice».....	88
--	----

Language and culture studies

Satiukova V.A. Specific features of rendering cultural linguistics in the texts of tourist guidebooks	93
---	----

Intercultural communication

Linnik A.A. Gender stereotypes in cross-cultural communication	99
Pantukina N.I. Kinesic communicative components in the English dialogic discourse..	104
Milovanova A.I. The idioms expressing their meaning through the image of unreal phenomenon (by the example of Russian and English languages).....	110

Concept studies

Bezverkhaya I.V., Mangasaryan A.A. The concept of «Liebe» in the work of E.M. Remarque «Arch of triumph».....	116
Makeeva M.A. Frame as a means of knowledge representation in the concept «ecology».....	121

Journalism in historical and theoretical aspect

Gubina S.A. The role of regional print media in the intercultural dialogue: the experience of the Belgorod region (2016–2017).....	126
--	-----

Language of mass media

Garan E.P. The advertising slogan as a special marker of advertisement language.....	133
--	-----

Events and reviews

Kovaleva L.V. The review on the collective monograph “(Neo) Psycholinguistics and (psycho) cultural linguistics” (ed. by V.V. Krasnykh).....	137
Layout of the articles.....	143

Вступительное слово главного редактора

Вашему вниманию предлагается двадцать девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который представлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из девяти разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии»

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 23 научные работы.

Раздел «Лингвистика» включает исследования в области отечественного и зарубежного языкознания (М.В. Попова, Е.Э. Былина, Л.В. Недоступова, А.А. Гущина).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит методические рекомендации по обучению иностранных учащихся грамматике (И.Н. Краснюк), фонетике (С.С. Буркова) и работе с текстом (Ю.Б. Жидкова, Л.Н. Спиридонова).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные изучению образной (Н.Е. Рябцева, М.В. Топчиева, М.В. Новикова, М.А. Яценко), стилистической (О.В. Новикова, О.М. Безатосная) и нарративной (Н.В. Скляр, Д.А. Тамбовцева) структуры поэтического и прозаического текста.

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследование специфики отражения лингвокультуры в текстах туристических путеводителей (В.А. Сатюкова).

Работы пятого раздела – «Межкультурная коммуникация» – раскрывают особенности гендерных стереотипов в кросскультурной коммуникации (А.А. Линник) и специфику русских и английских фразеологизмов (А.И. Милованова).

В статье шестого раздела – «Концептология» – исследуются концепты “Liebe” (И.В. Безверхая, А.А. Мангасарян) и “экология” (М.А. Макеева).

Седьмой и восьмой разделы – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» и «Язык СМИ» – предлагают вниманию читателей статьи, посвященные

актуальным вопросам истории, теории, методологии и практики журналистики (С.А. Губина, Е.П. Гаран).

Заключительный раздел содержит обзор коллективной монографии «(Нео)Психолингвистика и (психо)лингвокультурология» (под ред. В.В. Красных) (Л.В. Ковалева).

Содержащиеся в выпуске 2 (29) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Полагаем, что данное издание будет интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81-34

*Московский государственный
лингвистический университет
ст. преп. кафедры фонетики
немецкого языка
Попова М. В.
Россия, г. Москва, +7(925) 538-92-78
e-mail: neunerin@gmail.com*

*Moscow State Linguistic University
The chair of Phonetics
of the German language
Senior teacher
Popova M. V.
Russia, Moscow, +7(925) 538-92-78
e-mail: neunerin@gmail.com*

М.В. Попова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ «ТРАНСФЕР», «ТРАНСФЕРЕНЦИЯ» И «ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Статья предлагает обзор интерпретаций и использования в ряде отечественных и зарубежных научных трудов термина «интерференция» в рамках сравнительного анализа смежных специальных терминов, таких как «трансференция» и «языковой трансфер». Автор предлагает вариант классификации интерпретаций термина «интерференция» на основе анализа источников по теме исследования. Классификация представляет вниманию читателя три подхода с учетом характера интерференции: негативного, позитивного или «нейтрального». В последнем случае акцент делается на самом факте взаимопроникновения языков, а не на положительном или отрицательном влиянии на иноязычную речь билингва или мультилингва. В свою очередь, в рамках первого подхода автор предлагает дифференцировать интерпретации явления интерференции как процесса, *вызывающего* отклонения от нормы в речи на иностранном языке, и как процесса, *выражающегося* в ошибках и отклонениях от нормы в речи билингва на иностранном языке. В статье также демонстрируется многообразие подходов к интерпретации вышеназванных терминов в отечественной и зарубежной лингвистике и подчеркивается необходимость их унификации при переводе на иностранные языки и употреблении в научных трудах во избежание неправильной трактовки термина «интерференция» и смежных специальных терминов при их употреблении в рамках различных подходов и областей использования.

Ключевые слова: интерференция, трансференция, языковой трансфер, лингвистика, билингвизм, усвоение второго языка.

M. V. Popova

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTUAL CONTENT OF TERMS TRANSFER, TRANSFERENCE AND INTERFERENCE IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

The article offers an overview of the definitions and usage of the term «interference» in a number of Russian and foreign scientific works in the framework of the comparative analysis of related technical terms, such as «transference», and «language transfer». The author proposes a variant of classification of interpretations of the term based on the analysis of sources on the research topic. The classification presents the reader three approaches, taking into account the nature of the interference: negative, positive or «neutral». In the latter case, the emphasis is on the very fact of interpenetration of languages, and not on the positive or negative impact of bilin-

gual or multilingual's speech. In her turn, the author proposes to differentiate in the framework of the first proach the interpretation of the phenomenon of interference as a process that *causes* deviations from the norm in speech in a foreign language and as a process *expressed* in errors and deviations from the norm in a bilingual's speech in a foreign language. The article also demonstrates the diversity of approaches to the interpretation of the above mentioned terms in Russian and foreign linguistics and emphasizes the need for their unification when translating into foreign languages and using in scientific works in order to avoid misinterpretations of the term «interference» and related special terms when they are used in different approaches and areas of use.

Key words: interference, transference, language transfer, linguistics, bilingualism, second-language acquisition.

Как известно, понятие языковой интерференции прочно укрепилось в лингвистике благодаря труду У. Вайнрайха «Языковые контакты», впервые опубликованному как первый номер серии «Публикации нью-йоркского лингвистического кружка» в 1953 году. Однако мысль о взаимовлиянии языков была сформулирована значительного раньше: в России она была высказана основателем Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэном де Куртене [1; с. 7], в Германии, независимо от русского лингвиста, - Г. Шухардтом [2]. Их идеи получили развитие в 20-30 гг. XX века в работах Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, что сыграло значительную роль в распространении термина. Позднее к вопросу о взаимном влиянии языков обратились многие ученые, в числе которых следует отметить В.А. Виноградова, Л.В. Щербу, В.Н. Ярцеву, Г.М. Вишневскую и У. Вайнрайха.

Несмотря на высокий интерес к проблемам изучения взаимовлияния и взаимопроникновения языков, процесс исследования данного явления протекал неоднородно в отечественной и зарубежной лингвистике, что значительно сказалось впоследствии на интерпретации термина «интерференция».

В рамках отечественных лингвистических учений можно условно выделить три основных подхода к трактовке понятия «интерференция»:

- 1) позиция, подчеркивающая выраженно негативный характер интерференции;
- 2) позиция, подчеркивающая позитивный характер интерференции;
- 3) позиция, подчеркивающая факт взаимопроникновения контактирующих систем, а не характер взаимовлияния («нейтральный» характер интерференции).

Преобладающее большинство лингвистов, в числе которых А.Е. Карлинский, В.А. Виноградов, Н.Б. Мечковская, Л.В. Щерба, В.Ю. Розенцвейг и М.Ю. Розенцвейг, говоря о природе интерференции, отмечали ее негативный характер, представляя интерференцию как некое «отклонение от нормы» в речи билингва. Согласно определению В.Ю. Розенцвейга, интерференция – «это нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [3; с. 4]. М.Ю. Розенцвейг отмечал факт нарушения нормы контактирующих языков вследствие отклонения «от правил соотношения родного и неродного языков в сторону их уподобления» [4; с. 12]. А.Е. Карлинский пишет об интерференции как о частном случае «речевых мутаций», заключающемся в бессознательном переносе навыков из родного языка в иностранный язык [5]. Известный лингвист Л.В. Щерба в своей статье «К вопросу о двуязычии» говорит о «взаимном искажении обоих языков, на практике, при изучении иностранного языка, искажении именно этого иностранного языка под влиянием родного» [6; с. 313], однако не прибегает к употреблению самого термина «интерференция». По мнению Н.Б. Мечковской, интерференция представляет собой «ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка» [7; с. 368].

Исходя из вышесказанного, в рамках первого подхода, подчеркивающего негативный характер интерференции, можно условно выделить две основные точки зрения, согласно которым интерференция - это:

- 1) процесс влияния доминантного (родного) языка на изучаемый, следствием которого являются отклонения от нормы в речи билингва на иностранном языке.

В рамках данного подхода важно отметить дифференциацию самого понятия «интерференция» и его последствий в виде «ошибок в речи» или «отклонений от нормы». Подобной точки зрения придерживается В.А. Виноградов, подтверждением чему может служить определение, в котором он, с одной стороны, опирается на общепринятую трактовку У. Вайнрайха, а с другой – дифференцирует понятия «отклонения от нормы» и «интерференции». В.А. Виноградов определяет интерференцию как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка», объясняя отклонения от нормы в неродном языке влиянием процесса интерференции [8; с. 197]. В этой связи стоит также отметить работы В.В. Потапова и Р.К. Потаповой, которые полагают, что ошибки в речи на иностранном языке являются следствием интерференции, то есть следствием взаимопроникновения языков [9; 10; 11; 12; 13];

2) непосредственно ошибки и отклонения от норм изучаемого языка, вызванные влиянием доминантного (родного) языка.

Данную точку зрения разделяют, например, такие исследователи, как А.Е. Карлинский, В.Ю. Розенцвейг, М.Ю. Розенцвейг.

Среди авторов, отмечающих положительное влияние интерференции с точки зрения переноса знаний общетипологического свойства при взаимодействии контактирующих языков, другими словами, рассматривающих явление интерференции как «транспозицию навыков из одного языка в другой», можно отметить работы Е.Н. Ершовой, М.К. Назаровой и Ю.А. Жлуктенко. [15, с. 131; 16, с. 274; 17]. Однако данная точка зрения является менее распространённой по сравнению с предыдущей.

Значительно больше последователей, как среди отечественных исследователей, так и за рубежом, придерживаются третьего подхода, в основе которого лежит «сам факт проникновения одного языка в другой», которой, в свою очередь, может иметь как негативный, так и позитивный характер [18, с. 37; 19; 20; 21]. Важно отметить, что на сегодняшний день именно данный подход наиболее популярен в зарубежной лингвистике. О многогранном характере явления интерференции пишет, например, В.Н. Комиссаров, отмечая в работе «Проблема интерференции в теории перевода», что различные виды интерференции при переводе могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние [22]. Основатель саратовской лингвистической школы Л.И. Баранникова подчеркивает в своих работах глубинный характер интерференции, позволяющий рассматривать данное явление не как чисто лингвистическое. Она описывает явление интерференции не как «один из фактов языка, а явление, имеющее глубокие психологические и, в конечном счете, социально-исторические корни» [23, с. 88].

Еще в 50-70-е годы XX века характер данного явления рассматривался зарубежными лингвистами как однозначно негативный в связи с тем, что интерференция считалась основной трудностью на пути к освоению иностранного языка, однако уже в 80-х годах был признан тот факт, что «интерференция является одним из основных факторов, определяющих межъязыковую компетенцию и эффективность обучающегося» [24]. С течением времени интерференция перестала восприниматься как явление сугубо негативное, так как границы восприятия и трактовки данного явления расширились. Были высказаны первые мысли об отсутствии необходимости ограничиваться только двумя языками, где родной позиционируется исключительно как доминантный; таким образом, интерференция стала рассматриваться на примере взаимодействия большего количества языков [25]. Единение и взаимопереплетение общетипологических свойств контактирующих языков подчеркивал и Э. Хауген, отмечая, что взаимоналожение языковых систем позволяет легче справиться с коммуникативной задачей [26].

В настоящее время большинство зарубежных лингвистов трактуют интерференцию как взаимоперенос языковых черт в речи билингва или мультилингва [27; 28; 29; 30; 31]. Наиболее употребительным англоязычным термином в данном случае выступа-

ет «(language) transfer», однако встречаются и другие эквиваленты, например, L1interference, linguistic interference, crosslinguistic influence, transference, interference, употребляемые в рамках различных подходов к явлению интерференции.

Что касается терминологического аппарата, необходимо прежде всего отметить, что единства в употреблении и трактовке как самого явления интерференции, так и его смежных специальных терминов нет ни в англоязычных научных трудах, ни в отечественной научной литературе.

Несмотря на то, что большинство отечественных лингвистов разделяют точку зрения на негативный характер интерференции, существуют также попытки дать определения разным характерам интерференции. Для более четкого разграничения понятий некоторые авторы предлагают ввести термины, подчеркивающие тот или иной характер интерференции. Например, Э.М. Ахунзянов предлагает считать интерференцию положительным или нейтральным явлением, обусловленным объективными закономерностями, а факты неосознанного, ошибочного переноса норм первого языка на второй именовать трансференцией, явлением, носящим отрицательный характер, создающим помехи в освоении иностранного языка, способствующим избыточности в речи, зачастую затрудняющей понимание [32]. Прямопротивоположную интерпретацию тех же терминов дает С.Н. Тимофеев, предлагая рассматривать интерференцию как негативное явление, а трансференцию – как перенос общетипологических свойств языковых систем, не оказывающих отрицательного влияния на речь билингва на иностранном языке, то есть как явление положительное [33]. Данную точку зрения разделяют и другие исследователи [5; 19; 34; 35]. Другими словами, при трансференции «воздействующий язык не вызывает в изучаемом языке «нарушений нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности» [36; с. 85].

В англоязычной лингвистике наблюдается схожая картина. В английском языке встречаются оба созвучных русскому языку термина: интерференция (interference) и трансференция (transference), а также термин, имеющий наиболее общее содержание – (language) transfer, контекстуальное значение которого зависит от сферы употребления или сопровождающих слов.

М. Клайн пишет о трансференции (transference), называя ее адаптацией любых элементов или черт из другого языка [21].

Французский психолингвист Ф. Грожан использует в своих работах термины «transfer» и «interference», которые, по его мнению, должны быть разграничены в употреблении с точки зрения динамики и статики проявления в языке. Исследователь полагает, что интерференция (interference) проявляется в речи незакономерно в отличие от трансфера (transfer), которая является постоянным «напоминанием» о родном языке в речи на иностранном. В качестве примера такого постоянного «маркера» Ф. Грожан приводит наличие иноязычного акцента [37].

Подобно отечественному исследователю С.Н. Тимофееву, американский лингвист Дж. Дэйвис предлагает концепцию употребления терминов «интерференция» (interference) и «трансференция» (transference), однако рассматривая явления с другой точки зрения: интерференция в данном случае рассматривается как сознательный перенос норм родного языка на изучаемый, а трансференция – как отдельные случаи неконтролируемого влияния норм родного языка, проявляющиеся в виде ошибок и отклонений от норм изучаемого языка [35].

В отличие от своего соотечественника, С. Томасон не использует в своих работах термин «трансференция» (transference), несколько раз прибегает к употреблению термина «transfer», при этом активно использует термин «интерференция» (interference), противопоставляя его понятию «заимствования», что позволяет предположить, что С. Томасон разделяет подход, которого придерживаются В.А. Виноградов, В.В. Потапов и Р.К. Потапова [38].

Еще одним примером пересечения отечественных и зарубежных исследований в области трактовки понятий можно считать пример употребления термина «трансференция» в работах австралийского лингвиста М. Клайна. Несмотря на то, что исследователь не прибегает к использованию термина «интерференция» (*interference*), он использует в своих работах термин «трансференция» (*transference*) для описания «приспособления любых элементов или черт из другого языка», а понятие «*transfer*» (перенос) М. Клайн использует для описания самого процесса переноса в качестве примера трансференции (*transference*). Таким образом, согласно М. Клайну, например, фонологическая трансференция – это перенос звуков [39].

Еще в 90-х годах XX века Г.М. Вишневская подчеркивала в своей диссертации, посвященной интерференции и акценту, что единой трактовки самого термина и основных понятий теории интерференции не существует: «В теории языковых контактов выработана своя терминологическая система <...>. Некоторые термины толкуются авторами исследований порой противоречиво. Именно поэтому <...> мы считаем, что некоторые понятия теории языковых контактов, отраженные в терминах «билингвизм», «интерференция», «иноязычный акцент», нуждаются в специальном теоретическом осмыслении» [18; с. 36].

Анализ источников по теме исследования позволяет заключить, что на сегодняшний день не существует единого терминологического аппарата, а также, единой методики и методологии изучения вышеописанных явлений, в связи с чем автор подчеркивает необходимость дальнейших исследований в данной области и систематизации полученных данных.

Библиографический список

1. Алимов В.В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 196 с.
2. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
3. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
4. Розенцвейг М.Ю. Проблемы языковой интерференции. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. 50 с.
5. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1980. 434 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 427 с.
7. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. 2-е изд. М., 2000. 208 с.
8. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Потапов В.В. Опыт лингвоконтрастивного исследования фонетических систем английского и русского языков // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 1994. № 2. С. 88–99.
10. Potapov V.V. Some aspects of Germans' acquisition of the Russian language // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». 2012. Т.13. № 646. С. 136-148.
11. Potapov V. V. On language contrastive-comparative analysis of English and Russian phonetic systems // Proc. of the intern. workshop "Speech and computer" (SPECOM'2003). Moscow, 2003. P. 276–282.
12. Potapov V. V. The American English interference in Russian on the segmental level // SPECOM'2003. International Workshop "Speech and Computer". Moscow State Linguistic University, 2003. P. 283–290.

13. Potapova R.K., Potapov V.V. Akustisch-perzeptorische Analyse der gesprochenen Sprache in Experimenten mit sprechsprachlichem Code-switching «russisch-deutsch» und «deutsch-russisch» // Potapova R. K., Potapov V. V Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011. S. 249-255.
14. Potapova R. K., Potapov V.V. The mechanisms of Russian-German speech communication and code-switching // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». 2013. Т. 13. №673. С. 9-18.
15. Ершова Е.Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С.130-139.
16. Назарова М.К. К педагогическому аспекту двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 274 – 275.
17. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
18. Вишневская Г.М. Интерференция и акцент: (На материале интонац. ошибок при изучении неродного языка. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 373 с.
19. Любимова Н.А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (Экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дисс. ... д-ра филол. наук / Н.А. Любимова. Л., 1991. 375 с.
20. Mackey, W.P. Bilingualism as a world problem. Montreal: Harrest House, 1967. 62 p.
21. Clyne, M. G. Perspectives on Language Contact Hawthorn Press. Melbourne, 1972.
22. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB VerlagEnzyklopädie. Leipzig, 1989. С. 103-108.
23. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. М., 1972. 94 с.
24. Kohn, K. 'The analysis of transfer', in: E. Kellerman & M. Sharwood Smith (eds), Crosslinguistic Influence in Second Language Acquisition, New-York: Pergamon Press, 1986. P. 21-34.
25. Odlin, T. Language Transfer. Cambridge University Press, 1989.
26. Haugen, E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide // Publications of the American dialect society. No. 36. Alabama: University of Alabama Press, 1956.
27. Grosjean F., & Py B. La restructuration d'une première langue: l'intégration de variantes de contact dans la compétence de migrants bilingues // La Linguistique. 1991. No. 27. P. 35–60.
28. Jarvis & Pavlenko, Scott & Aneta. Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. Abingdon: Routledge, 2008.
29. Cenoz J., Hufeisen B., & Jessner U. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
30. Cook V. Effects of the L2 on the L1. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
31. Treffers-Daller J., Sakel J. Why transfer is a key aspect of language use and processing in bilinguals and L2-users // International Journal of Bilingualism. 2012. No. 16(1) 3–10.
32. Ахунзянов Е.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во КГУ, 1978.
33. Тимофеев С.Н. Межъязыковая интерференция и установление конкретных случаев ее проявления при контакте французского и русского языков: (На уровне звуков) // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. М., 1988. С. 115-136.
34. Наумова Е.В. Экспериментально-фонетическое исследование просодико-интонационной интерференции в русской речи билингвов / Е.В. Наумова, С.С. Хромов // Фонетика в системе языка: сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2002. Вып. 3. Ч. 2. С. 37-46.

35. Davis, J. E. Linguistic transference and interference: Interpreting between English and ASL. In C. Lucas (Ed.), *Sign Language Research: Theoretical Issues*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. P. 308-321.

36. Щербакова М.В. Особенности обучения второму иностранному языку студентов языковых факультетов / М.В. Щербакова // *Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 2. С. 85-88.

37. Grosjean, F. An attempt to isolate, and then differentiate, transfer and interference, *International Journal of Bilingualism*. 2011. Vol. 16(1). P. 11–21.

38. Thomason, S.G. *Language contact* / S.G. Thomason. Edinburgh University Press, 2001. 310 p.

39. Clyne, M.G. *Transference and Triggering*. The Hague: Nijoff, 1967.

References

1. Alimov V.V. The phenomenon of linguistic interference in the study of special translation: dis. ... candidate of Philology. Moscow, 1998. 196 p.

2. Schuchardt G. *Selected articles on linguistics* / Translated from German by Publisher: Editorial URSS, 2010. 296 p.

3. Rosenzweig V.Y. *Language contacts: Linguistic issues*. Leningrad, 1972. 80 p.

4. Rosenzweig M.Y. *Problems of Language Interference*. Author's abstract. Dis. ... PhD in Philology. Moscow, 1975. 50 p.

5. Karlinsky A. E. *Bases of the theory of interaction of languages and a problem of interference*: dis. ... PhD in Philology. Alma-Ata, 1980. 434 p.

6. Shcherba L.V. *Language system and speech activity*. Leningrad, 1974. 427 p.

7. Mechkovskaya N.B. *Social linguistics*. 2nd ed. Moscow, 2000. 208 p.

8. Vinogradov V.A. *Interference* // *Linguistic Encyclopedic Dictionary* / Ed. by V.N. Yartseva. Moscow, 1990. 685 p.

9. Potapov V.V. Experience of linguo-contrasting research of phonetic systems of English and Russian languages // *Philological sciences (Scientific reports of the higher school)*. 1994. No. 2. P. 88-99.

10. Potapov V.V. Some aspects of Germans' acquisition of the Russian language // *Moscow State Linguistic University Herald. Series of Linguistics*. 2012. Vol. 13. No. 646. P. 136-148.

11. Potapov V.V. On language contrastive and comparative analysis of English and Russian phonetic systems // *Proc. of the intern. workshop "Speech and computer" (SPECOM'2003)*. Moscow, 2003. P. 276–282.

12. Potapov V. V. The American English interference in Russian on the segmental level // *SPECOM'2003. International Workshop "Speech and Computer"*. Moscow State Linguistic University, 2003. P. 283–290.

13. Potapova R.K., Potapov V.V. Acoustic-perceptual analysis of spoken language in experiments with speech-language code switching «Russian-German» and «German-Russian» // Potapova R.K., Potapov V.V. *Communicative Speaking. Russia and Germany in comparison*. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau Verlag, 2011. S. 249-255.

14. Potapova R.K., Potapov V.V. The mechanisms of Russian-German speech communication and code-switching // *Moscow State Linguistic University Bulletin. Series of Linguistics*. 2013. Vol. 13. №673. P. 9-18.

15. Ershova E.N. On some forms of linguistic interference and the possibility of their use in the teaching of languages // *Problems of bilingualism and multilingualism*. Moscow, 1972. P.130-139.

16. Nazarova M.K. To the pedagogical aspect of bilingualism // *Problems of bilingualism and multilingualism*. Moscow, 1972. С. 274 – 275.

17. Weinreich U. Language contacts: the state and problems of research / Trans. into English and comments by Y.A. Zhluktenko. Kiev, 1979. 263 p.
18. Vishnevskaya G.M. Interference and accent: (On the material of intonational errors in the study of non-native language): Dis. ... PhD in Philology. St.-Petersburg, 1993. 373 p.
19. Lyubimova N.A. Phonetic interference and communication in non-native language (Experimental research on the material of the Finnish-Russian bilingualism): Diss. ... PhD in Philology / N.A. Lyubimova. Leningrad, 1991. 375 p.
20. Mackey, W.P. Bilingualism as a world problem. Montreal: Harrest House, 1967. 62 p.
21. Clyne, M.G. Perspectives on Language Contact. Melbourne: Hawthorn Press, 1972.
22. Komissarov V.N. The problem of interference in translation theory. Edited by Heide Schmidt VEB VerlagEnzyklopädie. Leipzig, 1989. C. 103-108.
23. Barannikova L.I. The essence of interference and the specificity of its manifestation. The problem of bilingualism and multilingualism. Moscow, 1972. 94 p.
24. Kohn K. The analysis of transfer, in: E. Kellerman & M. Sharwood Smith (eds), Crosslinguistic Influence in Second Language Acquisition, New-York: Pergamon Press, 1986. P. 21-34.
25. Odlin T. Language Transfer. Cambridge University Press, 1989.
26. Haugen E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide // Publications of the American dialect society. No. 36. Alabama: University of Alabama Press, 1956.
27. Grosjean F. & Py B. La restructuration d'une première langue: l'intégration de variantes de contact dans la compétence de migrants bilingues // La Linguistique. 1991. No. 27. P. 35-60.
28. Jarvis & Pavlenko, Scott & Aneta. Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. Abingdon: Routledge, 2008.
29. Cenoz J., Hufeisen B., & Jessner U. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
30. Cook V. Effects of the L2 on the L1. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
31. Treffers-Daller J., Sakel J. Why transfer is a key aspect of language use and processing in bilinguals and L2-users // International Journal of Bilingualism. 2012. Vol. 16(1). P. 3- 10.
32. Akhunzyanov E.M. Bilingualism and lexico-semantic interference. Kazan: KSU Publishing House, 1978.
33. Timofeev S.N. Interlingual interference and the establishment of specific cases of its manifestation in contact with the French and Russian languages: (At the level of sounds) // Theoretical and practical problems of applied linguistics. Moscow, 1988. P. 115-136.
34. Naumova E.V. Experimental-phonetic study of prosodico-intonational interference in Russian bilingual speech / E.V. Naumova, S.S. Khromov // Phonetics in the Language System. Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2002. Vol. 3. Part 2. P. 37-46.
35. Davis, J.E. Linguistic transference and interference: Interpreting between English and ASL. In C. Lucas (Ed.), Sign Language Research: Theoretical Issues. Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. P. 308-321.
36. Shcherbakova M.V. Features of teaching the second foreign language of students of language faculties / M.V. Shcherbakova // VSU Herald. A series of linguistics and intercultural communication. 2003. No. 2. P. 85-88.
37. Grosjean, F. An attempt to isolate, and then differentiate, transfer and interference // International Journal of Bilingualism. 2011. Vol. 16(1). P. 11-21.
38. Thomason, S.G. Language contact / S.G. Thomason. Edinburgh University Press, 2001. 310 p.
39. Clyne, M.G. Transference and Triggering. The Hague: Nijoff, 1967.

УДК 811.11 – 112

*Иркутский государственный университет
путей сообщения*

канд. филол. наук, доцент кафедры

«Иностранные языки»

Былина Е.Э.

Россия, г. Иркутск, +7-904-11-00-857

e-mail: stephanya1@yandex.ru

Irkutsk State Transport University

The chair of foreign languages

PhD, associate professor

Bylina E.E.

Russia, Irkutsk, +7-904-11-00-857

e-mail: stephanya1@yandex.ru

Е.Э. Былина

ОБЕЩАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ

Изучение механизмов влияния на людей представляется актуальным. Статья посвящена анализу влияния обещания на достижение стратегической цели. При проведении наших исследований мы опирались в основном на труды Ч. Бергера. Теоретическое положение, выдвинутое Ч. Бергером, опирается на фундаментальное предположение, что большая часть человеческого поведения якобы направлена на достижение цели. Стратегическая цель достигается в результате реализации эффективной стратегии, различные речевые тактики помогают достичь стратегической цели в рамках стратегии. Мы полагаем, что использование речевой тактики обещания в кооперативных речевых стратегиях способствует достижению стратегической цели, так как в рамках этих стратегий адресат дает свое согласие совершить что-то по своей воле, ввиду выгоды для него обещанного. Анализ примеров из художественной литературы на английском языке показал, что тактика обещания может быть использована в таких речевых стратегиях, как сбор информации о других (который направлен на выяснение необходимых фактов о других людях), утешение (направлено на ободрение получателя сообщения), убеждение (которое направлено на то, чтобы заставить получателя поверить во что-то или заставить его выполнить определенное действие), поддержание близких отношений (направлено на укрепление отношений и/или выражение своих чувств) и завоевание симпатии к себе (которая кроется в завоевании симпатии малознакомых людей через вежливость и доброту к ним). Использование тактики обещания в рамках этих стратегий делает взаимодействие эффективным и кооперативным.

Ключевые слова: речевая стратегия, речевая тактика, стратегическая цель, обещание.

E.E. Bylina

PROMISING IN DIFFERENT SPEECH STRATEGIES

Studying mechanisms of influence on people seems to be actual. The article is devoted to analyzing how using promising helps to achieve a desired goal. When conducting our research we based mainly on works by Ch. Berger. The theoretical position advanced by Ch. Berger rests on the fundamental assumption that much of human conduct is ostensibly goal-directed. A strategic goal is achieved in the result of implementation of an effective strategy, different speech tactics help to gain the strategic aim within the strategy. We think that using speech tactics of promising helps to gain a strategic goal within collaborative speech strategies, because a receiver gives his / her compliance to do something of his / her own free will, as it is favorable for him / her. The analysis of the examples taken from English fiction reveals that the tactics of promising can be used in such collaborative strategies as the communication strategy of acquiring information about others (it is aimed at finding out necessary facts about other people), comforting others (its aim is to encourage a recipient), persuasive strategy (it is aimed at making a recipient believe in something or making him / her fulfill a definite action), the strategy of maintaining the friendship or love (it is aimed at strengthening relations and / or expressing one's feelings), inducing others to like them (it lies in gaining the sympathy of almost unknown people). The use of the tactics of promising makes interaction being effective and collaborative.

Key words: communication/ speech strategy, speech tactics, strategic goal, promising.

Introduction

Communication processes are fundamental to the induction of attitude and behavioral change in people: any communicative act, verbal or nonverbal, which is apprehended by another person, will alter individual's perceptions, attitudes, beliefs, and motivations, even if ever so slightly. Therefore studying mechanisms of influence on people seems to be actual. Our article is devoted to analyzing how using promising helps to achieve a desired effect. When conducting our research we based mainly on works of Ch. Berger [1; 2; 3; 4; 5].

Compliance gaining and persuasion

Influence on people in the process of communication is studied by at least two theories: compliance gaining and persuasion. S.R. Wilson [6; p. 1-2] shows differences between them.

Although both compliance gaining and persuasion involve intentional attempts to influence others, they differ in several respects [7]. Persuasion scholars typically focus on public or mass communication contexts, whereas compliance-gaining scholars investigate how friends, family members and co-workers influence one another.

Persuasion scholars study message processing or effects, whereas compliance-gaining research also focuses on message production or choices. Compliance-gaining research explores the conditions under which individuals are most likely to comply with requests [8; 9].

Compliance gaining also offers a glimpse into how relationships are created and sustained. Close relationships are those in which the parties influence one another's thoughts, feelings, and actions frequently and consequentially on a range of topics over time [10; 11; 12]. Relational power and intimacy shape how participants seek and resist one another's compliance, and reciprocally, such attempts often confirm yet can challenge or renegotiate existing levels of power and intimacy [13; 14]. Compliance gaining also offers insight into cultural and individual differences.

Theoretical aspects of achieving goals

The theoretical position advanced by Ch. Berger [3] rests on the fundamental assumption that much of human conduct is ostensibly goal-directed. Effective social plans are those that enable people to reach primary goals while satisfying the metagoals of efficiency and social appropriateness. Effective planning is a cognitive process that produces effective plans. Although these definitions are relatively straightforward, they belie the fact that in practice, assessing the effectiveness of both plans and planning is quite difficult. The effectiveness of any action plan aimed at achieving a social goal is the joint product of the plan, and the skills and attributes of the social actor who carries out the plan. Communication researchers [15; 16] have studied the strategies individuals say they employ to gain compliance from others and the conditions under which these compliance-gaining strategies are used. We think that using speech tactics of promising helps to gain a strategic goal.

From the definition of the verb *to promise* [17] we can conclude that if a receiver succeeded in making his / her partner believe that something favorable would be done for him / her in the future, the speech tactics of promising can be considered as effective.

The results achieved by A.H. Kurji confirm our previous conclusions. The author states that in order for a promise to go through, to have uptake, there must be a belief by the promisee that the promisor is able to perform the promised act. The promisee must not be against the performance of the promised act. One of the unique facets of promissory obligation is the ability to waive the obligation by the promisee. The promised act must always be wanted by the promisee [18; p. 8-10]. It shows that a promise should be beneficial to the promisee's interests.

Promising helps to achieve aims within collaborative speech strategies, i.e. a receiver gives his / her compliance to do something of his / her own free will, because it is favorable for him / her. A strategic goal is achieved in the result of implementation of an effective strategy, different speech tactics help to gain the strategic aim within the strategy.

Social goals and communication strategies

According to some authors [19; 20], social actors and actresses, in their interactions with others, seek to achieve such goals as controlling their conversations, comforting others, gaining compliance from others, and inducing others to like them. We analyzed different discourse fragments containing promising and found that the tactics of promising can be used in the following strategies of cooperative interaction: acquiring information about others, comforting others, persuasion, maintaining the friendship or love, inducing others to like them.

Ch. Berger and K. Kellermann [4] in their works paid most attention to studying the strategy of acquiring information about others. In these and other endeavors, persons employ their knowledge of themselves and others, their knowledge about social interaction processes and their communication skills to achieve their goals. Faulty knowledge or lack of skill may prevent interactants from achieving their social goals, but these deficits are not immutable. Persons are capable of acquiring information necessary for generating new knowledge, correcting faulty knowledge, and remediating skill deficits. Nevertheless, knowledge may be power, but in the domain of strategic communication, *praxis* assumes an equally important role in the production of optimal performance.

Ch. Berger takes it as a given that most interaction situations involve the simultaneous pursuit of a number of interaction goals [1]. In the later work Ch. Berger and K. Kellermann [4] say that the pursuit of multiple goals can constrain the choice and implementation of interaction strategies. The goal of acquiring information about others is frequently pursued along with other social goals and in many cases may be a precondition for the attainment of other goals as the procurement of information about others is crucial in retrieving or developing plans to reach social goals.

It is also important to recognize that as persons engage in strategic interactions their goals may change [1]. Further Ch. Berger & K. Kellermann [4] state that goal metamorphosis is especially important in the social information-gathering context. They suspect that social information acquisition is undertaken generally to achieve such social goals as ingratiation, compliance-gaining, and the like. Once sufficient information is gathered, the social information acquisition goal transmutes to one of these more primary goals.

Of course, the goal of acquiring social information might reemerge later in an ongoing interaction if a primary goal is not being reached [21; 1; 22]. Thus, the acquisition of social and personal information is an important goal in almost every strategic communication episode.

Method

But if one wants to understand how strategies function in interpersonal settings or, for that matter, he / she must observe actual message exchanges [23; p. 474]. According to Ch. Berger and K. Kellermann the understandings that persons have of their social interactions are determined by their interpretations of: (a) the context within which the interaction occurs, (b) the actions of their interaction partners, and (c) their own actions [4].

Analysis of speech tactics of promising in different strategies

The strategy of acquiring information about others is aimed at finding out necessary facts about other people as it can be seen in the following passage:

[1] John Harley was having lunch at the hospital cafeteria when Keith Webster joined him. Keith said, 'John, *I promise to keep it confidential*, but I'd feel a lot better if you told me the truth about what happened to Eve Blackwell'. Harley hesitated, then shrugged. 'All right. It was her brother-in-law, George Mellis' [24; p. 431].

Keith needed to get interested information about the woman he liked that might help him get closer to her. In order to do it he met his friend and asked. He promised to keep secret what he learned from him and it helped John to agree to fulfill Keith's request.

The aim of the strategy of comforting others is to encourage a recipient. It can be seen in the example below:

[2] Early the following morning Dana took Kemal to a prominent orthopedic surgeon, Dr. William Wilcox. After the examination, Dr. Wilcox talked to Dana alone.

‘Miss Evans, to fit him with a prosthesis would cost twenty thousand dollars and there's a problem here. Kemal is only twelve years old. His body will keep growing until he's seventeen or eighteen. He could outgrow the prosthesis every few months. I'm afraid financially it's not practical’.

Dana had a sinking feeling. ‘I see. Thank you, Doctor’.

Outside, Dana said to Kemal, ‘Don't worry, darling. *We'll find a way*’ [25].

Dana used promising in order to make her adopted son believe that they would find the way out of the difficult situation; she said so because she wanted to comfort him. The tactics of promising carried out the main role here as it helped the recipient believe in solving the problem.

The goal of persuasive strategy is aimed at making a recipient believe in something; making him / her fulfill a definite action.

The aim of making a recipient believe that something would be done is realized in the following fragment:

[3] [a] ‘You heard what I said, sir. You two keep out of it’. There was a long pause, then Horrocks came back. ‘We'll have him in a few minutes,’ he said grimly. ‘He'll be sorry he started this’. He turned to Don. ‘You've done more than your share in this, Mr Micklem. I'll be glad now if you'll go home’.

Don stared at him.

‘You're not serious, are you? Hang it, if it hadn't been for Harry and me...’

‘I know that, sir,’ Horrocks said curtly, ‘but there may be more shooting, and I'm not carrying the can if you happen to stop a bullet. *I'll let you know how it works out*, but right now, you're going home’.

Don saw the sense in this, and although he was reluctant to leave, he lifted his shoulders in a resigned shrug.

‘Okay, Inspector; good luck and don't let him get away’.

‘He won't get away,’ Horrocks said. ‘I let you know how it works out’.

‘Come on, Harry, let's get out of here’ [26].

Mr Micklem and his servant were helping the police to catch their friend's killer. Inspector Horrocks being afraid of their lives wanted to send the men home, he assured them that the policemen would catch the killer already in some minutes, but the men resisted and wanted to continue the chase. That is why the inspector warned them about possible shooting which could be dangerous for them, after that he promised to inform them about the success of the case (*I'll let you know how it works out*), all that helped to persuade Mr Micklem and his servant that the killer would be caught and punished by policemen and without their help.

In the next passage the speaker aims at inclining the receiver to a definite action:

[b] ‘Dutchmen are no good’, said the bossboy...

<...>

‘You know that my wife is ill, and that I'm having a lot of trouble just now. I don't want the Dutchmen to go, just now when the work is so heavy. *I'll speak to him, and if there is any more trouble with the men, then come to me and I'll deal with it myself*’.

<...>

‘After all these years, when we have been working together for so long, surely you can do this for me. It won't be for very long’.

He watched the man's face soften in response to his own... [27; p. 51].

The bossboy wanted the farm's owner to dismiss the Dutchmen since they worked poorly. The host in his turn asked the bossboy to leave everything as it was and in order to persuade him, he complained about his own difficulties and resorted to promising, then to assuring; all that led to the desired effect of the conversation – the host managed to persuade the bossboy to refuse his idea of the Dutchmen's dismissal.

The strategy of maintaining the friendship or love is aimed at strengthening relations and / or expressing one's feelings.

[4] 'Darling, I want to marry you. Will you marry me?'

And without even thinking, Graciela said, 'Yes. Oh, yes'.

And she was in his arms again, and she thought: This is what I wanted and thought I would never have.

Ricardo was saying, '*We'll live in France for a while, where we'll be safe. This fight will be over soon, and we'll return to Spain*'.

She knew that she would go anywhere with this man, and that if there was danger, she wanted to share it with him [28].

Ricardo asked Graciela if she would marry him and the woman agreed. After that he promised her that they would live in safety since he wanted to assure her in the rightness of her decision.

The aim of the strategy of inducing others to like them lies in gaining the sympathy of almost unknown people through being polite and kind with them.

[5] Before Dana could respond, there was a loud crash from the adjoining library.

Pamela Hudson rose and hurried toward the sound. Roger and Dana followed. They stopped at the door. In the library, a blue Ming vase had fallen to the floor and shattered. Kemal stood next to it.

'Oh, my God,' Dana said, horrified. 'I'm so sorry. Kemal, how could you—?'

'It was an accident'.

Dana turned to the Hudsons, her face flushed with embarrassment. 'I'm terribly sorry. *I'll pay for it, of course. I—*'

'Please don't worry about it,' Pamela Hudson said with a nice smile. 'Our dogs do much worse' [25].

Dana apologized for the vase broken by her son, trying to compensate the loss she promised to pay its cost. As it can be seen in the fragment above, the speaker in her efforts to induce the new acquaintances to like her follows the rules of politeness through the use of the tactics of promising.

Conclusion

Our analysis shows that an actor trying to gain his / her communicative goal often uses the tactics of promising. He / she guarantees to do something favorable for a receiver or assures him / her that something favorable will definitely happen in future as a result a receiver gives his / her compliance to do something and of his / her own free will. That makes interaction being effective and collaborative.

Библиографический список

1. Бергер Ч.Р. Планирование, эффект и создание социальных действий // Коммуникация, социальное познание и эффект / Под ред. Л. Донохью, Г.Е. Сайфера, Е.Т. Хиггинса. Хилсдейл, Нью-Джерси: Ассоциация Лоуренс Ерлбаум, 1988. С. 93–116.
2. Бергер Ч.Р. Неизбежные цели, неопределенные планы и производство коммуникативного действия // Коммуникация и процессы социального влияния / Под ред. Ч.Р. Бергера, М. Бургуна. Ист Лансинг, Мичиган: Издательство Мичиганского государственного университета, 1995. С. 1–29.
3. Бергер Ч.Р. Планирование стратегического взаимодействия. Махва, Нью-Джерси: Ассоциация Лоуренс Ерлбаум, 1997. 312 с.
4. Бергер Ч.Р., Келлерманн К. Сбор социальной информации // Стратегическая межличностная коммуникация / Под ред. Дж. А. Дейли. Хилсдейл, Нью-Джерси: Ассоциация Лоуренс Ерлбаум, 1994. С. 1–33.

5. Бергер Ч.Р. Предисловие // Коммуникация и процессы социального влияния / Под ред. Ч.Р. Бергера, М. Бургуна. Ист Лансинг, Мичиган: Издательство Мичиганского государственного университета, 1995. С. ix–xi.
6. Вилсон С.Р. Стремление и сопротивление согласию // Справочник по коммуникации / Под ред. Ч.Р. Бергера, М.Е. Ролова, Д.Р. Роскос-Еволдсена. Изд. 2-е. Таузанд Окс, КА: Сейдж, 2009. С. 1-17.
7. Диллард Дж. П. Убеждение // Справочник по коммуникации / Под ред. Ч.Р. Бергера, М.Е. Ролова, Д.Р. Роскос-Еволдсена. Изд. 2-е. Таузанд Окс, КА: Сейдж, 2009. С. 203-218.
8. Гоеи Р., Бостер Ф.Дж. Роль обязательства и благодарности в объяснении достижения согласия // Монографии по коммуникации. 2005. Т. 72. С. 284–300.
9. Сиалдини Р. Влияние: Наука и практика. Изд. 4-е. Гленвью, ИЛ: Скотт Форсман, 2001. 264 с.
10. Келли Г.Г., Бершильд Е., Кристенсен А., Харви Дж. Г., Хастон Т.Л., Левингер Дж., и др. Анализ близких связей // Близкие связи / Под ред. Г.Г. Келли, Е. Бершильда, А. Кристенсена, Дж. Г. Харви, Т.Л. Хастона, Дж. Левингера и др. Нью-Йорк: У.Г. Фримен, 1983. С. 20–67.
11. Кноблех Л.К., Соломон Д.Г. Вмешательство и содействие со стороны партнеров в развитии взаимозависимости в романтических отношениях // Личные взаимоотношения. 2004. Т. 11. С. 115–130.
12. Соломон Д.Г., Вангелисти А.Л. Установление и поддержание взаимоотношений // Справочник по коммуникации / Под ред. Ч.Р. Бергера, М.Е. Ролова, Д.Р. Роскос-Еволдсена. Изд. 2-е. Таузанд Окс, КА: Сейдж, 2009. С. 326-344.
13. Браун П., Левинсон С.К. Вежливость: Некоторые универсалии в использовании языка / Кембридж, ЮК: Издательство Кембриджского университета, 1987. 345с.
14. Миллар Ф.Е., Роджерс Л.Е. Родственные измерения межличностной динамики // Межличностные процессы: Новые направления исследования коммуникации / Под ред. Дж.Р. Миллера, М.Е. Ролова. Ньюбери парк, КА: Сейдж, 1987. С. 117–138.
15. Миллер Дж.Р., Бостер Ф.Дж., Ролов М.Е., Сейболд Д.Р. Стратегии по достижению согласия: Типология и некоторые выводы относительно влияний ситуационных различий // Монографии по коммуникации. 1977. № 44. С. 37–51.
16. Миллер Дж.Р., Бостер Ф.Дж., Ролов М.Е., Сейболд Д.Р. МБРС: Некоторые мысли по достижению согласия в межличностных отношениях // Межличностные процессы: Новые направления в исследовании коммуникации / Под ред. М.Е. Ролова, Дж.Р. Миллера. Ньюбери парк, КА: Издание Сейдж, 1987. С. 89–116.
17. Словарь Коллинза. URL : <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/promise> (Дата обращения: 17.12.2015).
18. Куржи А.Г. Обновленная семантика обещания и других речевых актов обязательства. Начало обещания: магистерская диссертация. URL: <https://www.illc.uva.nl/Research/Publications/Reports/MoL-2012-21.text.pdf> (Дата обращения: 10.08.2016)
19. Грэм Дж.А., Аргайл М., Фернхам А. Целевая структура ситуаций // Европейский журнал социальной психологии. 1980. № 10. С. 345–66.
20. Келлерманн К., Ким М.С. Работая внутри ограничений: Тактический выбор в достижении социальных целей // Доклад был представлен на ежегодной встрече Ассоциации межличностных коммуникаций, Майами, ФЛ. 1991, Май.
21. Лихтенштейн Е.Г., Брюер В.Ф. Запоминание целевых событий // Когнитивная психология. 1980. № 12. С. 412–45.
22. МакКанн К., Хиггинс Д., и др. Мотивация и влияние в межличностных отношениях: Роль личностных ориентаций и несоответствий // Коммуникация, социальная

когниция и влияние / Под ред. Л. Донохью, Г.Е. Сайфера, Е.Т. Хиггинса. Хилсдейл, Нью-Джерси: Ассоциация Лоуренс Ерлбаум, 1988. С. 53–79.

23. Миллер Дж.Р. Убеждение // Справочник по коммуникации / Под ред. Ч.Р. Бергера, С.Г. Чаффи. Ньюбери парк, КА: Издание Сейдж, 1987. С. 446–83.

24. Шелдон С. Интриганка. Лондон: Харпер Коллинз паблишерс, 1993. 489р.

25. Шелдон С. Рухнувшие небеса. URL: [http : // www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sky_is_falling.147060.html.zip](http://www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sky_is_falling.147060.html.zip). (Дата обращения: 13.09.2015).

26. Чейз Дж.Х. Миссия в Сиену. URL : [http : // www.esnips.com/nsdoc/dee51b7a-f528-4af5-87e3-de8d6d023913/?action=forceDL](http://www.esnips.com/nsdoc/dee51b7a-f528-4af5-87e3-de8d6d023913/?action=forceDL) (Дата обращения: 10.01.2015).

27. Лессинг Д. Вторая хижина // Африканские истории Дорис Лессинг. Лондон: Тирада Пантера, 1973. Т. 1. С. 41-64.

28. Шелдон С. Пески времени. URL: [http : // www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sands_of_time.192524.html.zip](http://www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sands_of_time.192524.html.zip) (Дата обращения: 13.09.2015).

References

1. Berger Ch. R. Planning, affect, and social action generation // *Communication, social cognition and affect* / Ed. by L. Donohew, H.E. Sypher, E.T. Higgins. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. P. 93–116.

2. Berger Ch. R. Inscrutable goals, uncertain plans, and the production of communicative action // *Communication and social influence processes* / Ed. by Ch.R. Berger, M. Burgoon. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1995. P. 1–29.

3. Berger Ch. R. Planning strategic interaction. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. 312 p.

4. Berger Ch. R., Kellerman K. Acquiring Social Information // *Strategic interpersonal communication* / Ed. by J.A. Daly. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 1–33.

5. Berger Ch. R. Preface // *Communication and social influence processes* / Ed. by Ch.R. Berger, M. Burgoon. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1995. P. ix–xi.

6. Wilson S.R. Seeking and Resisting Compliance // *The Handbook of Communication Science* / Ed. by Ch.R. Berger, M.E. Roloff, D.R. Roskos-Ewoldsen. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. P. 1-17.

7. Dillard J.P. Persuasion // *The Handbook of Communication Science* / Ed. by Ch.R. Berger, M.E. Roloff, D.R. Roskos-Ewoldsen. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. P. 203-218.

8. Goei R., Boster F. J. The roles of obligation and gratitude in explaining the effectiveness of favors on compliance // *Communication Monographs*. 2005. Vol. 72. P. 284–300.

9. Cialdini R. Influence: Science and practice. 4th ed. Glenview, IL: Scott Foresman, 2001. 264p.

10. Kelley H.H., Berscheid E., Christensen A., Harvey J.H., Huston T.L., Levinger G. et al. Analyzing close relationships // *Close relationships* / Ed. by H.H. Kelley, E. Berscheid, A. Christensen, J. H. Harvey, T.L. Huston, G. Levinger, et al. New York: W.H. Freeman, 1983. P. 20–67.

11. Knobloch L.K., Solomon D.H. Interference and facilitation from partners in the development of interdependence within romantic relationships // *Personal Relationships*. 2004. Vol. 11. P. 115–130.

12. Solomon D.H., Vangelisti A.L. Establishing and Maintaining Relationships // *The Handbook of Communication Science* / Ed. by Ch.R. Berger, M.E. Roloff, D.R. Roskos-Ewoldsen. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. P. 326-344.

13. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage / Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987. 345p.

14. Millar F.E., Rogers L.E. Relational dimensions of interpersonal dynamics // *Interpersonal processes: New directions in communication research* / Ed. by G.R. Miller, M.E. Roloff. Newbury Park, CA: Sage, 1987. P. 117-138.

15. Miller G.R., Boster F.J., Roloff M.E., Seibold D.R. Compliance-gaining message strategies: A topology and some findings concerning effects of situational differences // *Communication Monographs*. 1977. № 44. P. 37-51.

16. Miller G.R., Boster F.J., Roloff M.E., Seibold D.R. MBRS rekindled: Some thoughts on compliance gaining in interpersonal settings // *Interpersonal processes: New directions in communication research* / Ed. by M.E. Roloff, G.R. Miller. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987. P. 89-116.

17. Collins Dictionary. URL : <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/promise> (date of application: 17.12.2015).

18. Kurji A.H. An Up-to-date Semantics for Promises and Other Obligation-Creating Speech Acts. A Promising Start: MSc Thesis. URL: <https://www.illc.uva.nl/Research/Publications/Reports/MoL-2012-21.text.pdf> (date of application: 10.08.2016)

19. Graham J.A., Argyle M., Furnham A. The goal structure of situations // *European Journal of Social Psychology*. 1980. № 10. P. 345-66.

20. Kellermann K., Kim M.S. Working within constraints: Tactical choices in the pursuit of social goals // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Miami, FL. 1991, May.

21. Lichtenstein Ed. H., Brewer W.F. Memory for goal-directed events // *Cognitive Psychology*. 1980. № 12. P. 412-45.

22. McCann C., Higgins D., et al. Motivation and affect in interpersonal relations: The role of personal orientations and discrepancies // *Communication, social cognition, and affect* / Ed. L. Donohew, H.E. Sypher, E.T. Higgins. Hillsdale. New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1988. P. 53-79.

23. Miller G.R. Persuasion // *Handbook of communication science* / Ed. Ch.R. Berger, S.H. Chaffee. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987. P. 446-83.

24. Sheldon S. Master of the game. London: Harper Collins Publishers, 1993. 489p.

25. Sheldon S. The sky is falling. URL: http://www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sky_is_falling.147060.html.zip. (date of application: 13.09.2015).

26. Chase J. H. Mission to Siena. URL : [http : // www.esnips.com/nsdoc/dee51b7a-f528-4af5-87e3-de8d6d023913/?action=forceDL](http://www.esnips.com/nsdoc/dee51b7a-f528-4af5-87e3-de8d6d023913/?action=forceDL) (date of application: 10.01.2015).

27. Lessing D. The second hut // *Doris Lessing's collected African stories*. London: Triad Panther, 1973. Vol. 1. P. 41-64.

28. Sheldon S. The sands of time. URL: http://www.flibusta.net/b.html/Sheldon_The_sands_of_time.192524.html.zip (date of application: 13.09.2015).

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 3 курса факультета среднего
профессионального образования
Гущина А.А.
e-mail: gushchina_nastasya@list.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of secondary
vocational education
The 3d-year student
Gushchina A.A.
e-mail: gushchina_nastasya@list.ru*

Л.В. Недоступова, А.А. Гущина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ОДНОГО ЛИСКИНСКОГО ГОВОРА

В статье представлены особенности говора села Щучье Лискинского района Воронежской области. Целью исследования является рассмотрение наиболее ярких черт фонетической системы, выявленных в 2016 году, свойственных говору в его современном состоянии.

В качестве языкового материала использована речь долгожительницы села и её традиционные черты. Спровоцированные и неспровоцированные беседы с респондентом, записанные на диктофон, позволили выявить интересные особенности в области гласных и согласных звуков. Среди них: оканье, аканье, иканье, утрата гласного в конце слова, использование «г» фрикативного, твёрдых согласных на месте мягких согласных перед *e, u*, йотация, упрощение групп согласных, аллегрово явление, замена букв, удлинение конечного слога в словах, перенос ударения и многое другое.

В работе рассмотрено около 400 лексических единиц, отражающих разные фонетические явления, достаточно интересные для исследователя устной народной речи.

В результате анализа щучинского говора становится очевидным то, что перед нами совершенно уникальный диалект, сочетающий в большинстве своём черты украинского языка и его народной речи, а также черты южновеликорусского наречия. Получая представление о своеобразном мире сельских жителей, мы наблюдаем за реальным процессом развития одного из уровней местного языка.

Таким образом, сложившийся, на наш взгляд, смешанный говор – интересное в фонетическом плане явление. Для исследователя народной речи оно представляет некую кладовую, в которой расположились знания о современной картине мира диалектоносителей и история целого поколения людей, родившихся в первой половине XX века, проживающих на территории Щучинского поселения в Лискинском районе Воронежской области.

Данное исследование доказало, что налицо факт лингвистического взаимодействия и взаимопроникновения русского народного и украинского народного языков в рассматриваемом говоре. Мы с уверенностью можем утверждать, что перед нами самобытный переходный русско-украинский диалект.

Ключевые слова: диалекты, исследователи народной речи, языковой материал, система говора, фонетические черты, область гласных звуков, согласные звуки, южнорусские говоры, черты украинского языка, материнские основы речи, переходный русско-украинский диалект.

L.V. Nedostupova, A.A. Gushina

PHONONIC FEATURES OF ONE LISKY DIALECT

In the article the features of the dialect of the village of Shchuchye of the Lisky district of Voronezh region are presented. The purpose of the study is to examine the most striking features of the phonetic system, revealed in 2016, peculiar to the dialect in its current state.

The language of the long-lived village and its traditional features are used as a language material. The provoked and unprovoked conversations with the respondent, recorded on the recorder, made it possible to reveal interesting features in the field of vowels and consonant sounds, inter alia: okanie, acanie, icicle, loss of vowel at the end of the word, use of "g" of fricative, hard consonants in place of soft consonants before e, and, iotation, simplification of consonant groups, allegro phenomenon, replacement of letters, lengthening of the final syllable in words, transfer of stress and much more.

The work deals with about 400 lexical units reflecting different phonetic phenomena, interesting enough for the researcher of oral folk speech.

As a result of the analysis of Shchuchye dialect, it becomes obvious that it is a completely unique dialect, combining in the most part the features of the Ukrainian language and its people's speech, as well as features of the Southern Russian dialect. Getting an idea about the peculiar world of rural residents, we observe the real process of development of one of the levels of the local language.

Thus, the mixed, in our opinion, the mixed talk is an interesting phenomenon in the phonetic sense. For the researcher of the people's speech, it represents a certain storeroom in which knowledge of the modern picture of the world of dialects and the history of a whole generation of people born in the first half of the 20th century residing on the territory of Shchuchye settlement in the Lisky district of Voronezh region are located.

This study has proved that there is a fact of linguistic interaction and interpenetration of Russian folk and Ukrainian folk languages in the dialect in question. We can confidently state that we have found an original transitional Russian-Ukrainian dialect.

Key words: dialects, folk speech researchers, linguistic material, dialect system, phonetic features, vowel sounds, consonant sounds, Southern Russian dialects, features of the Ukrainian language, maternal speech basics, transitional Russian-Ukrainian dialect.

Диалекты как составная часть русского национального языка в разные времена привлекали к себе и до сих пор интересуют исследователей народной речи. В период массового проникновения литературного языка во все сферы жизни и деятельности человека они приобретают ещё большую ценность.

Село Щучье располагается в Лискинском районе Воронежской области, в 25 км от районного центра [3].

Очень интересна история его возникновения. Основали село, о чём свидетельствуют архивные записи, в 1704 году вольные казаки (украинцы). Землёй тогда владели помещики Тевяшовы. Если верить легендам, то это поселение было небольшим, всего 3-5 семей. Приблизительно в середине XVIII века несколько семей отделились и переехали туда, где земля была более плодородной и ровной, поселившись возле озера, богатого рыбой. Новое поселение было названо Щучье, так как в озере водилась щука. Постепенно сюда потянулись люди, количество жителей увеличивалось.

В 1818 году помещик И.С. Тевяшов продал Щучье с землёй поручику царской армии В.И. Станкевичу, который отдал купленное владение в приданое своей дочери Надежде. В 1835 году она вышла замуж за полковника Карла Вульфберта, немца по национальности. Один из следов «немецкого» влияния на село – планировка сельских улиц, похожей на которую нет больше ни в одном селе Лискинского района: всё должно быть параллельно и перпендикулярно и доведено до логического завершения.

Численность населения по состоянию на 01.01.2018 года составляет 1241 человек.

Здесь работают: МКОУ «Щучинская СОШ», МКДОУ «Щучинский детский сад», 2 ФАП, сельский Дом культуры, библиотека, отделение сбербанка, почта, 5 магазинов и др. [4].

Предметом данного исследования стала фонетическая система говора села Щучье и её составляющие.

Целью работы является рассмотрение наиболее ярких черт фонетической системы, свойственных щучинскому говору в его современном состоянии.

Языковым материалом стали спровоцированные и неспровоцированные беседы с представительницей традиционного говора – Власенковой Анной Тимофеевной (1932 г.р.). Записи на диктофон произведены в 2016 году.

Наиболее интересными чертами в области *гласных звуков*, на наш взгляд, являются следующие:

1) в предударной и заударной позиции чётко прослеживается оканье: [*болéзни, большій, брáтом, боязли́ва, война́, воéнный, вода́, востанови́лы, вкуснотá, вы́копала, дворóв, доклад, добрó, за Дóном, компóт, командá, кому́, копéйкы, Ленинокáн, лозá, лóжкой, мáсло, мéлом, молоды́, náдо, надоéло, наломáим, обрýды, общежítие, обкóм, однá, онó, опýть, отдéльно, отдыхáем, остáлся, поду́шечки, подскозáть, полóжено, полотнó, посúда, продóвáть, проростáть, пострóить, поросýта, проу́лок, пóлно, попáло, пошлы́, почтальёнка, робóта, робýла, собрáние, скóро, сосúд, столóвый, стро́ительный, стою́, ётой, я́блоко, я́мок*] [В статье используется упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. – Л.Н., А.Г.]. Данное явление свойственно украинским народным говорам и украинскому литературному языку в целом. В щучинском говоре оно достаточно распространённое;

2) аканье немногочисленно: [*жанáтый, забрáлэ, малá, малярíя, началá, картóхы, рабóта, сажáть, тадá, эвакуáция*];

3) на месте исконного **ѣ** в большинстве случаев функционирует **и**: [*всим, всиудá, дивчáта, дид, ким, лítом, минýть, на юри́, нивéста, обýдаим, обизáтельно, пиклы́, по сибý, по травí, похлибáим, рúчка, сичáс, симýя, спициáльно, хлиборóб, цвítы, чилóвэк и др.*];

4) однако **и** на месте **ѣ** отражён не во всех случаях: в некоторых словах под влиянием русского языка на месте **ѣ** произносится [**е**]: [*деревя́нны, нэ свéту, нэ керосíну, поéдутъ, сэменá, усéх, чéбрык и др.*], хотя данное явление менее распространённое в отличие от вышеназванного;

5) отмечено несколько случаев отсутствия перехода **е** в **о** после мягких согласных, преимущественно в глаголах: [*вэ́змешь, живé, прэнэсéм*];

6) зафиксировано фонетико-морфологическое явление замены **а** на **о** в корне *-коп- // -кап-*: [*откóпвалы, позакóпвалы*].

7) наблюдается утрата гласного звука в конце слова, преимущественно в прилагательных и местоимениях: [*боязли́ва, вручнý, ўра́мотны, деревя́нны, двою́рны, домáшине, желéзну, мады́рски, мálэнькы, мэ́нша, начáльны, óбща, сáмы, стáра, стра́шны, такá, такý, чíста, чистíйша*].

В области *согласных звуков* интерес для исследователя представляют следующие явления:

1) достаточно чётко проявляется [**ʎ**] *фрикативный*: [*боу́ато, брыу́ада, буу́алтэр, вау́он, всиудá, выўружáйим, ўáз, ўварýл, ўод, ўава, ўóлова, ўóрод, ўотóвилы, ўроши, ўру́щикы, ўрязь, ўря́зность, доўоворýлысь, еу́, кóю, краснóю, кылоўра́мм, маўазíн, моу́лы, на бэрэу́, нí в чию, ничёю, нэўра́мотный, одноу́, оўорóжено, оўорóды, пироу́ы, поўип, Коряу́ны, Проўрэсс, Прыу́нов, Серёу́а, разўружáлы, уу́оль, у нэу́, усякоу́ и др.*];

2) звонкие согласные в начале и на конце слов, перед глухими согласными не оглушаются: [*бэ́реу, во вшах, ўод, ўóрод, ўрязь, дивчáта, зáмуж, колхóз, Ноуу́ород, подруу́, патрóнов*], а глухие согласные зачастую становятся звонкими [*борж, у наз, наж, чáжки и др.*], но данная фонетическая черта не свойственна южнорусским говорам, а является следствием сохранения его из материнской основы речи диалектоносительницы;

3) как известно, после падения редуцированных в украинском языке не произошло вторичного смягчения согласных, более того, согласные отвердели и перед гласными переднего ряда [2; с. 200]. В щучинском говоре эта особенность проявляется чётко: на месте мягких согласных используются твёрдые согласные перед *е, и*: [*а́рмыя, Анд-рэй, аттэстат, болэлы, бу́лочки, востана́влявалы, вары́лы, во́днык, вэсна́, вэ́рстак, вэ́чер, вы́юрэла, выхо́дыла, выса́живалы, далы́, дава́лы, дары́лы, доу́воры́лысь, до́мыкы, дырэ́ктор, дитэ́й, занавэ́скы, ка́мны, картóхы, кварта́ра, клэ́й, ку́чки, ку́пышь, конфэ́т, кылоу́рам, кырпы́ч, лэ́жэлы, лэ́тэть, в Лы́сках (в Лы́сках), мэста́, навэ́рно, намы́лы, нэ́рвы, нра́вылось, ны́кому, ны́точка, пайкы́, практы́ка, пэ́рвый, пэ́рэпа́рэный, пла́валы, плыта́, повы́живалы, полотэ́нцэ, по́слэ, поста́выла, по тра́вки, пра́знык, пэсо́к, пэ́чь, пыро́жкы, разбы́та, розлы́в, собыра́лы, сы́нный, сэло́, с на́мы, тка́лы, топы́лы, убыра́лы, у́лыца, у́мэр, уро́кы, успэ́л, хлопота́лы, ходы́ть, хотэ́ла, худóжнык, я́блокы, яши́кы и др.];*

4) зафиксированы варианты использования [у] на месте «в»: [у *у́род, у Москвэ́, у Но́уу́род, у По́льши, у бры́гади, у мау́азинэ, у пэ́чь, усэ́х, усю́, уся́кою, у том*] и наоборот: [*вже*];

5) отмечается замена *т* на *д*: [*дак*];

6) наблюдается единичное использование *х* на месте *к*: [*хто*];

7) в щучинском говоре иногда [ф] функционирует как [хв]: [*конхвэ́т, хварты́к*]. Профессор Н.П. Гринкова данную черту в воронежских говорах объясняет так: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т.п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па грахвику» [1; с. 197];

8) выявлены случаи упрощения согласного в словах: [*тоди́, тада́, шоб, шо*];

9) имеет место явление сохранения мягкости согласных перед *и* на месте [о] и [е] в новых закрытых слогах: [*юди́в, класив, рубли́в, таки́в, штани́в* и др.]. Оно появилось в украинском языке после падения редуцированных гласных и до сих пор сохраняется в речи диалектоносительницы;

10) достаточно часты случаи йотации – появления согласного звука [й] в разных частях слова: [*йэ́здылы, йи́хэть, по́йи́хэлы, пры́йдуть, прыйи́дишь, йи́лы, йиму́, йих, йи́хнэй*];

11) аффрикаты *ц* и *ч* различаются: [*два́цэть, дывля́ца, немэ́цкый, плиминни́ца, полотэ́нцэ, прокаты́ца, эвакуа́ция; дивча́та, кырпы́ч, началóсь, ничё́ю, нэ хо́чу, обэспэ́чвалы, пэ́чь, пэ́чэнье, рэ́чка, сы́тчик, учи́лася, учи́цэ, учи́тэсь, че́брык (чебрец), чэсту́шкы, чимоданчик, чыты́рнацэть, чу́жы́х*];

12) шипящие *ш* и *щ* в говоре также различаются: [*во́пшэм, вышыва́лы, вёшла, вши, у́роши, иши́о, ку́пыши, лапи́а, мишо́к, Мыкэ́шины, на́шею, нышо́, По́льши, поро́шка, поря́дошно, пэ́шею, суши́лы, трóшкы, шоб, шинэ́лы, ши́ла, шкóла, шла, шпа́на, штани́в, яши́кы; уру́щкы, жэ́нщины, щаз, щэбэ́нка, щука́лы*];

13) иногда наблюдается аллегрово явление: [*бума́жка трэ́ба; в пийсы́т трэ́тьем уду́; мау́азина ра́ны и нэ бу́ло ; оны́ кумы́; о то́ эт наж дом ; о то́ отды́хаем ; ско́о я живу́; щаз круу́ом хо́дють; нэ то шо щаз, нэ ви́дно ничё́; нэ зна́йим ны́удэ́ нышо́, шоб же ж прокаты́ца* и др.].

Кроме того, распространено удлинение конечного слога в словах: [*вары́лы тамэ́; тамэ́ мы жи́лы; з йи́хнэй ма́трэй; ничё́йный у наз сто́йть*].

Достаточно частотны случаи переноса ударения в словах: *выхо́дыла* – выходи́ла, *вэ́змэшь* – возьми́шь, *уода́* – го́ды, *далы́* – дали́, *жи́лы* – жи́ли, *звэ́рним* – сверне́м, *у ко́ю* – у кого́, *мэ́нэ* – меня́, *началы́* – нача́ли, *нэ хо́чу* – не хочú, *ничё́ю* – ничего́, *нэ было́* – не́ было, *при́дэшь* – приде́шь, *при́даное* – прида́ное, *понэ́лы* – по́няли, *спа́сты* – спасти́, *спэ́рва́* – сперва́, *яши́кы* – ящи́ки.

В результате анализа щучинского говора становится очевидным то, что перед нами совершенно уникальный диалект, сочетающий в большинстве своём черты украинского языка и его народной речи, а также черты южновеликорусского наречия. Причём многие особенности местной речи, устойчиво сохраняющиеся у старожилов, прослеживаются и у молодого поколения, что стало очевидно в ходе непринуждённого общения с его представителями. Налицо и тот факт, что большинство проживающих здесь людей никогда не были на Украине, однако в их речи наблюдаются некоторые черты именно этого языка и его диалектов. Видимо, первые поселенцы, переезжая сюда на постоянное проживание, принесли с собой номинации, отражающие элементы духовной и материальной культуры. Именно они в течение нескольких столетий передавались из уст в уста и до сих пор устойчиво сохраняются.

Получая представление о своеобразном мире сельских жителей, мы наблюдаем за реальным процессом развития одного из уровней местного языка.

Таким образом, сложившийся, на наш взгляд, смешанный говор – интересное в фонетическом плане явление. Для исследователя народной речи оно представляет некую кладовую, в которой расположились знания о современной картине мира диалектоносителей и история целого поколения людей, родившихся в первой половине XX века, проживающих на территории Щучинского поселения в Лискинском районе Воронежской области.

Данное исследование доказало факт лингвистического взаимодействия и взаимопроникновения русского народного и украинского народного языков в рассматриваемом говоре. Мы с уверенностью можем утверждать, что перед нами самобытный переходный русско-украинский диалект.

Библиографический список

1. Гринкова Н.П. Воронежские говоры // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1947. Т. 55. С. 197.
2. Недоступова Л.В. К вопросу о русско-украинских контактах (на материале говора села Кутки Грибановского района Воронежской области) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Материалы ежегодной областной научно-практической конференции 26 ноября 2016 г. Воронеж, 2017. С. 199-202.
3. Воронежская область // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.01.2018).
4. Администрация Щучинского сельского поселения Лискинского района Воронежской области. URL: <http://shuchin.ru> (дата обращения: 10.01.2018).

Referenses

1. Grinkova N.P. Voronezh dialects // Scientific Notes of LSPU named after A.I. Herzen. Leningrad, 1947. Vol. 55. P. 197.
2. Nedostupova L.V. On the issue of Russian-Ukrainian contacts (based on the dialect of the village of Kutki, Gribanovsky district, Voronezh region) / Voronezh regional studies: traditions and modernity. Materials of the annual regional scientific and practical conference on November 26th, 2016. Voronezh, 2017. P. 199-202.
3. Voronezh region // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of application: 10.01.2018).
4. Administration of Shchuchye rural settlement of Lisky district of Voronezh region. URL: <http://shuchin.ru> (date of application: 10.01.2018).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811

*Иркутский государственный
университет
Институт филологии, иностранных
языков и медиакоммуникации
ст. преп. кафедры русского языка
как иностранного
Краснюк И.Н.
Россия, г. Иркутск, +79027677798
e-mail : irina_krasnyuk@mail.ru*

*Irkutsk State University
The Institute of Philology, Foreign
Languages and Media Communications
The chair of Russian as a Foreign Language
Senior lecturer
Krasnyuk I.N.
Irkutsk, Russia; +79027677798
Email: irina_krasnyuk@mail.ru*

И.Н. Краснюк

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ДЕЕПРИЧАСТИЮ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются проблемы обучения русскому деепричастию китайских студентов, подчеркивается тот факт, что хотя деепричастие в начале 17 века выделилось в самостоятельную часть речи, русские языковеды до сих пор не пришли к единому мнению о природе этого феномена и не могут определить его морфологическую принадлежность: синкретичная это часть речи, самостоятельная или одна из форм части речи (наречия или глагола). Автор сожалеет о том, что хотя и существует множество научных материалов, в которых исследуют деепричастие в разных аспектах, но на сегодняшний момент никто не нашёл лучший способ объяснения этого явления китайским студентам. Причиной этому является отсутствие в системе китайской морфологии части речи, которая могла бы отождествляться с русским деепричастием или каким-то образом бы походила на него. В статье также приводится несколько разных китайских языковых средств перевода русского деепричастия, некоторые из которых имеют синтаксическую функцию, близкую к русскому деепричастию: для перевода русских деепричастий можно использовать глагольные словосочетания, построенные по образцу «глагол+глагол». Для передачи семантики русского деепричастия лучше других подходят два типа китайских синтаксических конструкций: соединенно-предикативное словосочетание и атрибутивно-центральное словосочетание. Автор приходит к выводу, что основная проблема обучения русскому деепричастию китайских студентов заключается в том, что не все русские преподаватели РКИ знают китайский язык, его морфологическую систему, и поэтому им трудно объяснить термин «деепричастие», необходимость его использования, поскольку деепричастие не так часто встречается в устной речи, и поэтому преподавателю РКИ, не владеющему китайским языком, лучше не настаивать на постоянном употреблении деепричастий в устной речи, а учить узнавать данный феномен только в письменной речи в художественных текстах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, РКИ, иностранные студенты, китайские студенты, деепричастие.

I.N. Krasnyuk

PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN GERUND TO CHINESE STUDENTS

The article discusses the problems of teaching Russian gerund to Chinese students, emphasizes the fact that although gerund became an independent part of speech in the early 17th century, Russian linguists have not yet come to a common opinion about the nature of this phenomenon, they can not determine its morphological affiliation: is this part of speech syncretistic, independent or one of the forms of part of speech (adverb or verb)? The author regrets that although there are many scientific materials in which the gerund is researched in various

aspects, but at the moment no one has found the best way to explain this phenomenon to Chinese students. The reason for this is the absence of a part of speech in the system of Chinese morphology that could be identified with or be somehow like a Russian gerund. The article also provides several different Chinese language tools for translating Russian gerund, some of which have a syntactic function close to Russian gerund: for the translation of Russian gerund, one can use verbal phrases constructed according to the pattern "verb + verb". To transfer the semantics of Russian gerund, two types of Chinese syntactic constructions are better than others: a conjointly-predicative phrase and an attribute-central combination. The author comes to the conclusion that the main problem of teaching Russian gerund to Chinese students is that not all Russian teachers of Russian as a foreign language know the Chinese language, its morphological system, and therefore it is difficult for them to explain the term "gerund", the need for its use, since the gerund is not so often occurs in oral speech, and therefore the best way out for a teacher of Russian as a foreign language who does not speak Chinese is not to insist on the constant use of gerund in oral speech, but to learn to recognize this phenomenon only in writing speech in literary texts.

Key words: Russian as a foreign language; phraseology, foreign students, Chinese students, gerund.

Термин «деепричастие» впервые ввел в употребление М. Смотрицкий уже в начале 17 века. Но хотя деепричастие и выделили тогда в качестве самостоятельной части речи, русские языковеды до сих пор не пришли к единому мнению о природе этого феномена. Спорными являются вопросы о его морфологической принадлежности: синкретичная это часть речи, самостоятельная или одна из форм части речи (наречия или глагола).

Русское деепричастие для большинства лингвистов - невероятно трудное грамматическое явление. Многоаспектность данного грамматического феномена, а также его сложность подчеркивали многие языковеды. Статус русского деепричастия в морфологии изучали В.В. Бабайцева, В.В. Виноградов, М.В. Панов, Л.Д. Чеснокова, О.М. Чупашева, Н.М. Шанский, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и другие; синтаксический потенциал проанализировали В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Л.А. Дерibas, О.М. Корчажкина, О.М. Чупашева и другие учёные, нормами употребления деепричастия занимались В.А. Ицкович, Т.С. Мони́на и другие. В настоящее время в китайских вузах деепричастие разбирается в рамках учебной программы, и китайские русисты Ян Шичжан, Чжэн Цзэшэн, Ди Минлун, Цай И, Вань Синьи, Чжао Линшэн и Чжао Юньпин нашли несколько способов его перевода. И хотя существует множество научных материалов, в которых исследуют деепричастие в разных аспектах, к сожалению, на сегодняшний момент никто не нашёл лучший способ объяснения этого феномена китайским студентам.

Что затрудняет понимание употребления деепричастия в речи у китайских обучающихся? Наверное, то, что в китайском языке отсутствует такая часть речи. В «Грамматике современного китайского языка» в главе «Глагол» есть параграф «Причастия и деепричастия», в котором освящается эта проблема: «Деепричастия оканчиваются на 著 (着) – чже». Напр. *坐着听音乐 – сидя, слушал музыку*. Глядя на наличие у китайского глагола модификаторов с временным значением «过», «着», «了», некоторые русские лингвисты полагают, что в китайском языке всё же есть деепричастие. Но, в отличие от русских ученых, китайские ученые против выделения данного грамматического класса в китайском языке. Более того, в одном из учебников о переводе с русского языка на китайский встретила такую фразу «... деепричастие – это средство выражения русского языка» [1, с. 65-67]. В монографии китайских русистов Линшэн Чжао и Синьи Ван написано, что нет термина «деепричастие» в пособиях, материалах, работах, учебниках по китайской грамматике, у китайских глаголов нет такой формы [2; с. 24-35]. Напрашивается вывод: не существует грамматического класса слов, отличающего по лексическому значению от русского деепричастия, но совпадающего формально с русским деепричастием, в грамматике современного китайского языка. Несмотря на то, что кое-какие китайские морфемы отображают значение второстепенного сказуемого, это совсем не означает, что они служат аналогами деепричастия. В.И. Горелов в своей работе по грамматике деепричастия тоже не выделял в китайской системе частей речи. Учитывая отсутствие в китайском языке единых показа-

телей, посредством которых выражаются значения русского деепричастия, он подчеркивает, что в китайском языке нет грамматической категории деепричастия. Исходя из этого, при объяснении термина «деепричастие» китайским студентам, невозможно использовать формальный эквивалент. Следовательно, целесообразно искать языковые средства передачи деепричастия с опорой на структурно-семантическую систему китайской грамматики. В Китае в процессе преподавания русской морфологии деепричастие изучается с учетом самых основных сведений о нем. Отдельные средства и общие способы перевода русского деепричастия на китайский язык изложены в учебниках, которые адресованы студентам старших курсов и профессиональным переводчикам. Как уже говорилось выше, не найден аналог русского деепричастия в китайском языке, формально он отсутствует, но его семантику возможно передавать другими китайскими средствами. Углубленное лингвистическое исследование семантики деепричастия помогает выявлению соответствий русского деепричастия в китайском языке

В процессе изучения русского деепричастия китайские ученики / студенты учат определение деепричастия, способы его образования; значения и употребления деепричастия. После объяснения определения деепричастия происходит закрепление полученных знаний путем выполнения упражнений. Виды упражнений по теме «Деепричастие» в китайских учебниках русского языка и в русских учебниках по русскому языку как иностранному почти одинаковы, разница состоит в основном в том, что в китайских учебниках есть упражнения по переводу деепричастия. Упражнения по переводу носят двусторонний характер: сначала предлагается выполнить перевод русских предложений с деепричастиями на китайский язык, и потом выполнить перевод китайских предложений на русский язык с использованием деепричастий. Изучение проблем перевода грамматических категорий входит в состав учебной программы. К их числу относится выбор методики перевода деепричастия. Для изучения практики его перевода используются такие средства, как анализ контекста и определение грамматического значения деепричастия с целью последующего выбора соответствующего китайского эквивалента. Проблема передачи деепричастий проявляется не только при переводе с русского языка на китайский, но и с китайского языка на русский, то есть перевод конструкций китайского языка деепричастиями русского языка. Например, в учебнике «Курс перевода с китайского языка на русский», отмечается, что перевод соединенно-предикативных словосочетаний может осуществляться с опорой на деепричастия: 夏征农, 大辞海: 语言学卷[3; с. 120-123].

Сравнение структурно-семантической системы китайской грамматики, а также китайских переводов предложений с русским деепричастием, показали, что можно подобрать несколько разных китайских средств перевода русского деепричастия, некоторые из них имеют синтаксическую функцию, близкую к русскому деепричастию. Их определили как языковые, и они, как мне кажется, требуют тщательного анализа. Для передачи русских деепричастий можно использовать глагольные словосочетания, построенные по образцу «глагол + глагол». Для передачи семантики русского деепричастия лучше других подходят два типа китайских синтаксических конструкций: соединенно-предикативное словосочетание (动短语) и атрибутивно-центральное словосочетание (偏正短语). У соединенно-предикативных словосочетаний есть два или более предиката, которые следуют друг за другом без фонетической паузы, а также без союза: 出去找他 («выйти с какой целью? чтобы найти его»), 上山找蛇 («идти в горы зачем? Искать змею»). Но такие конструкции очень редко могут быть переведены на русский язык буквально, например: 去找老师借一本书 (буквально: *обращаться к учителю взять книгу*) – на русском «обращаться к учителю с целью взять книгу, «обращаться к другу, чтобы взять книгу», «обращаться к учителю за книгой». Такое словосочетание образуется по модели «глагол (глагольное словосочетание) + глагол (глагольное словосочетание)», в котором один глагол (глагольное словосочетание) передает значение причины, цели, образа/способа действия, времени, перечисления по отношению к другому глаголу (глагольному словосочетанию). Аtribuтивно-центральные словосочетания бывают двух типов: определительно-центральные (定中短语) и обстоя-

тельственно-центральные (状中短语). Для перевода деепричастий используется только второй тип, особенностью которого является то, что главный и зависимый элементы (сказуемое и обстоятельство) могут выражаться только глаголами или глагольными словосочетаниями, вследствие чего образуется модель «обстоятельство + сказуемое», и эта модель функционально ближе к русской модели «*деепричастие + глагол*»: 绕道走 (буквально: идти в обход, делая крюк идти, идти круглым путем).

Большую часть грамматических сем деепричастия можно переводить несколькими языковыми средствами, но они имеют разную степень эквивалентности. Желательно, чтобы выбор средства перевода был направлен на достижение максимальной переводческой эквивалентности. Оценка эффективности выбора переводческого соответствия осуществляются с учетом прагматического аспекта перевода. Хотя у средств передачи русского деепричастия на китайский язык неодинаковые переводческие возможности, но в целом они обеспечивают передачу важной (нужной) информации.

Проблема заключается еще в том, что не все русские преподаватели РКИ знают китайский язык, его морфологическую систему, и поэтому им трудно объяснить термин «деепричастие», необходимость его использования, ведь деепричастие не так часто встречается в устной речи. Студенты заучивают формы образования деепричастий, учатся на уроках заменять конструкции «союз + (подлежащее) существительное/ местоимение + глагол» деепричастием, но, как правило, за пределами аудиторных занятий деепричастие в речи не используют. Знание деепричастий и деепричастных оборотов обычно необходимо больше не на уроках практического курса русского языка, а на уроках русской литературы, когда в текстах встречается этот феномен, и студенты теряются, не найдя в словаре данной формы слова. Поэтому выход для преподавателя РКИ, не владеющего китайским языком, заключается в объяснении необходимости употребления данной формы слова в текстах, в произведениях русских писателей. Не стоит настаивать на постоянном употреблении деепричастий в речи. Если ученые за столько лет не пришли к единому мнению насчет данного явления в русском языке, то вряд ли китайские студенты смогут понять преподавателя на 100% за несколько уроков, отведенных для изучения этого феномена.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: УРСС, 2008. 235 с.
2. Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Прогресс, 2003. 460 с.
3. Ли Цинь, Мэн Цинхэ. Русская грамматика. Шанхай: Шанхайская пресса, 2006. 312 с.

References

1. Barkhudarov L.S. Language and translation: questions of general and particular translation theory. Moscow, 2008. 235 p.
2. Chzhao Yunpin. Comparative grammar of Russian and Chinese languages. Moscow, 2003. 460 p.
3. Li Qin, Meng Qinghe. Russian grammar, Shanghai, 2006. 312 p.

УДК 811.161.1

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
канд. филол. наук, ст. преп.
кафедры русского языка
Буркова С.С.
Россия, Воронеж, +7 908 139 65 52
e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru*

*VSSC of AF «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)
The chair of Russian language
PhD, senior lecturer
Burkova S.S.
Russia, Voronezh, +7 908 139 65 52
e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru*

С.С. Буркова

ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ АРТИКУЛЯЦИИ ЗВУКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются проблемы обучения фонетической системе русского языка иностранцев, особенности постановки и коррекции русских звуков у иностранных обучающихся, в частности, иностранных военнослужащих из стран дальнего зарубежья. В работе даётся оценка целесообразности разделения практических курсов по фонетике на постановочные и корректировочные, делается вывод о необходимости целостного и системного обучения артикуляции русских звуков вне зависимости от этапа изучения языка иностранными обучающимися. Далее в статье приводятся разработанные известными лингвистами (Л.В. Щербой, М.И. Матусевичем, В.А. Виноградовым, Е.А. Брызгуновой и другими) классификации фонетических ошибок, согласно которым произносительные неточности делятся на фонетические и фонематические, артикуляционные и языковые. При этом необходимо рассматривать фонетические ошибки, допускаемые иностранными обучающимися, не только с точки зрения артикуляции, но и с позиции коммуникативной значимости, то есть нужно учитывать, насколько погрешность в произношении влияет на смысл высказывания, позволяет ли она адекватно передать информацию и установить продуктивное общение. Во второй части статьи содержатся практические рекомендации по выбору позиций для постановки того или иного звука. Так, для постановки и отработки артикуляции гласных звуков, сонорных и щелевых шумных лучше использовать изолированные позиции, при постановке глухих идеальна позиция начала слова в ударном слоге, а для звонких фонем наиболее удачна интервокальная позиция в безударном слоге. Важно отметить, что при постановке и коррекции артикуляции русских звуков необходимо учитывать особенности фонетической системы родного языка обучающихся. В заключении содержатся выводы о необходимости систематической работы над фонетикой на протяжении всего периода обучения русскому языку.

Ключевые слова: фонетическая система, артикуляция, постановка фонетики, коррекция артикуляции, фонетическая позиция, гласный звук, согласный звук.

S.S. Burkova

STATEMENT AND CORRECTION OF SOUND ARTICULATION AT THE STUDIES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with the problems of teaching foreigners the phonetic system of the Russian language, especially the setting and correction of Russian sounds among foreign students, in particular foreign military personnel from the far abroad countries. The work evaluates the feasibility of dividing practical courses on phonetics into production and correction ones, concludes that it is necessary to provide a holistic and systematic training for the articulation of Russian sounds, regardless of the stage of learning the language by foreign students.

Further on, the classification of phonetic errors developed by well-known linguists (L.V. Shcherba,

M.I. Matusевич, V.A. Vinogradov, E.A. Bryzgunova and others) is presented, according to which the inaccuracies are divided into phonetic and phonemic, articulatory and language. At the same time, it is necessary to consider the phonetic errors allowed by foreign students, not only from the articulation point of view, but also from the position of communicative significance, that is, it is necessary to take into account how much the pronunciation error affects the meaning of the statement, whether it allows to adequately convey information and establish productive communication. The second part of the article contains practical recommendations on the choice of positions for the production of a particular sound. Thus, for the articulation and elaboration of the articulation of vowel sounds, sonorous and crevice noisy, it is better to use isolated positions, when posing deaf sounds the position of the beginning of the word in the stressed syllable is ideal, and for the sonorous phonemes the intervocal position in the unstressed syllable is the most successful. It is important to note that while setting and correcting the articulation of Russian sounds it is necessary to take into account the characteristics of the phonetic system of the native language of students. In the end, conclusions are drawn about the need for systematic work on phonetics throughout the entire period of teaching the Russian language.

Key words: phonetic system, articulation, staging of phonetics, articulation correction, phonetic position, vowel sound, consonant sound.

При обучении произношению, которое включает в себя звуки и интонацию, обычно различают постановку и коррекцию. Следовательно, практические курсы делят на постановочные и корректировочные и часто противопоставляют их друг другу. Так, постановку связывают с начальным этапом, а коррекцию соотносят с периодом после вводно-фонетического курса (продвинутым этапом в широком смысле этого слова). Следует отметить, что постановка и коррекция звуков не могут существовать отдельно друг от друга, как не может быть постановочных и корректировочных курсов, не связанных между собой. Постановка и коррекция присутствуют и на начальном, и на продвинутом этапах обучения иностранному языку.

Ошибки в произношении почти всегда оцениваются с точки зрения коммуникации. Некоторые из них касаются образования фонем, но в целом не затрагивают смысловой облик слова, высказывания, то есть не являются коммуникативно значимыми. Другие ошибки приводят к смешению фонем и в итоге их неразличению, что затрудняет понимание высказывания. Л.В. Щерба предлагал называть «ошибки первого типа ошибками выговора, или фонетическими, а вторые – звуко-смысловыми, или фонологическими» [1; с. 14]. Однако очевидно, что фонологические неточности не могут не быть в то же время фонетическими. Поиск наиболее точного разграничения ошибок, с точки зрения их значимости для процесса коммуникации, вёлся довольно долгое время. Вот некоторые точки зрения учёных на данную проблему. Так, М.И. Матусевич ошибки второго типа называет фонематическими (справедливо полагая, что это название более удачное), так как они «являются ошибками в различении противопологающихся друг другу фонем» [2; с. 186]. В.А. Виноградов различает речевые (артикуляционные) ошибки и языковые [3; с. 3-5], что и соответствует фонетическим и фонематическим ошибкам. Е.А. Брызгунова выделяет ошибки артикуляционного, фонологического и смешанного типов. В последнем случае исследователь имеет в виду ошибки, связанные с различиями фонетической системы русского языка и родного языка обучающегося и особенностями артикуляции конкретного звука. В качестве примера Е.А. Брызгунова приводит «смешение [л] и [л'] представителями многих языков, для которых трудностью является как артикуляция этих звуков, так и фонологическое их различение» [4; с. 13].

Классификация Е.А. Брызгуновой представляется наиболее полной, так как в ней не только называются ошибки, но и уточняются их причины, что имеет смысл при анализе произношения представителей конкретного языка. Без уточнения родного языка обучающихся целесообразно разделить ошибки на фонетические и фонематические. Такое деление представляется наиболее универсальным.

Обучение произношению, включающему в себя постановку и коррекцию звуков, нужно рассматривать с точки зрения коммуникации. Это требует развития не только артикуляционных, но и слуховых навыков. Другими словами, обучение произношению

должно включать в себя выработку и автоматизацию слухо-произносительных навыков. С.И. Бернштейн отмечал: «Для того чтобы создать надлежащую ассоциацию между слуховым и двигательным представлением, необходима комбинированная тренировка внимания, приучающая осознавать и запоминать слуховое впечатление как эффект определённых, осознанных и закреплённых в памяти произносительных движений» [5; с. 11].

При постановке и коррекции артикуляции звуков важен выбор позиции. Следует отметить, что с методической и лингвистической точки зрения ставить и исправлять звуки в словах неправильно. По мнению Л.В. Щербы, поставить новый звук в слове или фразе затруднительно, так как «контроль слуха и мышечного чувства при этом дробится и не может быть сосредоточен на нужных моментах» [1; с. 4]. Следует начинать постановку артикуляции в слогах или изолированно, а продолжать и корректировать – в словах и фразах. Ведь цель обучения произношению – общение на данном языке, поэтому слоги должны помочь найти артикуляцию, а слова и фразы – закрепить. По возможности преподаватель должен как можно скорее переходить от отдельного звука к словам, соединяя отработку произношения с накоплением лексического запаса.

Какие же позиции звуков наиболее выгодны для постановки и коррекции произношения? Конечно, выбор позиции определяется особенностями артикуляции конкретного звука. Удачным может быть не только сочетание с другим звуком, звуком-помощником, но и изолированное произнесение. Н.А. Любимова отмечает, что «при закреплении и коррекции артикуляции последовательность позиций от наиболее лёгкой к наиболее трудной устанавливается с учётом особенностей фонетической системы русского языка, так и родного языка обучающегося» [6; с. 33]. Для представителей каждого конкретного языка будет определяться своя последовательность фонетических позиций при постановке и коррекции того или иного звука. Такая последовательность позволяет отразить особенности звуковой системы русского языка и особенности звуковой системы родного языка обучающегося.

Гласные, щелевые шумные звуки и сонанты легко произнести отдельно от других, так как их можно «тянуть». Это даёт дополнительную возможность зафиксировать положение речевых органов и проконтролировать звучание, возникающее при том или ином укладе артикуляционных органов. Чем дольше обучающийся может протянуть нужный звук, тем больше уверенность, что правильная артикуляция найдена. Для гласных звуков изолированное произнесение является не только фонетической позицией. Гласный звук может представлять собой слово (союз, предлог, междометие, название буквы).

Сложнее обстоит дело с согласными звуками, которые коррелируют по звонкости – глухости, твёрдости – мягкости. При постановке глухих хорошо подойдёт позиция начала слова в ударном слоге. Для звонких благоприятна интервокальная позиция в безударном слоге. Дифференциация глухих и звонких наиболее полно проявляется в начале слова под ударением.

При постановке мягких согласных выгодна интервокальная позиция между гласным [и]. Главное требование – продвижение языка вперёд по сравнению с артикуляцией твёрдых звуков. При переводе мягких или смягчённых согласных в твёрдые следует обратить внимание на отодвинутость языка назад. В этом случае согласному звуку сообщается призвук [ы].

Какие средства могут быть привлечены преподавателем для постановки и коррекции произнесения звуков? В первую очередь, обучающиеся должны начать сознательно артикулировать нужный звук. Для этого необходимо научиться управлять своими речевыми органами, ощущать даже малейшие изменения в их положении. Помочь может регулярное выполнение артикуляционной гимнастики, которая должна включать в себя следующие упражнения: вытяжение и округление губ, поднятие языка к верхней и нижней губам, его продвижение вперёд и назад.

Чтобы научить обучающихся выполнению артикуляционной гимнастики, необходимо привлечь средства зрительно-слуховой наглядности. Это могут быть схемы строения речевых органов, зеркала для наблюдения и контроля собственной артикуляции. Также должны использоваться аудио- и видеозаписи. Просмотр видеозаписей не только демонстрирует, как артикулируются звуки говорящим, но и, что самое важное, позволяет запустить механизм подражания, без которого процесс постановки и коррекции фонетики невозможен или крайне затруднителен. Предъявление звучащей нормативной речи посредством аудиозаписей – ещё одно неотъемлемое средство обучения. Чтобы в полном объёме овладеть фонетической системой русского языка, иностранный обучающийся должен иметь возможность слышать различную по тембру и темпу речь. Это как нельзя лучше развивает навыки аудирования, без которых невозможен выход в говорение. Нужно заметить, что актуальность прослушивания аудиозаписей не зависит от языкового окружения. Ведь речь носителей языка может включать в себя диалектные черты или отклонения от произносительной нормы.

Произношение слов необходимо контролировать «при помощи зрительного облика слова» [5; с. 11]. Каждый произносимый звук должен быть соотнесён с его графическим воплощением. Обучение артикуляции следует производить в комбинации различных видов речевой деятельности: слушание – говорение, слушание – письмо – чтение, слушание – чтение. Также привлечение транскрипции необходимо при переходе от устной речи к чтению.

В заключение необходимо отметить, что работа над постановкой и коррекцией артикуляции русских звуков должна проводиться систематически, непрерывно: не только в ходе вводно-фонетического курса, но и на продвинутом этапе, то есть на всём протяжении обучения русскому языку как иностранному.

Библиографический список

1. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М.: Высшая школа, 1963. 308 с.
2. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
3. Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка (практическая фонология). М., 1971. 83 с.
4. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 279 с.
5. Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению / Под. ред. А.А. Леонтьева и Н.И. Самуйловой. М., 1975. С. 5 – 49.
6. Любимова Н.А. Обучение русскому произношению. М.: Русский язык, 1982. 192 с.

References

1. Shcherba L.V. Phonetics of the French language. Moscow, 1963. 308 p.
2. Matusevich M.I. The modern Russian language. Phonetics. Moscow, 1976. 288 p.
3. Vinogradov V.A. Consonantism and vocalism of the Russian language (practical phonology). Moscow, 1971. 83 p.
4. Bryzgunova E.A. Acoustics and intonation of Russian speech. Moscow, 1977. 279 p.
5. Bernshtein S.I. Questions of pronunciation training (applied to the teaching of the Russian language to foreigners) // Questions of phonetics and teaching pronunciation / ed. by A.A. Leontief and N.I. Samuylova. M., 1975. P. 5-49.
6. Lyubimova N.A. Teaching Russian pronunciation. Moscow, 1982. 192 p.

УДК 81'243

*Воронежский государственный университет
Институт международного образования
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка довузовского этапа обучения ино-
странных учащихся,
Жидкова Ю.Б.
Россия, г. Воронеж, 8-910-738-19-80
e-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru*

*Voronezh State University
Institute of international education
The chair of Russian language of pre-university
stage of education of foreign students
PhD, associate professor
Zhidkova J.B.
Russia, Voronezh, 8-910-738-19-80
e-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru*

Ю.Б. Жидкова

О МЕЖПРЕДМЕТНОЙ КООРДИНАЦИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ И ДИСЦИПЛИНЫ «ЛИТЕРАТУРА» НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

В данной статье идет речь о проблеме повышения эффективности учебного процесса и улучшения качества обучения иностранных учащихся с помощью метода координации русского языка и общеобразовательных дисциплин. Для успешности в учебно-научной сфере и эффективности учебного процесса в целом перспективным представляется лингвометодическое оформление учебных пособий по предметам. В статье приводится опыт работы над контентом электронного учебно-методического комплекса «Литература», говорится о целях его использования. Дается общее представление о содержании указанного электронного комплекса. Отмечается важность межпредметной координации предмета и научного стиля речи как предмета в процессе иноязычного образования на довузовском этапе обучения. Акцентируется внимание на участии преподавателя русского языка в создании учебного пособия по предмету, в частности электронного «предметного» курса. Кроме того, автор останавливается на упражнениях, традиционно используемых на занятиях по научному стилю речи, и упражнениях, предлагаемых в электронном комплексе «Литература». В статье излагается взгляд на методически выверенную с точки зрения методики преподавания русского языка как иностранного систему предтекстовых и послетекстовых заданий. В качестве послетекстовых называются подстановочные, трансформационные, дифференцирующие упражнения, упражнения на заполнение пропусков, а также разные виды тестовых заданий. Обращается внимание на необходимость развития механизма осмысления и обучения способам выражения экстралингвистического смысла высказывания на занятиях по учебной дисциплине. Статья будет интересна как преподавателям русского языка, так и преподавателям литературы на довузовском этапе обучения иностранных учащихся.

Ключевые слова: литература, научный стиль речи, межпредметная координация, дисциплина.

Ju.B. Zhidkova

ON INTERDISCIPLINARY COORDINATION OF THE SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH AND DISCIPLINE "LITERATURE" AT THE PRE-UNIVERSITY STAGE OF EDUCATION

This article deals with the problem of improving the efficiency of the educational process and the quality of education of foreign students using the method of coordination of the Russian language and general subjects. For success in the academic-scientific sector and the efficiency of the educational process as a whole linguistic design of textbooks on the subjects appears to be promising. The article presents the experience of work with the content of the electronic educational-methodical complex "Literature" and refers to the purpose of its use. The general idea about the content of the specified electronic complex is given. The importance of interdisciplinary coordination of the subject and scientific style of speech as a subject in the process of foreign language education at the pre-university stage of education is noted. The attention is focused on the participation of a teacher of the Russian language in the creation of a textbook on the subject, in particular the electronic "subject" course. In

addition, the author focuses on the exercises traditionally used at the lessons of the scientific style of speech and exercises offered in the electronic complex "Literature". The article presents the view on the system of pre-text and post-text exercises which are methodically verified from the point of view of the methodology of teaching Russian as a foreign language. As post-text exercises called a wildcard, transformational, differentiating exercises, exercise a fill in the blanks and various types of test tasks are mentioned. Attention is drawn to the need to develop a mechanism for understanding and learning how to express the extralinguistic meaning of expression in the classroom on academic discipline. The article will be interesting for teachers of Russian as well as for teachers of literature at the pre-university stage of training of foreign students.

Key words: literature, scientific style of speech, interdisciplinary coordination, discipline.

Необходимость формирования коммуникативной компетентности учащегося на ступени освоения дополнительной общеобразовательной программы обусловлена дальнейшим обучением по программам бакалавриата или магистратуры, где ему необходимо реализовать приобретенные навыки и умения в учебно-научной сфере общения. На довузовском этапе обучения прогнозируется успешность в будущей профессиональной деятельности, поэтому нужно подготовить коммуникативно компетентную личность, способную продуктивно взаимодействовать с преподавателями, научными руководителями, студентами. Формирование коммуникативной компетентности возможно лишь при активной, осознанной деятельности самого учащегося и зависит от его готовности к обучению. В новой языковой среде происходит активация умственных действий, мобилизуются механизмы восприятия и воспроизведения, формирования языковых навыков и речевых умений на русском языке.

А.И. Сурыгин понимает под компетентностью способность личности к осуществлению какой-либо деятельности, каких-либо действий, а под компетенцией – содержание компетентности, то есть те знания, умения, опыт, которые, будучи усвоены учащимся, формируют его компетентность [1; с. 178]. Феномен «коммуникативная компетентность» представляет собой способность учащегося применять знания и умения, личностные качества в построении и передаче сообщения.

Задача русистов – дать учащимся необходимый минимум лексики и словосочетаний и начать формирование умений аудирования и говорения на материале научного стиля речи. Практика же в общении, коммуникация на материале научного стиля должна состояться в естественных коммуникативных ситуациях на занятиях по предмету, где языковая форма выражения специально не акцентируется [2; с. 107-108]. Одновременно в процессе изучения общеобразовательной дисциплины происходит формирование предметной компетентности (владение терминами, понятиями, методами, значимыми для дальнейшего профессионального образования) и формирование предметно-коммуникативной компетентности (владение языком гуманитарных наук, значимых для дальнейшего профессионального образования). В основе принципа коммуникативности лежит подход к обучению языку как к обучению речевой деятельности, причём на довузовском этапе эта концепция реализуется путём создания специальных учебных ситуаций общения на занятиях по русскому языку, подготавливающих к реальным ситуациям общения в учебно-научной сфере на занятиях по общенаучным дисциплинам. Решить проблему повышения эффективности учебного процесса и улучшения качества обучения иностранных учащихся сможет перспективный метод координации обучения русскому языку и общеобразовательным дисциплинам. В данной работе мы рассмотрим не требования к пособию по научному стилю речи, которое составляет преподаватель русского языка, а возможности участия преподавателя-русиста в создании пособия по учебной дисциплине, характеризующегося методически выверенной с точки зрения методики преподавания русского языка как иностранного структуре уроков и системе предтекстовых и послетекстовых заданий, обеспечивающих усвоение учебного материала по предмету.

Приведем в пример опыт работы над контентом учебно-методического комплекса «Литература», проведенной в Институте международного образования. Этот комплекс является элементом проекта «Электронный подфак», координируемого Институтом русского языка им. А.С. Пушкина. Дисциплина «Литература» относится к числу обязательных для освоения дисциплин дополнительной общеобразовательной программы для иностранных граждан гуманитарной направленности. Целью использования электронного комплекса или учебного издания по предмету может стать не только формирование минимального уровня научных знаний по истории и теории русской литературы, систематизация значимых для дальнейшего профессионального образования терминов и понятий, но и развитие грамматических, лексических и речевых навыков и умений. В курсе изложены основные сведения о литературоведении как науке, его разделах, жизненном и творческом пути русских писателей и поэтов, дано общее представление о литературоведческих терминах и понятиях, периодах развития русской литературы, литературных направлениях. Так как иногда невозможно адаптировать учебно-методический материал по предметам до уровня лексико-грамматических знаний учащихся, участие преподавателя русского языка заключается в лингвометодической обработке заданий, а также создании грамматических таблиц, памяток, фиксирующих образование сложных слов, девербативов, образование словосочетаний и однокоренных слов, особенности синтаксической структуры предложения в научном стиле речи.

Каждый урок электронного комплекса «Литература» включает многообразные зрительно-слуховые образцы: звукозапись, грамматические таблицы, схемы, словари, которые своевременно предъявляются пользователю. Эталоны повторяются в следующих уроках, а также используются в предтекстовых и послетекстовых заданиях, что характерно для пособия по научному стилю речи [3; с.127]. В соответствии с принципом коммуникативности, суть которого состоит в создании оптимальных условий для формирования коммуникативной компетентности [1; с. 126], во всех электронных курсах представлены задания по четырем видам речевой деятельности. Очень важно, чтобы преподаватели-предметники на своих занятиях использовали и развивали те виды речевой деятельности, навыки и умения которых формируются на занятиях по русскому языку.

Адекватное восприятие и интерпретация специальных учебных и учебно-научных текстов и их репродукция основаны как на знании общенаучной и специальной лексики, так и на владении грамматикой научной речи. Интегрирование методов обучения иностранцев русскому языку и предмету на русском языке состоит в том, что в каждый урок учебно-методического комплекса «Литература» не только включена презентация новых слов и словосочетаний в виде лексического минимума, но и представлены словообразовательные цепочки, а также выделены новые глаголы, даны примеры их употребления и синтаксических конструкций, необходимых для разговора на заданную тему.

КТО КРИТИКОВАЛ ЧТО/КОГО

Некоторые писатели критиковали советскую систему.

КТО ОБЛИЧАЛ ЧТО/КОГО

Писатели-сатирики обличали пошлость, бюрократизм и другие отрицательные явления в жизни общества.

Работа с синтаксическими конструкциями играет важную роль, так как помогает учащимся понять смысл фразы, коммуникативного фрагмента диалогического или монологического текста, догадаться о значении слова в знакомой синтаксической структуре. Новые слова и словосочетания в предтекстовых заданиях

объединены в лексико-семантические группы со следующими смыслами: событийность, характеристика, исторические реалии, значение, изменение, название художественного произведения и др. Мы надеемся, что включение в контент по литературе языковых и речевых средств научного стиля будет способствовать повышению качества довузовской подготовки иностранных учащихся.

На занятиях по научному стилю речи необходимо готовить к письменному и устному обмену знаниями, мнениями, информацией. Преподаватель должен требовать не механического заучивания текста, а обучать способам выражения экстралингвистического смысла высказывания средствами русского языка. Этому способствует использование лексико-грамматических упражнений на занятиях по научному стилю: изучение типичных словообразовательных моделей слов научного стиля речи, работа со смысловыми и стилистическими синонимами, замена лексемы синонимом без грамматической трансформации и с грамматической трансформацией, трансформация глагольных словосочетаний в именные, трансформация простых предложений со связкой в предложения без связки, трансформация простых предложений с согласованным определением в предложения с управлением, трансформация сложноподчиненных предложений в простые с девербативами, трансформация простых предложений с причастными и деепричастными оборотами в сложные. Выполнение таких заданий позволит учащемуся выделять смысловые центры частей текста, составлять его план, фиксировать учебно-предметную информацию, делать учебные записи, конспектировать лекции и научные тексты, выписывать информацию из учебно-научной литературы и т. д. Технические возможности электронного комплекса «Литература» позволили включить в него подстановочные упражнения: В конце XVIII – начале XIX века в русской литературе **возникает** новое направление – романтизм. = В конце XVIII – начале XIX века в русской литературе **появляется** новое направление – романтизм; трансформационные упражнения: Язык произведений Карамзина **отличается** от произведений классицизма понятным литературным языком. = **Отличие** языка произведений Карамзина от произведений классицизма – понятный литературный язык. Важным произведением в русской поэзии XVIII века **была** ода «Вольность». = Важное произведение в русской поэзии XVIII века – ода «Вольность»; дифференцирующие упражнения: Знакомство Катиши Масловой с политическими заключёнными (**меняет**, **меняется**) и её душу: она воскресает к новой светлой жизни. Беликов (защитал, **защищался**) от любых влияний на свою жизнь. Впервые в литературе герои – бедные, слабые, беззащитные люди – сами говорят о себе, **оценивают** себя и действительность. В романе Л.Н. Толстой много говорит о семейных отношениях и любви, которые имели для него большую **ценность**. Рассказы Чехова получили высокую **оценку** Л.Н. Толстого; а также упражнения на заполнение пропусков: В **основе** сентиментализма – изображение **чувств и переживаний** человека. В повестях Карамзина появляется **психологический анализ** — самый важный **принцип** в творчестве русских писателей XIX века.

Возможность построения одного или нескольких вариантов высказываний определяется уровнем сформированности как предметной, так и языковой компетенции учащихся, коммуникативными задачами учебного занятия, его дидактической заданностью [2; с. 124]. Такая работа обеспечивает прочное овладение языковым материалом для достижения коммуникативных целей. Систему послетекстовых заданий образуют тесты с ответами да/нет; тесты множественного выбора; тесты на завершение высказывания в соответствии с содержанием текста; тест на установление соответствия; тесты на установление правильной последовательности. При выполнении тестовых заданий учащиеся могут многократно повторить лексику и грамматические модели, чтобы потом использовать изученный языковой и речевой материал в ответах на вопросы. Система заданий отражает общую для русистов и предметников дидактическую структуру учебного занятия.

Кроме того, авторы комплекса посчитали целесообразным на послетекстовом этапе работы ввести задания, направленные на формирование и развитие умений, свидетельствующих о развитии механизма осмысления: тестовые задания, в которых надо определить основную мысль текста, его тему, охарактеризовать литературного героя, составить план текста. Можно рекомендовать следующие задания: 1) Расположите пункты плана в правильном порядке в соответствии с информацией текста. 2) Слушайте вопросы. Выберите соответствующий ответ на вопрос. 3) Перенесите из-под таблицы предложения, которые соответствуют определённому произведению. 4) Перенесите из-под таблицы имя литератора, о творчестве которого идёт речь, и вставьте его в предложение и др.

Итак, успешное применение компетентностного подхода в обучении означает, что учащиеся смогут продемонстрировать коммуникативные умения и успешно действовать вне вуза, то есть в реальном мире. Учебные программы по предметам должны быть скоординированы с программой обучения научному стилю речи. А при создании учебной литературы по научному стилю речи и по предмету важно учитывать реальные коммуникативные потребности иностранных учащихся в процессе изучения учебных дисциплин; ввести коммуникативный компонент в структуру занятий; лингвометодически оформить учебные пособия. Формирование речевых и коммуникативных умений, осуществляемое на занятиях по русскому языку и изучаемым дисциплинам, создание согласованных учебно-методических материалов благоприятствует оптимизации и интенсификации учебного процесса.

Библиографический список

1. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб.: Издательство «Златоуст», 2000. 233 с.
2. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / Н.С. Власова, Н.Н. Алексеева, Н.Р. Барабанова и др. М.: Рус.яз., 1990. 230 с.
3. Жидкова Ю.Б. Организация учебного материала в электронном курсе «Литература» в рамках межпредметной координации научного стиля речи и предмета // I Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан»: сборник статей. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 122-128.

References

1. Surygin A.I. Fundamentals of the theory of teaching non-native language learners. St.-Petersburg, 2000. 233 p.
2. Practical methods of teaching Russian language at the initial stage / N.S. Vlasova, N.N. Alekseeva, N.R. Barabanova, etc. Moscow, 1990. 230 p.
3. Zhidkova J.B. Organization of educational material of the course «Literature» in the context of interdisciplinary coordination scientific style of speech and the subject // 1st all-Russian scientific-practical conference "Topical issues of implementation of educational programs at preparatory faculties for foreign citizens": collection of articles. Moscow, 2017. P. 122-128.

УДК 82

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, ассистент
кафедры гуманитарных наук и искусств
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж, + 7(900)928-52-23
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Voronezh State University
PhD
Chair of the Iskustva and Humanities
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh, + 7(900)928-52-23
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

Е.О. Кузьминых

ДИНАМИКА ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с проблемой кризиса детского и подросткового чтения в современной России. Сегодня выпускается огромное количество книг для детей и подростков, при этом интерес к чтению у большей части населения отсутствует, есть проблемы, связанные с книжной торговлей; библиотеки и большая часть населения не способны приобрести книги, фактически отсутствует система пропаганды чтения, крайне мало специалистов по детскому чтению и т.д.

Популяризация детского чтения – одно из приоритетных направлений государственной политики, частью которой стала разработка Программы детского и юношеского чтения. Одним из направлений реализации данной программы является проведение исследований, направленных на изучение современной модели чтения.

Наше исследование опирается на результаты анкетного опроса проведенного в нескольких классах одной из школ г. Воронежа. На материале данного опроса дается анализ состояния читательских интересов современных школьников. В статье сделана попытка охарактеризовать читательские предпочтения, круг чтения, индивидуальные особенности восприятия и мотивы чтения, обозначены возрастные и гендерные особенности чтения современных школьников.

Ключевые слова: кризис чтения, читательские интересы, современный школьник.

E.O. Kuzminykh

THE DYNAMICS OF THE READING INTERESTS OF TODAY'S SCHOOL STUDENTS

This article is devoted to consideration of the questions connected with a problem of crisis of children's and teenage reading in modern Russia. Today, a huge number of books for children and adolescents are issued, while the majority of the population has no interest in reading, there are problems associated with book trade; libraries and most of the population are unable to buy books, in fact there is no system of reading promotion, very few specialists in children's reading, etc.

Popularization of children's reading is one of the priorities of the state policy, part of which was the development of a Program of children's and youth reading. One of the directions of this program is to conduct research aimed at studying the modern model of reading.

Our research is based on the results of a questionnaire survey conducted in 4 schools in Voronezh. On the material of the given poll the analysis of the state of reader's interests of modern schoolboys is given. In the article an attempt is made to describe readers' preferences, the circle of reading, the individual characteristics of the perception and motives of reading. Indicated age and gender peculiarities of reading of modern schoolchildren.

Key words: the crisis of reading, reader's interests, the modern student.

Чтение книг способствует сохранению национальной культуры, языка, формированию мышления и речи. Еще совсем недавно чтение в российском обществе было неоспоримой национальной ценностью. Однако современная Россия утратила статус са-

мой читающей страны и, как и другие страны мира, переживает *кризисные процессы в чтении*, «которые принято связывать с глобализацией, повсеместной доступностью электронных аудиовизуальных средств массовой информации, развитием экранной культуры, социальных сетей, индустрией развлечений» [1; с. 2]. Как отмечает А.В.Воронцов, «масштабы этой социальной проблемы настолько значительны, что дают основание говорить о системном кризисе читательской (и писательской) культуры в нашей стране» [2; с. 25].

Социологи Аналитического центра Юрия Левады пришли к выводу, что «сегодня 52% россиян не покупают книг, а не читают – 37%. При этом 34% населения России не имеют дома книг. Жителям сел и городов с населением менее 100 тыс. человек книжно-журнальная продукция стала фактически недоступна» [3]. Несмотря на то, что в стране издается огромное количество литературы, «более трети взрослого населения нашей страны ничего не читает. Среди детей и юношества престиж чтения падает, а круг чтения ограничивается прагматической, функциональной и развлекательной литературой. Ситуация усугубляется низкой покупательной способностью населения, а также недостаточным финансированием комплектования библиотечных фондов» [4; с. 18]; отсутствует эффективная система навигации в литературном потоке; нет должного уровня экспертизы книг, не хватает специалистов в сфере детского и подросткового чтения, не налажена пропаганда книги и чтения и т.д.

Ученые отмечают, что сегодня выросло уже целое поколение нечитающих детей. При этом если наши 9–10-летние дети занимают хорошую позицию в мире по чтению, то уже 15-летние, по оценкам PISA, не входят даже в тридцатку.

У современных детей и подростков не только иные литературные предпочтения, но и иное восприятие книжной культуры. В современном мире книга как бумажный носитель информации уже не может считаться приоритетным и единственным источником знаний, поскольку существуют альтернативные источники информации и средства досуга, такие как Интернет, компьютерные игры, телевидение, оказывающие огромное влияние на детскую и подростковую аудиторию. По справедливому замечанию Е.А.Набиевой, «эпоха информационных технологий «...подорвала» смыслопорождающую функцию книги. Книга встала в один ряд с развлечениями, которые в огромном количестве предлагает современная информационная цивилизация» [5; с. 40]. Благодаря воздействию экранной культуры, появился новый тип мышления, который называют «клиповым». Обладатели клипового мышления не в состоянии целостно воспринимать большие объемы информации, выявлять причинно-следственные связи, концентрировать внимание. Формированию клипового мышления в немалой степени способствует стратегия «курсорного чтения»: «У молодых людей, предпочитающих «чтение по диагонали», возникают не только проблемы с глубоким анализом текстов, но и с синтезом, порождением новых текстов» [5; с. 39].

Одной из серьезных проблем современного общества является «утрата традиции передачи литературной культуры от поколения к поколению» [6; с. 185]: уходит в прошлое традиция семейного чтения и семейного обсуждения прочитанного, существенно различаются читательские предпочтения среди представителей разных возрастных групп.

Сегодня популяризацию чтения обозначают как одно из приоритетных направлений государственной политики. В 2017 году было подписано распоряжение об утверждении «Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения», в рамках которой предполагается проведение ряда мероприятий, направленных на преодоление кризиса чтения: «создание межведомственных экспертных советов по рецензированию детской литературы»; «формирование государственного заказа на выпуск социально значимой детской и юношеской литературы», «государственная поддержка распространения указанной литературы по библиотекам, обслуживающим детей и юношество», «популяризация семейного чтения как элемента ответственного родительства», «систематическое обновление фондов библиотек», «формирование системы продвижения детской литературы в медиасфере» [1; с. 9-11]. и т.д. Однако все эти меры не принесут желаемого результатов, без изучения читательских интересов современного ребенка,

выявления причин падения читательской культуры. С этой целью мы провели анкетный опрос школьников 4-х, 8-х и 11-х классов (всего 106) человек в школе № 67 г. Воронежа.

Анализ результатов анкетного исследования позволил сделать нам ряд выводов, касающихся особенностей читательских интересов современных школьников, обозначить круг чтения и место читательской деятельности в жизни современного школьника, выявить возрастные и гендерные особенности читательских предпочтений.

Сегодня чтение является одним из способов досуга. Современные школьники вне зависимости от возраста предпочитают чтению встречи и прогулки с друзьями, а также компьютерные игры. В среднем, ученики готовы тратить на чтение 20-23% свободного времени, а в 8-м классе этот показатель снижается до 7 %. Количество времени, уделяемого школьниками чтению, сопоставимо со временем, которое они тратят на иные общеразвивающие формы досуга, например, посещение кружков и секций.

Характерно, что подобная ситуация не связана с отсутствием любви к чтению, поскольку подавляющее большинство школьников в целом относятся к нему положительно, но зачастую испытывают нехватку времени для чтения. Если в 4-м классе читать любят одинаково и мальчики и девочки, то уже в 8-м и 11-м классах мальчики начинают утрачивать интерес к чтению, а процент читающих девочек значительно увеличивается.

Нами было отмечено, что в основном ученики младших классов считают книгу одним из средств развлечения. В старших классах книга в большей степени воспринимается как средство обучения. Вероятно, в том числе и поэтому ученики 11-го класса значительно реже желают получить книгу в подарок. Для сравнения, в 4-м классе 67% ответили на вопрос о книге-подарке положительно, а в 11-м классе те же 67% отнеслись к этой идее отрицательно. Девочки воспринимают книгу в качестве подарка гораздо охотнее, чем мальчики.

Как показали результаты проведенного опроса, литературу для чтения школьники в основном берут в библиотеке и в сети Интернет. Треть учеников 8-го класса предпочитает приобретать литературу в магазине, отметим, что и читают в этом классе меньше всего, немаловажную роль здесь играет тот факт, что приобретение книг достаточно дорогое удовольствие. Интересно отметить, что, если в начальной школе библиотеку в основном посещают мальчики, то в 8-м и 11-м – это девочки, а мальчики, особенно в 11-м классе, предпочитают знакомиться с литературой в сети Интернет.

Чем старше становятся школьники, тем в большей степени самостоятельно регулируют процесс чтения, а вот в младшем классе 20% учеников (в основном мальчиков) читать заставляют родители.

Современные ученики не готовы прислушиваться к мнению авторитетных взрослых (родителей, учителей, библиотекарей) при выборе книг, предпочитая руководствоваться собственным мнением. Только небольшое количество учеников 4-х классов основывает свой выбор на мнении родителей, при этом они же готовы прочитать любую книгу, которая привлечет их внимание. Ученики выпускного класса часто при выборе книг учитывают рекомендации посторонних людей в сети Интернет. Современные школьники не только не готовы прислушиваться к чужому мнению, но и сами не хотят давать советы по выбору книг окружающим, мотивируя это тем, что «у всех разные предпочтения, поэтому советовать не стоит», так ответило большинство опрошенных старшеклассников на предложение посоветовать книгу друзьям и одноклассникам.

Читательские предпочтения учащихся существенно меняются от 4-го к 11-му классу. Если ученики 4-го класса предпочитают классические детские произведения (в основном рассказы и повести), то в 8-м и 11-м классах подобная литература востребована в наименьшей степени. Умеренный интерес вызывает поэзия, отметим, что в 4-м классе поэтические произведения больше любят мальчики, а в 8-м и 11-м классах исключительно девочки. Младшие школьники любят сказки, старшие - приключения и фантастику. Только учениками 8-го класса востребован жанр детектива. Совершенно не вызывают интереса энциклопедии. Согласно результатам исследования мы можем

наблюдать устойчивый, стабильно растущий интерес к книгам в жанре фэнтези 16%/38%/56% соответственно.

Различия проявляются не только в предпочитаемых жанрах, но и в тематике выбираемых произведений. Если в 4-м классе дети любят книги о животных, то в 8-м и 11-м подобная литература фактически не вызывает интереса. Естественно, чем старше становятся школьники, тем больше их привлекает литература о любви. В 4-м и 8-м классах литература о науке и технике не входит в круг читательских интересов, в 11-м классе – 22% учеников отдадут ей предпочтение. Абсолютное большинство респондентов независимо от возраста отдали предпочтение литературе о фантастических мирах. В целом круг читательских интересов гораздо шире у девочек, как в тематическом, так и в жанровом плане. Вопреки существующим представлениям именно девочки в большей степени интересуются исконно «мальчишескими» жанрами приключениями и фантастикой.

Чем старше становятся дети, тем в меньшей степени любят классическую литературу, изучаемую в школе, это подтверждает обозначенный учениками круг чтения. Если у младших школьников зарубежная и отечественная классическая литература детская составляет основной круг чтения, то у старшеклассников, осваивающих по школьной программе классическую зарубежную и русскую литературу, ориентированную на взрослого думающего читателя, она вызывает стойкую неприязнь. Исключение составляют короткие рассказы А.П.Чехова и некоторые произведения Н.В.Гоголя. Читательский выбор большинства учеников 8-го класса свидетельствует о вторичности чтения книги. Зачастую книги выбираются школьниками уже после просмотра фильма. Стоит отметить, что чем старше становятся школьники, тем уже их круг чтения. Об это свидетельствует реакция на предложение назвать любимую книгу. Если в 4-м классе 70% опрошенных смогли перечислить любимые книги, то в 8-м и 11-м назвали любимую книгу в около 30% опрошенных (в основном, это девочки).

Стоит отметить, что опрос подтвердил мнение ученых о том, что сегодня фактически не существует книг, объединяющих группы подростков. Исключением является только серия о «Гарри Поттере», порядка 30% учеников всех трех классов обозначили ее в качестве любимой книги.

Вопреки устоявшемуся мнению о том, что дети, не любящие читать, растут в семье, где взрослые не читают, стоит отметить, что подавляющее большинство опрошенных школьников указало, что их родители читают. Основная же проблема заключается в том, что родители не разговаривают с детьми о прочитанных произведениях. И чем старше становятся дети, тем меньше с ними обсуждают прочитанное.

Стоит отметить, что подавляющее большинство опрошенных учеников начальной школы читают каждый день. В среднем от 15 минут до 2-3 часов. Девочки читают больше, чем мальчики. По мере взросления количество времени, выделяемого на чтение, существенно сокращается. В 11-м классе есть мальчики, которые вообще стараются не читать художественную литературу.

Достаточно информативными оказались ответы на два последних вопроса, касающихся индивидуальных особенностей восприятия и мотивов чтения. Для учеников всех трех возрастов чтение является поводом обсудить прочитанное – 36%/ 46%/39% соответственно. 28% учеников 4-го класса читают книги, потому, что получают удовольствие от чтения и только 15% стремятся получить из книг информацию. Ученики 8-х классов связывают с книгой получение удовольствия от похода в магазин или библиотеку (46%) и возможность выразить себя (23%). Ученики 11-го класса видят в книге повод пообщаться (39%), высказать мнение (33%), получить информацию (28%). Около 8-10% учащихся во всех классах проявили явно негативное отношение к книге, сказав, что «вынуждены читать» (8-9%) и что чтение «пустая трата времени» (8%).

Как и следовало ожидать, в начальных классах главным мотивом чтения является признание со стороны учителя и родителей, помимо этого ученики 4-х классов считают чтение условием хорошей успеваемости и средством развлечения. В 11-м классе книга используется в основном для получения знаний, является источником размышлений и поисков ответов на философские вопросы. Только ученики 11-х классов отмечают

связь чтения с будущим, полагают, что у читающего человека больше шансов сделать удачную карьеру. Меньше всего мотивов для чтения имеют ученики 8-х классов. Признание родителей и успехи в учебе их уже не прельщают, а до осознания значимости книги в решении общечеловеческих и личностных проблем они еще не доросли. Для них важным оказывается отношение к книге как объекту потребления наравне с другими товарами.

Для девочек книга является возможностью пофантазировать, а для мальчиков высказать свое мнение. В целом, мотивов чтения оказалось больше у девочек, чем у мальчиков. Отметим, что девочки любого возраста осознают возможности применения навыков чтения в различных сферах жизни.

Библиографический список

1. Распоряжение: Концепция программы детского и юношеского чтения (распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2017 г. № 1155-р). URL: <http://government.ru/docs/27980/> (дата обращения: 22.04.2018).
2. Воронцов А.В. Чтение как социальная проблема // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2009. № 11. С.24-33.
3. Яковлева Е. Скажи, что ты читаешь, и станет ясно, какой будет Россия // *Российская газета*. 2005. 27 июля (№ 3831).
4. Подкорытова Н.И. Общие проблемы чтения в современной России // *Чтение в современной России: кризис или смена читательских предпочтений: материалы круглого стола. Библиосфера*. 2012. № 4. С. 17-23.
5. Набиева Е.А. Чтение в эпоху информационных технологий // *Человек в мире культуры*. 2014. №1. С. 38-41.
6. Чудинова В. П. Дети и подростки в изменяющемся информационном пространстве: состояние чтения и группы риска // *Поддержка и развитие чтения в библиотечном пространстве России: сборник научно-практических работ*. 2007. С. 174-187. URL: <http://mcbs.ru/files/File/chudinova.pdf> (дата обращения: 22.04.2018).

References

1. Order: the Concept of the program of children's and youth reading (the order of the Government of the Russian Federation of June 3, 2017 No. 1155-p). URL: <http://government.ru/docs/27980/> (date of application: 22.04.2018).
2. Vorontsov A.V. Read as a social problem // *Universum: Vestnik of the Herzen University*. 2009. № 11. P. 24-33.
3. Yakovleva E. Tell me what you read, and it will become clear what will be Russia // *the Russian newspaper*. 2005. July 27 (№ 3831)
4. Podkorytova N. And. General problems of reading in modern Russia // *Reading in modern Russia: crisis or change of reading preferences: materials of the round table. The bibliosphere*. 2012. № 4. P. 17-23.
5. Nabieva E. A. The reading in the era of information technologies // *People in the world of culture*. 2014. № 1. P. 38-41.
6. Chudinova V. p. Children and adolescents in a changing information space: the state of reading and at risk groups // *support and development of reading in the library space of Russia: collection of scientific and practical works*. 2007. P. 174-187. URL: <http://mcbs.ru/files/File/chudinova.pdf> (date of application: 22.04.2018).

УДК 811.411

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
подготовительный факультет для иностранных учащихся
ст. преп. кафедры гуманитарных наук
Спиридонова Л.Н.
Россия, г. Казань, +7 9178550496
e-mail: sln69@mail.ru*

*Kazan (Volga region) Federal University
Preparatory faculty for foreign students
senior teacher of the department
of humanitarian sciences
Spiridonova L.N.
Russia, Kazan, +79178550496
e-mail: sln69@mail.ru*

Л.Н. Спиридонова

УЧИМСЯ УЧИТЬСЯ: РАБОТА НАД ТЕКСТОМ ПО РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ СО СТУДЕНТАМИ-НЕФИЛОЛОГАМИ

В статье рассматривается проблема актуализации и использования на занятиях по русскому языку как иностранному разнородного и обширного материала по дисциплинам медико-биологического направления. Применение электронного образовательного ресурса способствует вживлению в практический языковой курс научных понятий и терминов, текстов, конструкций, связанных с нефилологическим профилем. Форма углублённого чтения специальных текстов должна работать на расширение коммуникативных и профессиональных компетенций слушателей предвузовского уровня. Автор обращается в первую очередь к адаптированным научным текстам, соответствующим уровню языковой подготовки, хотя показывает и обусловленность дополнительного привлечения аутентичных текстов. Согласно современной методике предполагается отработка разных видов чтения для продуктивного понимания и запоминания слов, словосочетаний, словообразовательных и речевых моделей. Одновременно рассматриваются различные обучающие приёмы и виды тренировочных заданий, которые способствуют расширению словарного запаса и знакомству с научным стилем речи. Принцип нарастающей сложности при погружении в тему, при повторении грамматических и синтаксических особенностей помогает постепенному освоению терминологии из предметного глоссария. На практике доказывается, что задача преподавателя при работе над текстом научить слушателей учиться, а значит, извлекать максимум из его содержательной и технической стороны. В статье даны практические рекомендации деления на модули, образцы составления и группировки упражнений или тестов, используются элементы семантико-функционального подхода при изучении сложных предложений, а также приводятся варианты самостоятельной или дополнительной работы слушателей. Алгоритм данной текстовой работы в рамках предложенного электронного ресурса может быть полезен в дальнейшем на учебно-практических и факультативных занятиях.

Ключевые слова: профилизация, негуманитарные науки, работа над текстом, электронный образовательный ресурс.

L.N. Spiridonova

LEARN TO LEARN: WORKING WITH THE TEXT ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE WITH NON-PHILOLOGIST STUDENTS

In the article sets the problem of actualization and using of various materials on the disciplines of bio-medical direction on the lessons of Russian as a foreign language. Using of electronic educational resource promotes scientific definitions and terms, texts, non-philological constructions in practical language course. Reading of specialized texts should help improving communication and professional skills of students of preparatory level. First of all, author notes adapted scientific texts, conforming level of language training. Author also shows advantages of applying authentic texts. According to modern methodic, it is supposed to practice of different kind of texts in order to facilitate understanding of words, collocations and special grammatical models. At the same time there are considered educational methods and training exercises which afford to expand vocabulary and introduce with scientific style. Principle of increasing level of difficulty, during the working on the concrete theme, help in gradual learning terms of professional glossary. Practically proved that teacher's task is to teach student learning and give all the best from work with the texts. The article contains advice of making modules,

examples of combining groups of texts and also there are presented variants of additional self-work. Algorithm of such work with the texts in electronic educational resource may be highly useful on practical and extra classes.

Key words: profiling, non-humanitarian sciences, work with the text, electronic educational resource.

Нередко перед преподавателями-русистами, работающими с иностранными студентами, встает важная задача – грамотный подбор текстов. Её решение требует особого подхода на этапе предвузовской подготовки, когда необходимо актуализировать учебный материал в соответствии с установкой на профилизацию и научный стиль речи. В процессе работы с будущими медиками, биологами, химиками со временем формируется комплекс адаптированных текстов и заданий, которые возможно разместить на платформе электронного образовательного ресурса (ЭОР). Основное внимание в нём уделяется практическим навыкам и умениям использовать грамматические и синтаксические конструкции одновременно с усвоением сведений по общей биологии, её подразделам (ботанике, зоологии, анатомии, физиологии) и органической/неорганической химии.

В конце первого семестра, когда уровень владения русским языком приближен к базовому (A2), необходимо вводить элементы научного стиля, а затем во втором семестре продолжить изучение в рамках спецкурса. Такая работа нацеливает студентов-нефилологов на то, что специфика научного стиля определяется в значительной степени научными понятиями (дефинициями) и определённой структурой, а языковым выражением мышления служат суждения, умозаключения, обобщения [1; с. 419-421]. Как указано в официальных материалах по требованиям к уровням владения русским языком как иностранным, для базового уровня владения необходим объем 1300 единиц лексического минимума, а для первого сертификационного уровня – 2300 единиц, где доля основной научной лексики пропорционально возрастает [2; с. 6-10].

На базе подготовительного факультета для иностранных учащихся К(П)ФУ разработаны электронные материалы для слушателей медико-биологического профиля, которые закрепляли бы знания по специальным предметам и расширяли предметно-познавательные, личностно ориентированные и профессиональные компетенции. ЭОР представляет собой несколько крупных модулей: глоссарий по биологии и химии, включающий основные понятия и термины, тексты и видеоматериалы, а также форум для обсуждения.

Важную часть составляют текстовые материалы, которые располагаются в трёх блоках:

- о выдающихся учёных;
- о некоторых химических элементах, веществах и их свойствах;
- об истории клеточного строения организмов.

Внутри блоков имеются открытые вопросы, направленные на вычленение основной информации, установление логических связей между понятиями или частями, в том числе, продолжить фразу, составить план, придумать название к тексту, подобрать синонимы, кратко изложить проблему текста и др.

К каждому тексту предлагаются тестовые задания и упражнения для самостоятельной работы слушателей, которые предусматривают закрепление и проверку знаний после изучения определённой части модуля или темы. Некоторые из заданий снабжены ключами для самопроверки и служат учебными тренажёрами с неограниченным количеством попыток. Например, нужно выбрать из списка слов и вписать в матрицу ответы на вопросы в соответствии с родом: *какой вид отбора существует по теории Ч.Дарвина, какая система человеческого организма, какое вещество биосферы, какие органоиды клетки* и пр.

Методика работы в модуле «Грамматические задания по учебнику биологии», как правило, подразумевает постепенное усложнение и последовательность действий от микротемы к ключевой теме или разделу в целом: после лекции или самостоятельного изучения теории выполняются тесты закрытого типа: на нахождение соответствия,

множественный выбор или единственно правильный ответ. Среди тренажёрных заданий на соответствие предлагаются такие, как «Место человека в системе органического мира», «Типы тканей в организме человека», «Особенности строения млекопитающих», «Объект изучения и разделы зоологии» и т.д. К заданиям из части 1 и 2 имеются ответы для сравнения и отработки темы.

Далее следует краткий теоретический блок, подразумевающий наиболее частотные конструкции и формы в соответствии с подходом семантико-функциональной грамматики. В следующий раздел под названием «Работаем над языковым материалом» входят задания по грамматике и словообразованию, которые в дальнейшем облегчают понимание текстов. Некоторые из них содержат формулировки: *найдите ошибки, напишите слова в скобках в нужном падеже, образуйте полную форму прилагательных, используйте глаголы, от которых образованы указанные слова* и т.д.

Параллельно предлагается работа с микротекстами, в которые необходимо вставить слова или словосочетания из указанной группы, а затем сравнить ответы с ключом к заданию. Это облегчает процесс запоминания лексических и семантических полей нефилологами и позволяет развить их логические способности.

Первая группа слов содержит конструкции, с помощью которых выражается логическая последовательность между фрагментами текста: *сначала – затем, поэтому, ввиду этого, во-первых, во-вторых, в-третьих, в заключение и пр.*

Вторая группа включает краткие формы от полных прилагательных: *разнообразный, безвредный, полезный, известный, целостный, свойственный, тождественный и пр.*

Третья группа – видовые глагольные словосочетания: *давать – дать определение, менять – поменять местами, ставить – поставить в соответствие к чему, приводить – привести пример, представлять – представить что в виде чего и пр.*

Четвёртая группа – отглагольные образования существительных: *сохранение, со вмещение, завершение, подтверждение, добывание, поглощение, растворение, испарение, изображение, восстановление, удаление и пр.*

Пятая группа – сложные слова с префиксами: *фито- ультра- сверх- про- гетеро- гипер- гипо- макро- микро- и пр.*

Шестая группа – классификация существительных с определёнными суффиксами, например: *бронхит, гайморит, радикулит, тромбозит, аппендицит* или в сложных словах с общим корнем: *зоология, энтомология, гельминтология, орнитология и пр.*

Расширены рамки самостоятельной работы по чтению, так как главная цель такой работы – ведение лексико-грамматических наблюдений в тексте, преодоление трудностей с помощью языковой догадки и, как следствие, моделирование естественной читательской деятельности. В этой связи интересны типовые задания: разделите цепочку букв на слова. Например, в разделе «Основные понятия и законы генетики» представлена такая цепочка:

И-з-м-е-н-ч-и-в-о-с-т-ь-м-у-т-а-ц-и-я-с-е-л-е-к-ц-и-я-п-о-р-о-д-а-с-о-р-т-ш-т-а-м-м-б-и-о-т-е-х-н-о-л-о-г-и-я-д-о-м-и-н-и-р-о-в-а-н-и-е-к-о-м-п-л-е-м-е-н-т-а-р-н-о-с-т-ь;

или работа с изображениями в разделе «Ботаника»: выберите название для схемы соцветий: *кисть, зонтик, головка, корзинка, початок, колос, щиток и пр.*

Как правило, большую трудность у иностранных учащихся вызывают сложные предложения с разными типами союзов. Хотя на предвузовском уровне даётся небольшая часть разноуровневых синтаксических конструкций, отработка заданий с учётом семантико-функционального подхода помогает учащимся овладеть навыками правильного построения высказывания и узнавания элементов синтаксиса в научном тексте. Такой опыт работы отражён в учебной литературе, например, на уровне В1-С2. При группировке заданий за основу взята идея о том, что в практически ориентированной семантико-функциональной грамматике системность и функциональность не противопоставляются, а взаимодействуют [3; с. 4]. По аналогичной модели в один из разделов ЭОРа включена работа с разными обстоятельственными компонентами, в том числе, примеры из текстов научного стиля. Для этого слушателям предлагается в конкретном тексте найти и подчеркнуть союзы или заменить на синонимичные конструкции. К

уровню повышенной сложности относятся творческие задания типа «продолжите предложение» или «исключите лишнее и подготовьте сообщение».

Систематизированы упражнения по четырём группам союзов:

для выражения причинно-следственных отношений: *так как, по причине того что, потому что, в связи с тем что, в результате того что;*

для выражения целевых отношений: *чтобы, для того чтобы, с той целью чтобы, затем чтобы, во избежание того чтобы;*

для выражения условных отношений: *если то, когда тогда, при том условии что;*

для выражения уступительных отношений: *несмотря на то что, хотя.*

Особо следует остановиться на работе с текстами. В отдельном модуле учащиеся медико-биологического профиля знакомятся с интересными фактами из мира науки и жизни выдающихся учёных-химиков, биологов. Предложенная подборка адаптированных учебных текстов и дополнительных материалов из научно-популярных печатных или электронных изданий (для уровня А2-В1) помогает слушателям не только осваивать терминологию и конструкции, но и формирует у них интерес к профессии, моральные принципы, интеллектуальные умения и т.д. На первом этапе предполагается отработка разных видов чтения (просмотровое, ознакомительное, изучающее), уделяется внимание названию, попыткам фрагментарного комментирования и сопоставления происходящих событий, явлений.

В предтекстовую работу включен языковой материал под названием «Знаете ли вы эти слова?» Здесь учитывается два момента: с одной стороны, собственно значение слова, а с другой – понимание общего смысла контекста. Важную часть здесь занимает общенаучная терминология, составляющая лексическую базу научного стиля речи. К примеру, есть множество слов, которые используются в разных отраслях знаний: *величина, функция, количество, качество, свойство, значение, элемент, эксперимент, процесс, множество, часть, время, результат, следствие, условие, причина, взаимосвязь, анализ, синтез, доказательство, система, базироваться, поглощать, ускорять, минимально, универсальный и пр.*

Также обращается внимание слушателей на то, что в научном стиле употребляются и фразеологизмы терминологического характера, речевые клише, характерные именно для этой функциональной разновидности речи: *представляют собой, включает в себя, состоит из..., применяется в (для)..., заключается в..., относится к... и пр.*

В качестве послетекстовой работы предлагаются задания под заголовком «Думаем, говорим, обсуждаем». Среди них есть повторяющиеся компоненты с отдельным символическим обозначением на полях, в том числе,

вопросы на сравнение: *что нового вы узнали об этих людях или после прочтения сравните свойства, цвет химических элементов;*

на расширение культурного фона: *как вы понимаете слова этого учёного, согласны вы с ним или нет,*

на преобразование прямой речи в косвенную и наоборот;

на составление вопросов к тексту и обсуждение их.

Формой контроля является устный или письменный рассказ об интересном открытии, теории, законе – с использованием заданных слов-помощников. Текст в 400-500 слов предлагается сократить до 100 слов и представить в виде основной информации с ключевыми словами. Подобная работа на воспроизведение текста и «пропускание через себя» одновременно выявляет у слушателей опорные знания и словарный запас по этой теме.

Как известно, создание ассоциативного ряда по тексту, наряду с просмотром видеофрагментов и прослушиванием аудиозаписей, является эффективным приёмом, поскольку задействованы все органы восприятия. Тексты, наглядные материалы к нему и последующие тренажёрные задания создают условия для запоминания и систематизации ассоциативного поля. Используя широкие возможности электронных ресурсов по курсу анатомии, например, URL: [http:// www.biolog188.narod.ru/anatomia.htm](http://www.biolog188.narod.ru/anatomia.htm) или <http://>

www.edu21.cap.ru/?t=hry&eduid=5481&hry=52292/52364, можно предложить рассмотреть закономерности, строение систем и органов, основные процессы высшей нервной деятельности и других подсистем. Причем, обсуждение возможно как на учебных занятиях, так и в формате чата или форума. В данном случае форум служит не только учебным приёмом, но и площадкой для дальнейшей работы под конкретные обучающие цели. Выполнение дополнительных заданий для самостоятельной работы не ограничено временем и предполагает более глубокое погружение в тему.

Предложенная форма работы направлена на достижение практических и прагматических целей, в том числе, на расширение новой лексики, свойственной нефилологическому профилю, на изучение и иллюстрацию грамматических объектов и синтаксических закономерностей, на систематизацию информации по медико-биологической направленности, а в целом, на дальнейшее обучение слушателей устной и письменной речи, закрепление на подсознательном эмоциональном уровне сведений из сферы введения в специальность. Об этой «технологии» не раз писал Е.И.Пассов. Достижение определённых эмоций подготавливает, с одной стороны, представления человека к зрительной информации: к прочитанным и увиденным явлениям, действиям, с другой стороны, как свойство памяти закрепляет логическое и наглядное содержание [4; с. 12-13].

Таким образом, комплексный подход через чтение текстов и применение данного электронного образовательного ресурса способствует активизации учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в рамках профилизации, а вынесенное в название статьи выражение «учимся учиться» как нельзя лучше показывает роль самостоятельной работы и стремление к результативности в овладении знаниями.

Библиографический список

1. Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2007. 464 с.
2. Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требования к ним [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01042014-n-255/#100010/> (Дата обращения: 26.02.2018).
3. Копров В.Ю., Сушкова И.М., Фахра Е.Н. Синтаксис русского языка для медиков и биологов. Объектное и обстоятельственные значения: учебное пособие для иностранных учащихся. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 328 с.
4. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.

References

1. Golub I. B. A new dictionary of the Russian language and practical stylistics. M.: Eksmo, 2007. 464 p.
2. About the statement of levels of knowledge of Russian as a foreign language and requirements to them [Electronic resource]. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01042014-n-255/#100010/> (date of application: 26.02.2018).
3. Koprov V. Yu., Sushkova I. M., Fahra E. N. The syntax of the Russian language for physicians and biologists. Object and detailed values: a textbook for foreign students. M.: Russian language. Courses, 2017. 328 p.
4. Passov E.I. Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication. M.: Russian language, 1989. 276 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры литера-
туры и методики ее преподавания
Рябцева Н.Е.
Россия, г. Волгоград, 89889640767
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru*

*Volgograd State Social and Pedagogi-
cal University
The chair of literature and methods of
its teaching
PhD, Associate Professor of
Ryabtseva N.E.
Russia, Volgograd, 89889640767
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru*

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
студентка факультета филологического
образования, гр. ФЛ-РЛБ-51
Топчиева М.В.
Россия, г. Волгоград, 89616908055
e-mail: topchieva_nn@mail.ru*

*Volgograd State Social and Pedagogi-
cal University
The department of philological educa-
tion
Student of group FL-RLB-51
Topchieva M.V.
Russia, Volgograd, 89616908055
e-mail: topchieva_nn@mail.ru*

Н.Е. Рябцева, М.В. Топчиева

ТОПОС ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Предметом данного исследования является семантика топоса детства в современной русской литературе. Рассматриваются структурно-семантические особенности топоса детства в женской поэзии и прозе. На примере творчества И. Кабыш, художественных произведений Т. Толстой («На золотом крыльце сидели...»), В. Токаревой («Рождественский рассказ»), Л. Улицкой («Детство 45-53: а завтра будет счастье») исследуются образы и мотивы, традиционно связанные с мифологемой детства, - дом, сад, школа, тема памяти и беспамягства, мотив утраченного рая. Авторы видят свою задачу в выявлении литературных и мифопоэтических истоков идиллического топоса детства, а также форм его образной модификации в современной литературе.

В ходе исследования были определены следующие особенности топоса детства в современной литературе: 1) пространство детства оказывается пронцаемым, незащищенным от вторжения разрушительных сил смерти и энтропии; 2) особое значение обретаег тема утраченного рая, обнажающая конфликт детского и взрослого мира; 3) идиллическому хронологу, традиционно соотнесенному с темой детства, противопоставлен мортальный топос и патографический топос.

Ключевые слова: образ ребенка, тема детства, идиллический хронолог, топос сада, топос школы.

N.E. Ryabtseva, M.V. Topchieva

TOPOS OF CHILDHOOD IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

The subject of this study is the semantics of childhood topos in modern Russian literature. The structural

and semantic features of the topos of childhood in female poetry and prose are considered. On the example of creativity of I. Kabysh, works of T. Tolstaya ("On the golden porch were sitting..."), V. Tokareva ("Christmas story"), L. Ulitskaya ("Childhood 45-53: and tomorrow will be happiness") we study the images and motives traditionally associated with the mythologema of childhood such as home, garden, school, the theme of memory and loss of memory, the motif of the lost Paradise. The authors see their task in identifying the literary and mythopoetic origins of the idyllic topos of childhood, as well as the forms of its figurative modification in modern literature.

The study has identified the following features of the topos of childhood in modern literature: 1) the space of childhood is permeable, unprotected from the invasion of the destructive forces of death and entropy; 2) the theme of lost Paradise, revealing the conflict of the child and the adult world; 3) idyllic chronotope traditionally correlated with the theme of childhood, contrasted with the mortal topos and patographical topos.

Key words: child, childhood, idyllic chronotope, topos of the garden, topos of the school.

Тема детства занимает особое место в современной русской литературе. Пространственные образы и модели, связанные с образом ребенка и темой детства, сегодня становятся универсальным моделирующим языком. С помощью этого метаязыка пространственно выражаются понятия, которые «сами по себе не имеют пространственной природы» [8], – жизнь и смерть, бренность земного бытия, вечный поиск гармонии и идеала.

Пространственная структура «детского» топоса в современной литературе сложна и динамична. Основу этой структуры, ее семантическое ядро составляет архетип ребенка и комплекс соответствующих образов и мотивов, сформированных под влиянием русской литературной традиции. Пространственно-временной континуум детства в русской литературе на сегодняшний день исследован весьма основательно [7; 10; 11]. Традиционное представление о «детском» топосе, как правило, сопряжено с воссозданием локализованного во времени и пространстве идиллического хронотопа с характерной для него пространственно-временной структурой, имеющей бинарный характер. Идиллический хронотоп детства традиционно соотнесен с архетипическими образами и мотивами, такими, как образ дома или «образ счастливого места», образы матери, отца, ребенка, комплекс солярных мотивов, мотив изобилия, «золотого века», мотив потерянного рая и т.д. Архетипические образы и мотивы «детской» темы нередко выступают в качестве литературных «сигналов» узнавания традиционной для читателя темы. Однако порой читательские ожидания в определенном смысле оказываются обманутыми. Так, детский топос в современной литературе существенно трансформирует классическую «формулу» идиллического хронотопа, выявленную М.М. Бахтиным: «...органическая прикрепленность, приращенность жизни и её событий к месту – к родной реке и лесу, к родному дому. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром» [1; с. 375].

Структуру пространственно-временного континуума детства в современной литературе в строгом смысле слова нельзя определить как бинарную. Структура становится более динамичной и подвижной. Яркий пример подобных трансформаций мы можем наблюдать в стихах Инны Кабыш. «Пространственный мирок» детства не отделен у Кабыш от мира взрослых: топос детства локализован в самом эпицентре хаоса повседневности и не защищен от вторжения разрушительных сил смерти и энтропии. Показательный пример подобной проницаемости пространства, вторжения смерти и хаоса в безмятежный мир детства – поэтический цикл «Золотое сечение» (Дружба народов. 2000. №4) [6]. Само название цикла ориентировано на архетип детства как «райского места». Однако пространственно-временная структура цикла в целом свидетельствует об амбивалентном характере восприятия топоса детства: мир детства представлен одновременно в двух атрибутивных категориях – созидательной, гармоничной и разрушительной, дисгармоничной. Семантическим ядром – «золотым сечением» – пространственного континуума становится архетип детства, совмещенный с мифопоэтической моделью пространства в его культурно-мифологической проекции на античные образные мифологемы. «Детская» семантика в данном контексте обретает допол-

нительные коннотации: «детство» как символический исток европейской культуры, имеющей античные корни. По «законам» мифа реализуется модель целостного и законченного космоса с вечно длящимся настоящим, локализованным в топосах дома (нередко у И. Кабыш таким пространством становится топос дачи) и сада:

Дача: клубничное жаркое детство,
плюсquamперфект, почти мезозой,
гений: ребенок с геном злодейства
хищно охотится за стрекозой.

Пространственная семантика последнего стихотворения цикла резко контрастирует с мифологическим идеалом детского топоса, представленным в основной части произведения. Гармоничный мир детской мечты, построенный по «законам» мифа и реализованный в идиллическом хронотопе, отторгается реальностью взрослого мира. Разобщение двух сфер бытия – взрослого и детского миров – мотивировано вторжением смерти, которая разрушает цельность и внутреннее единство идиллии. Топос детства, символизированный в образе «дома золотого сечения», в заключительной части цикла сменяется хаотическим и абсурдным антимиром, локализованным в образе подростковой психбольницы-тюрьмы:

А за окнами дождь бранится,
бьются листья о стенку лбом...
Подростковая психбольница -
отчий дом, семейный альбом.

Надзирательница с ключами
треугольными, врач-сатир,
чай с казенными калачами -
полоумный, недетский мир.

Примечательно, что внутреннее – пограничное – состояние лирической героини согласуется с пространственной образностью стихотворения: возникает особое экзистенциальное пространство между детским и взрослым мирами – «недетский мир». С помощью пространственной символики поэт пытается осмыслить сам феномен взросления, перехода из мира детства во взрослый мир. В поэзии Кабыш этот переход всегда отмечен знаком глубокого внутреннего трагизма. Лирическая героиня Кабыш внутренне сопротивляется проникновению мира взрослых в свой детский мирок, недаром так часто в ее «детских» стихах возникают «замкнутые» топосы, актуализирующие семантику насилия, несвободы: тюрьма, психбольница, школа-интернат, детский дом. При этом наиболее характерные модификации наблюдаются в структуре образа дома как одного из центральных архетипов идиллического хронотопа. Включенный в реальность взрослого мира, архетип дома не несет в себе сакральных признаков: «домашнее» пространство оказывается проницаемым и утрачивает основную функцию – защиты от разрушительных внешних сил зла и смерти. В своих мини-поэмах – «На краю», «Майский снег», «Добрая мачеха», «Детское воскресение» и других – И. Кабыш смело, порой с использованием приемов гротеска, диагностирует болезнь нового времени – разрушение семьи как таковой и, как следствие, разрушение традиционных смыслов, заложенных в образной структуре архетипа дома. Актуальность обретают модели художественного пространства, не связанные традиционно с темой детства, – топосы болезни и смерти. Примечательно, что подобная же трансформация устойчивых в русской культуре архетипов наблюдается и в женской прозе, о чем свидетельствуют ряд исследований. Так, по мнению американской исследовательницы Е. Гошило, в женской прозе 1980-х годов возникали новые хронотопы, например, хронотоп больничной палаты, но самые радикальные изменения претерпели хронотопы дома и внешнего мира, где очевидными чертами стали функции преследования, насилия, бегства [3].

Интересные семантические модификации топоса детства, связанные с трансформацией мифопоэтической идиллической модели детского топоса, можно обнаружить в творчестве Т. Толстой. Так, рассказ «На золотом крыльце сидели...» (1983) с первых строк воссоздает пространство, наполненное библейской символикой: «В начале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени...» [13]. Мир детства четко локализован во времени и пространстве. Время в этом измерении утрачивает линейность и движется как время мифологическое. Это замкнутый круг длящегося настоящего, своего рода срез вечности – вечное лето. Пространство в тексте структурно сосредоточено вокруг дома, двора и сада обожаемого детьми «старика» – дяди Паши: «торопится дядя Паша в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной, в Дом, где на огромной кровати о четырех стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица» [Там же].

Идиллическое пространство детства в рассказе Т. Толстой – это замкнутое и непроницаемое пространство, обособленное от городского пространства и в определенном смысле противопоставленное ему. Природа подобной пространственной оппозиции, имеющей различные семантические вариации, отсылает нас к многочисленным примерам из литературы XIX и XX вв. о детстве (например, «Ванька» А.П. Чехова, «Петька на даче» Л. Андреева). Пространственная антитеза город – усадьба (город – деревня/дача) определяет жанровый канон автобиографических повестей о детстве Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Н.М. Гарина-Михайловского, А.М. Горького, И.А. Бунина, А.Н. Толстого, А.П. Гайдара, К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, В.П. Катаева, В. Распутина, В. Астафьева и др.

В рассказе Т. Толстой город с его суетой, шумом машин, запахом пыли и многоэтажными домами отчужден от сказочного и неторопливого мира дачной глуши, в котором каждый шаг в любую сторону света таит в себе неисчерпаемое богатство красок, звуков, ощущений и впечатлений: «...на юг – колодец с жабами, на север – белые розы и грибы, на запад – комариный малинник, на восток – черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки» [Там же]. Город же есть «зима, зима, зима, свинка и корь, наводнение и бородавки...» [Там же]. Неизбежное увядание природы в рассказе Т. Толстой метафорически соотносится с таким же неизбежным прощанием со светлой порой детства: «Осень, что тебе надо? Постой, ты что же, всерьез?.. <...> Как мы выросли. Как ты все-таки сдал, дядя Паша!» [там же]. Неслучайно смерть за почитаемым стариком приходит зимой: вместе с ним ушло и детство, оставив в душе ностальгию о сказочном мире.

Гармония мироздания разрушается с момента вторжения в мир ребенка, в его сознание, понятия смерти. В начале рассказа тема смерти представлена сквозь сознание ребенка, воспринимающего смерть как игру: похороны умершего воробья – это по-детски травестированный ритуал погребения, превращенный в детскую игру («Мы сделали ему чепчик из кружавчиков, сшили белую рубашечку и похоронили в шоколадной коробке. Жизнь вечна. Умирать только птицы» [Там же]). В финале тема смерти обретает философское, трагическое звучание, рифмуется с темой бренности человеческого бытия. Смерть дяди Паши описана в чреде общих утрат и потерь. Всё, в том числе и человек, становятся жертвой неумолимого времени: «Пыль, прах, тлен» [Там же]. Идиллический топос в финале обретает нетипичные для этого типа пространства признаки, что выражается прежде всего в разрушенной связи между поколениями. Смерть дяди Паши без соблюдения ритуала – это первый шаг к разрушению основ отчего дома. Пустой курятник, на полке которого новая хозяйка оставила банку с прахом дяди Паши, – символ пустоты и безвременья. В заключительных строках рассказа возникает мотив утраченного рая, который звучит с нотой обреченности и безысходности. Героиня Толстой бродит по «простуженному сквозному саду, словно разыскивая потерянные следы на замокших дорожках». Примечательно, что автор оставляет свою героиню безымянной, указывая лишь на родство со старшим поколением («пожилая

Маргаритина дочь»). Беспамятство дочери, её тотальное равнодушие обнажают духовные тупики и ошибки взрослого, забывшего и потерявшего в своей душе образ ребенка.

Тема утраченного рая, тоски по идеалу обнажает конфликт детского и взрослого мира на пути взросления героя, его первых нравственных открытий и потерь. Героиня «Рождественского рассказа» (2008) В. Токаревой создает в московской квартире свой собственный сад. Уход за купленной для школьного живого уголка геранью открывает начальный этап взросления девочки, постижение того, что «цветок не игрушка, а живое существо с растительным сознанием» [12]. Литературная аллюзия на сказку А. Экзюпери создает особую – волшебную – ауру рассказа, поддерживая в читателе веру в чудо. Цветок символизирует радость и жизненную силу, кроме того, он выступает христианским символом, указывая на «принятие Божьего дара, детского восторга от природы в *раю*» [9]. Героиня мечтает поделиться своим садом – своей душой – со всеми: «Я отнесу в живой уголок, и мы всем классом будем на него смотреть. Приятно ведь смотреть в компании» [12]. Однако именно в школе хрупкий мир детской сказки не выдерживает грубого натиска окружающей реальности. Всего два движения понадобилось наглomu Борьке Карпову, чтобы разрушить детскую мечту: «одно – вверх – заносит портфель над головой, другое – вниз – на мой цветок. Горшочек выскочил из рук, упал на землю и раскололся. Земля рассыпалась, а красная головка цветка отлетела смятым сгустком» [там же]. Токарева показывает неизбежность подобного конфликта, однако важнее, те нравственные уроки, которые выносит героиня, найдя в себе силы простить своего обидчика.

Топос школы – один из устойчивых пространственных образов, связанных с темой детства. В современной литературе школа становится не только местом социализации героя, но и символическим пограничным пространством, где происходит трагическое столкновение личности героя с миром взрослых. Как и героиня В. Токаревой, первоклассница Таня из романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001) именно в школе впервые сталкивается «с чужой волей, с насилием в его самой легкой форме» [14; с. 45]. Счастливый мир детства дал трещину: «Оказывается, это и была взрослая жизнь – подчинение чужой воле...», и «эта идея накрыла ее сверху и начала подминать под себя...» [Там же]. В сборнике рассказов Л. Улицкой «Детство 45-53: а завтра будет счастье...» (2013) топосы дома и школы весьма устойчивы. Например, в рассказе Вячеслава Ищенко «Полинушка» герой в свой первый школьный день по дороге на учебу оказывается в толпе, обступившей мальчика – «Это был нищий оборвыш дошкольного возраста» [5; с. 241]. Для голодного послевоенного 1947-го года сей случай не был шокирующим, однако именно он «каким-то непостижимым образом сказался потом на моем представлении о школе. Если сказать просто, школу я недолюбливал» [там же]. Маленького впечатлительного ребенка испытания ожидали на протяжении всего обучения вплоть до перемены школы. Прибавилось и предвзятое отношение учительницы – Полинушки. «Помню, как она ставила меня на колени перед всем классом. Стоять было жестко. Спасибо еще за то, что соли не посыпала на пол. <...> Ну не нравился я ей, бедняге, и все тут» [Там же; с. 242-243]. Даже спустя десятки лет образ злосчастной учительницы не покидает сознание героя, напоминая о и без того непростою детстве как о времени полном испытаний, где грубый и циничный взрослый расчет делает своей жертвой самого чувствительного – то есть ребенка, травмируя маленькое сознание. «Кажется, я и сейчас не полностью преодолел это странное свойство характера – поступать иррационально, в противовес тому, что принято и «как надо». Делать «назло». Конечно, не всем» [Там же; с. 245]. Интересно при этом проанализировать другие рассказы Вячеслава Ищенко из сборника, в некоторой степени проследив становление самосознания героя. Так, в рассказе «Дядя Лёша» автор, повествуя о бывших годом ранее событиях, говорит: «А тогда для меня, семилетнего, вся жизнь была праздником. Я не знал бед и проблем, которыми жили старшие» [4; с. 202].

Несмотря на жестокую историческую реальность и суровое воспитание, скромный быт советских семей навсегда запечатлевался в детском сознании как счастливое время и вечное лето, хоть и не совсем беззаботное. В рассказе Каринэ Геворкян «Двор моего детства» территория между многоэтажными корпусами описывается героиней именно как «наш потрясающий двор!» [2; с. 162]. Нетронутый вражескими силами городской двор так же становится для детей Райским Садам. «А каких только деревьев не было! Дубы, липы, вязы, боярышник, каштаны, ясени, тополя, кусты сирени и акации. И никогда тополя не пылили своим пухом» [Там же; с. 163]. Этот центр притяжения маленьких жителей поддерживался взрослыми, не пускающими на свою территорию любые признаки города: «Никакого асфальта в садиках не было. Только дорожки между ними, чтобы можно было ездить на велосипедах, самокатах, возить кукол в колясках и детей. Немногочисленным машинам проезд по этим дорожкам был категорически закрыт» [Там же; с. 165]. Особую атмосферу в прочтении детской темы создает жанровая природа книги. Воспоминания реальных людей о своём детстве делают саму память о детстве живой и настоящей.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в современной литературе заметно модифицируются традиционные пространственные представления о метафизике детства. Топос детства не локализован в замкнутом идеальном континууме, не отделен от хаоса повседневности, – напротив, он включен в историко-культурную и социальную реальность и может быть постигнут лишь сквозь неё. Нравственно-философский конфликт, с которым сталкивается герой-ребенок, имеет глубинную литературную природу, заставляя современного читателя в новом контексте осмыслить «уроки» классической литературы. Идиллический хронотоп, соотношенный с темой детства и образом ребенка, в литературе последних десятилетий обретает новые характерные признаки. Топос детства становится проницаемым и, как правило, экзистенциальным пространством, расположенным в самом эпицентре хаоса повседневности. Особую актуальность обретают патографические пространственные модели, а также топосы границы, рубежа в различных семантических вариантах – сон, смерть, возраст, время и др. Топос детства, таким образом, может быть интерпретирован в свете динамики различных моделей и типов художественного пространства, что позволяет наметить дальнейшую перспективу настоящего исследования.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: «Художественная литература», 1975. 504 с.
2. Геворкян Г. Двор моего детства // Детство 45-53: а завтра будет счастье / Авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ, 2014. С. 162-170.
3. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / Пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург, 2000. 202 с.
4. Ищенко В. Дядя Лёша // Детство 45-53: а завтра будет счастье / Авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ, 2014. С. 202-207.
5. Ищенко В. Полинушка // Детство 45-53: а завтра будет счастье / Авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ, 2014. С. 240-245.
6. Кабыш И. Золотое сечение. Стихи // Дружба народов. 2000. №4. [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/4/> (дата обращения: 03.02.2018)
7. Крылова М.А. Автобиографическая тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): проблемы жанра. Нижний Новгород, 2000. С.14.
8. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 212.
9. Мифологическая энциклопедия. Цветы [электронный ресурс]. URL: <http://myfhology.info/planta/flowers.html> (дата обращения: 03.02.2018)

10. Николаева Н.Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова: формы письма и традиции жанра. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. С. 41-42, 98, 102,108.
11. Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»). Волгоград, 2002. С. 137.
12. Токарева В. Рождественский рассказ [электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/tokareva/1j/j54.html (дата обращения: 03.02.2018)
13. Толстая Т. На золотом крыльце сидели... [электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/tolstaya/e/j24.html (дата обращения: 03.02.2018)
14. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М.: Изд-во «Эксмо», 2002. 448 с.

References

1. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics: Studies of different years. Moscow, 1975. 504 p.
2. Gevorkyan G. The court of my childhood // Childhood 45-53: and tomorrow will be happiness / Comp. by L. Ulitskaya. Moscow, 2014. P. 162-170.
3. Goshilo E. Explosive world of Tatiana Tolstoy. / Transl. with English. D. Gantseva, A. Il'yenkov. Ekaterinburg, 2000. 202 p.
4. Ishchenko V. Uncle Lyosha // Childhood 45-53: and tomorrow will be happiness / Comp. by L. Ulitskaya. Moscow, 2014. P. 202-207.
5. Ishchenko V. Polinushka // Childhood 45-53: and tomorrow will be happiness / Comp. by L. Ulitskaya. Moscow, 2014. P. 240-245.
6. Kabysh I. The Golden section. Poems // Friendship of Peoples. 2000. № 4. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/4/> (date of application: 03.02.2018).
7. Krylova M.A. Autobiographical tetralogy by Garin-Mikhailovsky ("Tyoma's childhood", "Gymnasium", "Students", "Engineers"): problems of the genre. Nizhny Novgorod, 2000. P.14.
8. Lotman Y.M. On the art. St.-Petersburg, 1998. P. 212.
9. Mythological encyclopedia. Flowers [electronic resource]. URL: <http://myfhology.info/planta/flowers.html> (date of application: 03.02.2018).
10. Nikolaeva N.G. "Family chronicle" and "Childhood years of Bagrov the grandson" by S.T. Aksakov: forms of writing and traditions of the genre. Diss. ... PhD in philology. Novosibirsk, 2004. P. 41-42, 98, 102,108.
11. Savina L.N. Problems and poetics of autobiographical novels about childhood of the second half of the XIX century. ("The childhood" by L.N. Tolstoy, "The childhood of Bagrov the grandson" by S.T. Aksakov, "Tyoma's childhood" by N.G. Garin-Mikhailovsky). Volgograd, 2002. P. 137.
12. Tokareva V. Christmas story [electronic resource]. URL: http://rulibs.com/en_zar/prose_contemporary/tokareva/1j/j54.html (date of application: 03.02.2018).
13. Tolstaya T. On the golden porch were sitting... [electronic resource]. URL: http://rulibs.com/en_zar/prose_contemporary/tolstaya/e/j24.html (date of application: 03.02.2018).
14. Ulitskaya L. Kazus of Kukotsky. Moscow, 2002. 448 p.

УДК 821.112.2-94.09+929

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
канд. пед. наук, зав. кафедрой
романо-германской филологии
Скляр Н. В.*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
PhD, the head of the chair
of Romanic and Germanic philology
Sklyar N.V.*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка 4 курса специальности
«Немецкий / английский язык
и литература»
Тамбовцева Д.А.
Украина, г. Луганск, +380952917208
e-mail: tambovceva.96@bk.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The 4th-year student
(qualification «German/English language
and literature»)
Tambovceva D.A.
Lugansk, +380952917208
e-mail: tambovceva.96@bk.ru*

Н.В. Скляр, Д.А. Тамбовцева

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АВТОБИОГРАФИЯХ М. РАЙХ-РАЙНИЦКОГО «МОЯ ЖИЗНЬ» И «СЕЙЧАС» К.Х. БОРЕРА

В статье изучается проблема исследования особенностей автобиографии как разновидности документально-художественной литературы. Однако без внимания литературоведов остаются отдельные аспекты исследования автобиографической прозы, которые требуют подробного рассмотрения и анализа. Одними из этих аспектов стали изучение структуры и анализ повествования автобиографической прозы, то есть особенности нарративных стратегий. Эта проблема свидетельствует о необходимости другого прочтения известных и малоизвестных текстов и о гибкости литературно-художественного материала в применении к нему разнообразных аналитических процедур. Поэтому цель данной статьи – выявить характерные особенности нарративных стратегий в автобиографических произведениях М. Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» К.Х. Борера. Предметом статьи являются нарративные стратегии автобиографии М. Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» К.Х. Борера, их взаимодействие и функции. В данной статье мы использовали метод нарратологического анализа для дифференциации типов наррации; культурно-исторический метод для анализа художественного нарратива истории и культурных констант; описательный метод – с целью определения стилевых признаков автобиографических текстов. В статье был изучен термин «нарратив» и «нарративная стратегия» в современной филологии и уточнены терминологические основы. Далее в статье рассматривается автобиография как литературный жанр и выделяются в автобиографических произведениях Марселя Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» К.Х. Борера основные нарративные стратегии, а именно такие стратегии, как событийная стратегия и временная стратегия – хронотоп и коммуникативная стратегия – интертекстуальность. В данной статье упоминаются примеры из анализируемых нами автобиографий. Область применения результатов статьи заключается в том, что она может являться базой для дальнейшего исследования особенностей автобиографической прозы.

Ключевые слова: нарратив, нарративная стратегия, автобиография, хронотоп, интертекстуальность.

N.V. Sklyar, D.A. Tambovceva

**NARRATIVE STRATEGIES IN AUTOBIOGRAPHIES «MY LIFE»
BY MARCEL REICH-REINITSKY AND «NOW»
BY KARL HEINZ BORER**

The article deals with the problem of studying the features of autobiography as a kind of documentary and fiction literature. However, certain aspects of the study of autobiographical prose which require detailed analysis still remain without attention of literary researches. One of these aspects is the study of the structure and analysis of the narrative of autobiographical prose, that is, the features of narrative strategies. This problem indicates the need for different approach to well-known and little-known texts and for the flexibility of literary materials about applying various analytical procedures to it.

Therefore, the purpose of this article is to identify the characteristic features of narrative strategies in the autobiographical works «My Life» by M. Rajh-Reinitsky and «Now» by K.H. Borer. The subject of the article is narrative strategies of the autobiographies «My Life» by M. Rajh-Reinitsky and «Now» by K.H. Borer and their interaction and function. In this article, we used the method of narratological analysis to designate specifically types of narration, the cultural and historical method was used for analyzing the artistic narrative of history and cultural constants and the descriptive method was used to determine the style features of autobiographical texts. In the article the terms "narrative" and "narrative strategy" in modern philology and terminological bases are studied. Furthermore, the article considers autobiography as a literary genre and in the autobiographical works «My Life» by Marsel Rajh-Reinitsky and «Now» by K.H. Borer we highlighted main narrative strategies, namely strategies such as event strategy and time strategy - chronotope and communicative strategy - intertextuality. In this article, we mentioned and analyzed examples from the autobiographies. Results of the article can be used as a basis for further researches of the features of autobiographical prose.

Key words: narrative, narrative strategy, autobiography, chronotope, intertextuality.

В немецкоязычной литературе XX столетия особенное место среди художественно-документальных жанров занимает автобиография. В результате актуализации автобиографии в пределах современного литературного пространства продолжают появляться научные исследования, посвященные ее изучению.

Автобиографическое произведение является важнейшим литературным жанром о рассказе автором, о собственном жизненном опыте в истории русской и немецкой литературы, которое совмещает в себе самые интенсивные художественные подходы к событию как таковому и психологии личности, к авторской интерпретации внешнего и внутреннего мира и к осмыслению процесса творчества. Изучение теории автобиографии в немецком литературоведении началось в первой половине XX века.

Этот период стал началом ее интенсивного теоретического исследования. Так, труды немецкого философа В. Дильтея положили начало исследованию природы и сущности автобиографического произведения. Он рассматривал отношения между пережитым, средством его выражения и пониманием его на примере автобиографии, которую считал моделью герменевтического средства исследования.

Ученый рассматривал ее как центральный предмет литературоведческих исследований и одновременно главное средство исследования человека. Именно он впервые в немецком литературоведении пытался определить понятие автобиографии в то время «самобиографии». По его мнению, «самобиография – это самая высокая и инструктивная форма, в которой нам появляется жизни. Жизненный путь человека является полноценной, замкнутой в себе событием от рождения до смерти» [8, с. 16–17].

Для комплексного анализа автобиографического произведения авторы используют нарративный подход. Нарратив раскрывает социокультурное пространство, в котором автор описывает свои действия в прошлом, свое отношение к ним, предоставляя тем самым читателю понять суть авторской мысли, а так же понять поведения других

героев. Вот почему научное исследование многообразных жанровых модификаций автобиографических текстов столь актуально для современного этапа литературоведческой науки.

В статье будут рассмотрены нарративные стратегии в автобиографиях М. Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» К.Х. Борера.

На современном этапе развития литературного творчества можно выделить основную быстро развивающуюся тенденцию в анализе автобиографического опыта это использование нарративного подхода. Нарратология появилась в 1960-х годах, в итоге сращения рецептивной эстетики и структурализма. В широкое употребление эта научная дисциплина начала входить в литературную практику после новаторских работ западных теоретиков – таких, как чешский структуралист Л. Долежел, французские структуралисты А.Ж. Греймас, К. Бремон, Р. Барт, Ж. Женетт, Дж. Принс и немецкие исследователи Ф. Штанцель, В. Вулф, В. Шмидт, а также работ отечественных исследователей – таких, как Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, К.А. Андреева.

Обращаясь к источникам отечественной и западной науки о понятии нарратива, К.А. Андреева понимает нарратив как «рассказ, упорядоченное изложение событий», но «понятия нарратив является более объемным, чем рассказ, и рассказ - это лишь один из типов нарратива» [1, с. 15]. Немецкий исследователь Шмидт дает следующее определение: «Нарратив – это текст, в котором рассказывается о людях и о событиях, с ними происходят в той последовательности, которая устанавливается говорящим» [6, с. 87–90]. Французский исследователь Жерар Женетт в книге «Нарративный дискурс» писал, что повествование «может существовать постольку, поскольку оно рассказывает некоторую историю. В качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, которая в нем излагается, оно существует благодаря связи с нарративом, которая его порождает» [3, с. 43].

То есть нарратив в целом выступает в роли главной формы упорядочения и осмысления окружающего мира, а в контексте литературоведения – как особый конструкт, с помощью которого через повествование осваивается окружающая реальность.

К категориальному аппарату нарратологии входит понятие, которое является неотъемлемой составляющей организации содержания определенного текста, служит способом представления мыслей автора, персонажей, который реализован часто через посредничество рассказчика. Эти особенности воплощает нарративная стратегия произведения, то есть, как отмечает О. Ткачук, нарративная стратегия есть «совокупность нарративных процедур, которых придерживаются, или нарративных средств, используемых для достижения определенной цели в репрезентации нарратива» [5, с. 79].

Проработав теоретическую базу нарративных типологических концепций в литературоведческом аспекте, мы считаем целесообразным выделить следующие основные составляющие техники организации нарратива в текстовой палитре художественного произведения.

Коммуникативная стратегия. Современные концепции акцентируют внимание на фундаментальных коммуникативных стратегиях нарративного дискурса. Повествовательное произведение характеризуется сложной коммуникативной структурой, состоящей из авторской коммуникации речи рассказчика и читателя. В. Шмидт отмечает, что в коммуникативных уровнях рассказчика и автора добавляется факультативный третий уровень в том случае, если персонажи выступают как повествовательные инстанции [6, с. 24].

Событийная стратегия. Кроме коммуникативного измерения, имеет значение и событийный характер репрезентации нарратива в повествовательной манере

художественного текста. Событие сегодня рассматривают как стержень рассказывания текста, как «внешний или внутреннее движение персонажа путешествие, поступок, духовный акт» [4, с. 200].

Временная стратегия. Временные отношения выступают основными элементами всех нарративных текстов, ведь способ изображения произведения обнаруживается имеющиеся в нем изменения временного характера. О.А. Бабелюк убеждает, что проблема художественного пространства и времени формируют место и функции субъекта повествования [2, с. 205–217].

Классическими автобиографическими произведениями, яркими по природе и поэтическим своеобразием подчиняющимися законам наррации, в немецкой послевоенной литературе считают автобиографии М. Райх-Раницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» Карла Хайнца Борера. Оба писателя являются одними из наиболее влиятельных литературных критиков Германии и авторами многих статей и книг о немецкой литературе.

Анализируемым нами автобиографиям свойственна хронологическая последовательность изложения событий, поскольку автобиография является отражением жизненного пути человека, то есть обзор событий осуществляется от начала жизненного пути к моменту написания произведения. Однако, несмотря на сходство в линейной композиции в произведении Марселя Райх-Раницкого и Карла Хайнца Борера, структура двух этих произведений строится совершенно по-разному.

Уникальность структуры автобиографии Марселя Райх-Раницкого «Моя жизнь» заключается в том, что она разделена на 5 глав, где каждая глава выделена датой, который характеризует новый этап в его жизни. Так, например, Марсель во второй главе своей автобиографии, в которой описывается период с 1938 г. по 1944 г., показывает нам жизнь во время Второй мировой войны и ее последствия, которые повлияли на жизнь тысячи людей.

«Единственным спасением от ужасов, которые происходили в Варшавском гетто, была музыка и любовь. Любовь была наркотиком, которым мы заглушали свой страх – страх перед немцами» [9, с. 200].

По контрасту с данной автобиографией мы можем наблюдать совершенно иную структуру в произведении Карла Хайнца Борера «Сейчас». Автобиография Борера поделена на три главы, состоящие из 5 частей, которые выделены не датами, а ассоциативными выражениями, которые характеризуют тот или иной период его жизни. Например, вторая глава его автобиографии выделена двумя ассоциативными выражениями, одно из которых – «Preußischblau» 'Берлинская лазурь' [7, с. 150].

В этой части Борер показывает нам связь с событием под название «Падение Берлинской стены» и противоречивое мироощущение людей того времени. Борер описывает в свою очередь, как западногерманские левые уже пришли к соглашению о продолжении существования диктатуры на Востоке, и указывает, что ожидание воссоединения может проложить путь из провинции, однако тут же доказывает, что это всего лишь иллюзия.

Не менее уникальным приемом рассказчиков в исследуемых текстах является умышленное сочетание прошлого и настоящего, а также одномоментность явлений, зафиксированных в этих произведениях. О том, что разные временные измерения взаимозависимы друг от друга в произведениях используя даты и события. Так, например, в произведении Марселя Райх-Раницкого «Моя Жизнь» автор смотрит из будущего в прошлое, удивленно констатируя факты, изменившие судьбы тысячи людей: «Wenn man von heute an der Zeit der nürnbergigen Gesetze sähe...» – 'Глядя из сегодняшнего дня в те годы Нюрнбергских законов...' [9, с. 56].

Так же и Карл Хайнс Борер в произведении «Сейчас» излагает свои размышления о прошлом в настоящем времени и сожалеет о своей беспомощности: «Wenn ich damals ein junger Korrespondent wäre, könnte ich die Köpfe der Gesellschaft beeinflussen...» – 'Если бы я тогда, будучи юным корреспондентом, мог бы повлиять на умы общества' [7, с. 11].

Хронотоп в автобиографической прозе Марселя Райх-Райницкого и Карла Хайнца Борера имеет свою семиотическую природу. Так, например, хронотоп в автобиографической прозе рассказчики определяют через так называемые знаки времени и места «*Jener unvergeßliche, kühle, düstere, regnerische Abend im Februar 1937 in der Stadt Grünewald, Berlin*» – 'тот незабываемый, прохладный, мрачный, дождливый вечер в феврале 1937 года в городе Берлина Груневальд' [9, с.94] и «*Heißer, ermüdender Sommer 9 Juni 1976 in Hannover...*» – 'жаркое, изнуряющее лето 9 июня 1967 в Ганновере...' [7, с. 15].

Раскрывая суть коммуникативной стратегии, конструктивным принципом организации автобиографических текстов немецких писателей Марселя Райх-Райницкого и Карла Хайнца Борера выступает интертекстуальность, которая проявляет себя на нарративном уровне через сюжетные, стилевые, жанровые, художественно-образные заимствования. Наиболее часто в автобиографиях Марселя Райх-Райницкого и Карла Хайнца Борера используются такие формы интертекстуальности, как цитирование и реминисценции.

В автобиографиях обнаружены дословные текстовые фрагменты как из известных, так и почти неизвестных для обычного читателя литературных произведений. Рассказчик–интеллектуал цитирует произведения таких известных людей, как Томас Манн, Теодор Шторм, Иоганн Вольфганг Гёте, философ Паскаль и др.

К примеру, в автобиографии «Моя жизнь» используется цитата из повести Томаса Манна «Тонио Крёгер»: «*Wer stark liebt, ist immer im Nachteil und muss daran leiden*» – 'Тот, кто сильнее любит, всегда внакладе и должен страдать' [9, с. 354]. Этой цитатой Марсель показывает, насколько болезненной для него была любовь к немецкой культуре в третьем рейхе, когда культура немцев становилась варварством и насилием в связи с дискриминацией евреев. И единственное, чем можно было восхищаться и что оставалось неизменным, – это творческое наследие литературы, театра и музыки.

Приводя цитату из Генриха Гейне, Борер в автобиографии «Сейчас» хотел показать, насколько ограничена была свобода слова, все пропускалось через своеобразный фильтр цензуры власти, и невозможно было четко выразить свою позицию, а оставалось лишь молча оставаться при своем мнении. Только сейчас автор может сказать то, что думает, но не тогда. «*Ihr Toren, die ihr im Koffer sucht! Hier werdet ihr nichts entdecken! Die Konterbande, die mit mir reist, die hab ich im Kopfe stecken*» – 'Глупцы, вам ничего не найти, и труд ваш безнадежен! Я контрабанду везу в голове, не опасаясь таможен' [7, с. 350].

В автобиографиях главной составляющей при создании документального образа являются авторское слово и интертекстуальный элемент, поскольку они одновременно выражают смысл определенного фрагмента произведения, а чужой словесный блок используется потому, что он осознается как единственно возможная в этом случае форма отражения реальности или мысли, которая полностью удовлетворяет автора. Цитата в большей степени воспринимается как своеобразная собственность: ведь автор разделяет ее смысл, принимает способ выражения этого смысла.

В результате исследования нарративных стратегий в автобиографии Марселя Райх-Райницкого «Моя жизнь» и «Сейчас» Карла Хайнца Борера можно сделать вывод, что нарратив как процесс преобразования единичных событий в единое целое раскрывает присущие ему культурные традиции, связанные с фондом сюжетов,

которые могут быть использованы в дальнейшем для организации событий жизни и истории, то есть нарратив создает образы для следующих поколений.

Рассматриваемым нами текстам на нарративном уровне свойственны такие проявления временных и пространственных связей, как перемещения рассказчика между различными временными измерениями, параллельное сосредоточение персонажей и рассказчика в различных временных локациях и восприятие времени персонажами.

Интертекстуальность проявляется в передаче информации через вербальный коммуникационный канал, который позволяет упорядочить информацию, выстроить сообщение таким образом, чтобы достичь поставленных автором задач, в частности, психологического воздействия на сознание читателей, что предполагает, прежде всего, эффективное понимание ими смысла сообщения и основной мысли автора. Именно анализ этого информационного плана позволил нам определить эмоциональное состояние автора нарратива и его отношение к событиям.

Библиографический список

1. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
2. Бабелюк О.А. Принципы выявления наратора в американских постмодернистских коротких оповіданнях. К., 2005. Вип. 48. С. 205–217.
3. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. М., 1998. Т. 2. 66 с.
4. Тмарченко Н.Д. Эстетика словесного творчества М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция / Н.Д. Тмарченко. М.: Изд. Кулагиной, 2011. 400 с.
5. Ткачук А. Наратологичний словарь / О.Ткачук. Тернополь: Астон, 2002. 173 с.
6. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. М.: Языки славян, 2003. 312 с.
7. Bohrer K.H. Jetzt. Geschichte meines Abenteuers mit der. Suhrkamp Verlag, Berlin, 2017. 542 p.
8. Dilthey W. Die Autobiographie als literarische Gattung. Frankfurt a. M., 2006. P. 16–17.
9. Reich-Ranicki M. «Mein Leben». Deutsche Verlags-Anstalt GmbH. Stuttgart, 2002. 565 p.

References

1. Andreeva V.A. Literary narrative: discourse and text. St.-Petersbur, 2006. 182 p.
2. Babelyuk O.A. Principles of identification of the narrator in American postmodernist short story. Kiev, 2005. № 48. P. 205–217.
3. Genett, J. Works on poetics. Figures. Moscow, 1998. Vol. 2. 66 p.
4. Tamarchenko N.D. Aesthetics of verbal creativity of M.M. Bakhtin and Russian philosophical and philological tradition. Moscow, 2011. 400 p.
5. Tkachuk A. Narration dictionary. Ternopol, 2002. 173 p.
6. Schmid V. Narratology. Moscow, 2003. 312 p.
7. Borer K.H. Now. Story of my adventures with imagination. Suhrkamp, Berlin, 2017. 542 p.
8. Dilthey W. Autobiography as a literary kind. Frankfurt a. M: AT Verlag, 2006. 16–17 p.
9. Reich-Ranicki M. «My Life». German Publisher-Anstalt GmbH, Stuttgart, 2002. 565 p.

УДК 821.111

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского
языка и межкультурной ком-
муникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
Senior lecturer
Novikova M. V.
Russia, Voronezh, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Ученица 11 «А» класса
МБОУ СОШ №76
Яценко М.А.
Россия, г. Воронеж, +7(961)188-71-03
e-mail: mopella_666@mail.ru*

*Secondary school №76
Grade 11 "A"
School student
Yatsenko M.A.
Russia, Voronezh, +7 (961) 188-71-03
e-mail: mopella_666@mail.ru*

М.В. Новикова, М.А. Яценко

ОБРАЗЫ ИНДЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. КИНГА

Статья посвящена роману Стивена Кинга «Кладбище домашних животных» и индейской мифологии племен микмаков и алгонкинов. Проведено сравнение произведения (героев и событий) и мотивов мифологии, сделан вывод о значении мистических элементов в сюжете романа.

Стивен Кинг – мастер психологических и мистических романов, один из самых известных современных авторов. Его книги стали эталоном жанра ужасов. В своем творчестве он нередко обращается к мотивам индейской мифологии. Одним из самых ярких примеров таких произведений стал роман «Кладбище домашних животных», впервые опубликованный в 1983 году. В произведении происходит множество таинственных и мистических событий. Главные герои – типичная американская семья с двумя детьми. Всё произошедшее с ними автор объясняет индейской мифологией племен микмаков и алгонкинов. Для понимания романа нужно углубиться в разнообразные мифы и легенды этих племен. В данной статье проводится сопоставление «Кладбища домашних животных» с мифологией племен микмаков и алгонкинов. Упоминается такое мифическое существо, как вендиго (злой дух, который раньше был человеком, но по каким-либо причинам ставший монстром) и рассматривается явление американского страха перед индейцами (их вымышленное умение колдовать и проклинать). На основе анализа образов индейской мифологии представлено раскрытие характера центрального героя романа.

Ключевые слова: С. Кинг, «Кладбище домашних животных», микмаки, вендиго, индейцы.

M.V. Novikova, M.A. Yatsenko

THE IMAGES OF AMERICAN INDIAN MYTHOLOGY IN THE CREATIVITY OF S. KING

The article is devoted to the novel 'Pet Sematary' by Steven King and to the mythology of Micmac Indians and Algonquin Indians. The piece, its heroes and events are compared to the mythological motives, the conclusion about the importance of mystical elements in the novel is made.

Steven King is a master of psychological and mystical novels and one of the most famous contemporary authors. His books are considered to be masterpieces of horror genre. The writer often applies to the motives of the mythology of American Indians. One of the brilliant examples of such pieces is King's novel 'Pet Sematary'

first published in 1983. The novel is full of enigmatic and mystical events. The main characters are a typical American family with two children. Everything that happens with them is explained through the mythology of Micmac Indians and Algonquin Indians. It is necessary to delve deeply into their myths and legends to understand the novel completely. In the article we make parallels between 'Pet Semetary' and Micmac and Algonquin mythology. We also mention such mythical creatures as Vendigo (an evil spirit that used to be a human being but became a monster for some reasons) and such phenomenon as American fear of American Indians (their imaginary ability to conjure and curse people). The personality of the main character reveals through the analysis of the images of American Indians mythology.

Key words: S. King, 'Pet Semetary', Micmac Indians, Vendigo, American Indians.

«Король ужасов» – так называют американского писателя Стивена Эдвина Кинга. Звание мастера он получил благодаря произведениям в жанре ужаса, фэнтези, триллера, среди которых наиболее популярны «Сияние», «Кэрри», «Оно», «Зеленая миля», «Кладбище домашних животных». «Кинг очень рано увлекся литературой, в особенности жанром «ужаса», и уже с девяти лет стал писать короткие рассказы. Критики отмечают, «что С.Кинг учился литературному ремеслу у многих американских писателей - Уильяма Фолкнера, Карлоса Уильямса, Ширлея Джексона, черпал вдохновение из творчества Эдгара По, Лавкрафта и Рея Бредбери. Такие американские писатели как Ричард Матесон и Джон Макдональд оказали на него наиболее сильное влияние» [1].

Роман «Кладбище домашних животных» впервые был опубликован в 1983 году. В основу романа Кинг заложил чувство страха обычных людей перед мистическими рассказами про индейцев. В американской поп-культуре индейцы изображены жестокими, кровожадными людьми, которые умеют колдовать и проклинать. Их жизнь окружена ореолом тайны и мистики. Они якобы мстят за то, что их родную землю заняли, попутно убивая и разоряя. Все это внушает ужас жителям Америки, поэтому кладбища индейцев считают проклятыми местами.

Для лучшего понимания реализации индейской мифологии в романе мы прибегнем к краткому пересказу сюжетной канвы романа. Фабула произведения раскрывает историю семьи Кридов, состоящей из отца Луиса, матери Рейчел и двух детей – Элли и Гэджема. Они переезжают в новый дом, который стоит возле трассы. Их другом становится сосед Джуд. Однажды грузовик сбил любимого кота Элли, в связи с этой трагической ситуацией Стивен Кинг вводит фантастические мотивы, связанные с индейскими преданиями. Джуд, сосед Кридов, рассказал Луису о кладбище домашних животных, по легенде, за ним находится другое кладбище – племени микмаков, и, если закопать там своё любимое животное, через какое-то время оно возвращается обратно. Если обратится к анализу племени микмаков, то в буквальном понимании это «люди» – индейский народ, проживающий на северо-востоке Новой Англии, в атлантических провинциях Канады и на полуострове Гаспе в Квебеке. Современная численность достигает около 40 000 человек, из которых лишь около 11 000 говорят на микмакском языке [2]. Микмаки не отличаются кровожадностью, шаманскими ритуалами и жестокостью. Стивен Кинг взял именно этот народ, так как он жил на месте действия романа, в штате Мэн. На первый взгляд, может показаться, что автор решил упомянуть это племя в связи с географическим положением и приписать им мистические легенды, как того требовал замысел романа. Отсюда и появляется восставший из мертвых кот. С.Кинг, обрисовывая портрет животного, указывает на странности связанные с ним: заторможенность движений, при охоте кот проявлял излишнюю жестокость. С.Кинг намеренно подчеркивает потусторонность кота: «Черч медленно покачивался взад-вперед, словно пьяный» [3, с. 180]; «Уинстон Черчилль прошел под елкой, задев Луиса боком, и тот отпихнул кота с почти рассеянным отвращением – из-за запаха...» [3, с. 217]; «Черч не-

уклюже плюхнулся на пол перед камином. Похоже, у кота совсем не осталось былой грации» [3, с. 217]; «Теперь кот спал как убитый. Спал мертвым сном» [3, с. 217].

Затем автор вновь вводит мотив смерти, причем усиливает трагедийность ситуации, так как на этот раз умирает Гэйдж, младший сын Луиса. Охваченный отчаянием герой начинает думать о том, чтобы вернуть сына к жизни с помощью кладбища микмаков. С.Кинг намеренно выстраивает весь повествовательный сюжет вокруг кладбища, оно как будто становится мистической силой, притягивающей к себе героев. Сосед, узнав о трагедии семьи, начинает догадываться, что мысль о воскрешении Гэджа, уже приходила в голову Луиса, поэтому рассказывает историю про Тимми Батэрмена, который вернулся со Второй мировой войны в гробу. Его отец, Билли Батэрмен, не смог смириться со смертью сына и воскресил его, но оживший юноша уже не был собой, он казался воплощением какого-то злобного всезнающего демона, так что Билли пришлось снова убить его и покончить с собой. Среди старожилков ходили слухи, что земли индейского кладбища с давних пор стали прибежищем вендиго. С.Кинг указывает на то, что воскрешение человека с помощью магии кладбища – это своеобразное умерщвление его души: по факту возвращается лишь телесная оболочка. Тут же автор вводит новую параллель, в этой истории само племя микмаков раскрывается уже никак мистическое и таинственное, а напротив, пострадавшее от инородной злой силы. Причины появления данной силы не описаны в романе, автор лишь указывает на то, что индейцы пришли уже на волшебное место. Первое время кладбище действительно оживляло людей, возвращало тело и душу, поэтому говорить о мотиве воскрешения было вполне уместно. Но потом, из-за неизвестных обстоятельств, там поселился дух Вендиго, и теперь вместо душ умерших в тела погибших заселялся этот самый дух. Именно он творил жесткие и кровожадные вещи. Описание кладбища и его связь с племенем микмаков нужно было автору, чтобы ввести мотив загадочного воскрешения, но по ходу сюжета мы видим, что центральной мистической линией становятся вовсе не безобидные микмаки, а дух Вендиго. Как указывает сам С.Кинг, кладбище проклято совсем не из-за индейцев: «Микмаки верили, что это – волшебное место, – сказал он. – И этот холм, и весь лес от болота на севере и востоке. Они устроили здесь могильник и хоронили своих мертвецов, вдали от всего. Другие племена держались отсюда подальше<...> пенобскоты всегда говорили, что в этих лесах обитают духи... А потом даже сами микмаки перестали сюда приходить. Один из них утверждал, что видел здесь вендиго и что земля испортилась» [3, с. 163].

В мифологии алгонкинов (индейское племя) Вендиго трактуется как дух-людоед. Первоначально его воспринимался как символ ненасытного голода и голодной зимы, впоследствии, он стал служить предостережением против любых излишеств человеческого поведения. С данным мифом связан культуральный синдром «вендиго», который встречался среди алгонкинских племён [4]. Индейцы утверждали, что вендиго возник, когда отважный воин продал душу, чтобы отвести угрозу от своего племени. Как только угроза миновала, он ушёл в лесную чащу, и с тех пор о нём ничего не слышали. По другим легендам, вендиго постепенно терял человеческий облик из-за использования чёрной магии, помноженной на каннибализм. Считалось, что превратиться в вендиго можно в результате проклятия знахаря, укуса вендиго, начав, есть человеческую плоть. Исходя из мифа, эти существа были высокие, с безгубым ртом и острыми зубами, а силуэт похож на человеческий. Тела у них полупрозрачные. Они выше нормального человеческого роста, очень худого телосложения. Обладают тонким слухом, ночным зрением и приманивают жертву свистом. Возможно, образ вендиго сложился в сознании местных жителей вокруг факта необъяснимых исчезновений людей. Антропоморфность можно объяснить тем, что его никто никогда не видел, или фактами настоящих случаев людоедства.

На основании этой характеристики можно провести множественные параллели с героями романа, особенно с центральным персонажем – Луисом. Столкнувшись с трагедией, он слеп, и не понимает, что законы вселенной невозможно изменить. Фактически герой, как и индеец из легенды, продает душу, захоранивая своего сына, он знает, что может столкнуться с ужасным возрождением. Его предостерегает и сосед, и случай с воскрешением кота, свидетельствующий о том, что к жизни возвращается иное существо, а не тот, кто умер. Но эгоизм героя, невозможность принять действительность, толкают его на этот поступок. В поведении героя, мы видим чрезмерную увлеченность, он не может остановиться, тем самым привлекая злого духа.

Луис, захоронив сына, сталкивается с возрождением злого демона, существа, вселившегося в мертвого Гэджа, о чем свидетельствуют портретные характеристики сына главного героя после его «возвращения»: «Его рот был испачкан в крови, кровь падала с подбородка, губы скривились в дьявольской усмешке»; «Тварь под ним была сколькой, как рыба, и не выпускала скальпель, как бы сильно Луис ни давил ей на запястье. Её лицо пошло рябью и стало меняться буквально у Луиса на глазах»; «А потом оно вновь изменилось и превратилось в лицо того существа из леса – низкий лоб, мертвые желтые глаза, длинный раздвоенный язык, – оно ухмылялось и шипело» [3, с. 466].

Гэдж убивает Джуда, а затем и только что приехавшую мать. Но это не останавливает Луиса: понимая, что произошло, он с помощью смертельной дозы морфия, убивает кота, Гэджа, и сжигает дом соседа. Пока горит дом, обезумевший Луис вновь несёт тело жены на индейские могилы. Он считает, что Рэйчел вернется такой же, как и раньше, так как она умерла совсем недавно. Срабатывает здесь и другая трактовка индейского мифа – о чрезмерном использовании черной магии и наказании за это. Возвратившись домой после того, как опять прибегнул к помощи злых сил, герой раскладывает пасьянс на кухне. Выпадает дама пик. Рэйчел кладет руку на плечо Луиса и глухим голосом говорит: «Дорогой». Кинг показывает, что Луис становится оружием в руках Вендиго. Он находится в замкнутом круге, каждая из смертей, вновь и вновь заставляет героя обращаться к силам зла, осознавая, что тем самым он творит еще большее зло, поскольку все восставшие из мертвых, возвращаются чудовищами.

Интересно, что Кинг через уста героев проводит мысль о зависимости метаморфоз от того, насколько долго мертв человек или животное: чем больше времени прошло с момента смерти, тем сильнее он изменяется при возрождении, теряя характерные для него черты при жизни, становясь более агрессивным и опасным. Но истории «воскрешенных» вовсе не подтверждают эту теорию, поскольку жена Луиса, была захоронена почти сразу после смерти, но судя по открытому финалу и сну Элли, в котором она предсказывает смерть отца: «Элли приснилось, что ты умер, – сказала она. – В прошлую ночь она проснулась с криками, и я подошла к ней. Я прилегла рядом с ней и проспала так два или три часа, а потом вернулась назад, к тебе. Элли сказала, что во сне видела тебя сидящим за кухонным столом. Глаза твои были открыты, но она знала: ты мертв. И еще она сказала, что еще раньше слышала крики Стива Мастертона, пытавшегося тебя остановить» [3, с. 167], Рейчел вернулась в мир, как и ее сын, пропитанный кровожадным духом Вендиго. С.Кинг приводит еще ряд примеров, подтверждающих ошибочность этой теории (история Спотта и Тимми). Пропитывая мистикой весь роман, он подводит к единственной верной точки – эгоизму семьи Кридов. Насколько ужасным вернется покойный, зависит вовсе не от времени, которое прошло с момента смерти, а от состояния того, кто его захоранивает. Если обратится к состоянию Луиса, то выстраивается определенная цепочка причинно-следственных связей. Захоронение кота не вызывает в Луисе сильных эмоций, он лишь хочет вернуть дочери любимца, поэтому кот, хоть и возвращается несколько иным, не реализует в себе монстра. А вот

захоронение сына и жены сопровождаются эгоизмом Луиса, желанием снять с себя ответственность; здесь мы возвращаемся к уже озвученной мысли о том, что Вендиго действует там, где проявляется излишество, эгоизм, поэтому покойники восстают страшными монстрами-убийцами.

Кинг, обращаясь к индейским мифам, реализует две ключевые темы, первая из которых более глобальна, указывает на то, что нужно принимать смерть близких как данность, не пытаться противостоять законам вселенной. Утрата близких – это великое горе, которое нужно преодолеть с достоинством, сохранить память о них. Вторая тема мелочности и эгоизма людей: эту линию реализует семья Крид, в особенности Луис, который не умеет брать ответственность на себя, решать проблемы, поэтому кладбище, кажется ему спасательным кругом, но оно, напротив, затягивает его в пучину бедствий с большей силой.

Таким образом, роман «Кладбище домашних животных» представляет исследовательский интерес в психологическом плане. Индейская мифология придает произведению особую атмосферу и помогает автору донести до читателя ключевые мысли произведения.

Библиографический список

1. Тлеупова А.М. Художественное своеобразие произведений С. Кинга // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. науч. конф. (Москва, май 2012 г). URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2295/>. Дата обращения: 22.03.2018.
2. Вендиго // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вендиго>. Дата обращения: 22.03.2018.
3. Кинг С. Кладбище домашних животных. М.: Doubleday, 1983.
4. Микмаки // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения: 22.03.2018.

References

1. Tleupova A.M. Artistic originality of the works by S. King // Philology and linguistics in modern society: materials of intern. scient. conf. (Moscow, May 2012). URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2295/> Date of application: 22.03.2018.
2. Vendigo // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вендиго>. Date of application: 22.03.2018.
3. King S. Pet Sematary. Moscow: Doubleday, 1983.
4. Micmac Indians // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> Date of application: 22.03.2018.

УДК 1751

*Национальная академия наук Азербайджана
Институт литературы имени Низами
ведущий научный сотрудник отдела древней азербайджанской литературы
Гаджиева К.Г.
Азербайджан, г. Баку, (+99470) 575-98-66
e-mail: konulhaciyeva75@gmail.com*

*Azerbaijan National Academy of Sciences
Nizami Institute of Literature
Leading Researcher
Hajiyeva K.H.
Azerbaijan, Baku, (+99470) 575-98-66
e-mail: konulhaciyeva75@gmail.com*

К.Г. Гаджиева

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

Азербайджанская литература, сохраняя свои традиции, уходящие корнями вглубь веков, развивалась на различных нравственных, политических, идеологических и других плоскостях. Восточное литературное мышление было более глубоким и широким по охвату и ему была свойственна большая сила воздействия – это непреложный факт, признаваемый мировым литературоведением. Обращение в данной статье к творчеству азербайджанских поэтов XV века Хагиги, Бадра Ширвани и Кишвари в контексте восточной поэзии вызвано стремлением исследовать вопросы, связанные с новшествами и изменениями в отношении форм и содержания в литературном процессе, проявляющиеся в творчестве каждого из поэтов в отдельности. Данный подход представляет значимость и для выявления почвы, на которой появились творения поэтов того времени, какие важные факторы обусловили их появление и наследие каких поэтов повлияло на них. Сравнительное изучение творчества поэтов XV века дает возможность выявить и указать неизменные качества азербайджанской литературной мысли, ее своеобразные черты и характерные особенности многовековой отечественной литературы. Отголоски мыслей и суждений, пустивших глубокие корни в поэзии предыдущих столетий, слышатся и в произведениях, созданных мастерами слова в последующие века. Не будет преувеличением сказать, что азербайджанская литературная мысль в значительной степени повлияла на общевосточную литературную и культурную среду, в определенной степени даже направила ее в определенном направлении. Вобрав в себя накопленный предшествующий опыт, традиции, эстетические и этические воззрения эпохи, прекрасно синтезировав достижения предшественников и современности, восприняв лучшие традиции восточной классической поэзии, азербайджанские поэты XV века продолжили дальнейшее развитие литературы.

Ключевые слова: азербайджанская литература XV века, классическая восточная поэзия.

К.Н. Hajiyeva

COMPARATIVE STUDY OF AZERBAIJANI LITERATURE OF THE 15th CENTURY IN THE CONTEXT OF CLASSICAL ORIENTAL POETRY STUDY

Azerbaijani literature, saving its traditions rooted deep into centuries, evolved different moral, political, ideological and other planes (for example, genetic plane: Azerbaijani culture is part of Turkic culture, and religious – a part of Islamic civilization). In the words of the scientist T.Guliyev “Azerbaijani literature is one of the inseparable parts of oriental literary and aesthetic thought in general, have a major influence on the literature of the Eastern peoples, at the same time it developed on the basis of mutual relations and creatively used the poe-

tic traditions of these people". The topics of those year's works were the theme of oration to God, the theme of love. All of the above were the main themes of many Eastern poets' works. Azerbaijani poets, who lived and worked in these time frames, on the one hand beneficially used literary heritage of relative and neighboring nations, on the other hand, themselves created works that could affect on the these peoples poetry. In these centuries circle of literary ties spreads widely because of the poems. That's why eastern philosophic poets on equal terms with the ancestor's literary heritage became acquainted with the works of their contemporaries and tried to express their attitude to the problem. Accumulating obtained previous experience, traditions, aesthetic and ethical views of the era perfectly synthesized the ancestor's and modern times achievements, adopted the best traditions of Eastern classical poetry, 15th century Azerbaijani poets continued further development of literature.

Key words: Azerbaijani literature of the 15th century, classical oriental poetry, poets

При исследовании образцов литературного наследия XIV-XV веков для выявления общих тенденций и характерных особенностей литературного процесса проступает необходимость сравнительного анализа литературных памятников, их сопоставления. Эта необходимость наиболее отчетливо ощущается при изучении творчества поэтов - авторов Диванов. Так, в процессе исследования творчества авторов Диванов встает потребность привлечения их к анализу в определенном общем контексте. Наиболее точные и значительные результаты можно получить при изучении их в контексте исследования классической восточной поэзии.

Существенное влияние творчества поэта X века Фирдоуси, мастера газелей и касид XI века Катрана, наконец, творца великолепного «Хамсе» Низами, жившего в XII веке, на последующую общевосточную литературу ощущалось на протяжении нескольких столетий, и это влияние обусловило появление на Востоке многочисленных талантливых поэтов и бесчисленное множество произведений, среди которых было немало литературных шедевров. Видный ученый А.Дадашзаде по поводу классической литературы пишет: «Во-первых, восточная поэзия, несмотря на идеологическую общность и общность средств изображения, создается мастерами слова со своеобразным оригинальным мышлением и стилем письма. Во-вторых, черты, которые некоторыми представляются за недостатки, свойственны лишь произведениям недостаточно одаренных поэтов, подражателей рифмоплетов, а это наблюдается в любой литературе» [1; с. 87]. Безусловно, восточное литературное мышление было более глубоким и широким по охвату, и ему была свойственна большая сила воздействия – это непреложный факт, признаваемый мировым литературоведением. По верному замечанию А.Дадашзаде, «восточная поэзия...литература, сохраняющая свою поэтическую ценность и сегодня, литература глубокого смысла, высокого мышления, обладающая утонченными образами, многообразием и разноцветьем средств выражения, благодаря чему она заняла достойное место в общемировой культуре» [1; с. 87]. В целом, восточный мир в мировой культуре занимает значимое место не только в связи со своей оригинальной литературой, но и в целом в связи с древней и богатой культурой. Несомненно, мусульманская восточная культура включала различные этнические культуры.

Обращение в данной статье к творчеству азербайджанских поэтов XV века Хаги-ги, Бадре Ширвани и Кишвари в контексте восточной поэзии вызвано стремлением исследовать вопросы, связанные с новшествами и изменениями в отношении форм и содержания в литературном процессе, проявляющиеся в творчестве каждого из поэтов в отдельности. Данный подход представляет значимость и для выявления почвы, на которой появились творения поэтов того времени, какие важные факторы обусловили их появление и наследие каких поэтов повлияло на них. Сравнительное изучение творчества поэтов XV века дает возможность выявить и указать неизменные качества азербайджанской литературной мысли, ее своеобразные черты и характерные особенности многовековой отечественной литературы. Отголоски мыслей и суждений, пустивших глубокие корни в поэзии предыдущих столетий, слышатся и в произведениях, создан-

ных мастерами слова в последующие века. Так, гуманистические идеи, прослеживаемые в произведениях Катрана – поэта XI века, поэзии мастеров XII века - Низами и Хагани, мы видим и в стихотворениях поэта XV века Бадра Ширвани, которые наполнены тоской по миру, беззаботной жизни, печалью по родным краям. Таким образом, связь с традициями никогда не прерывалась, поэты более поздних поколений углубляли идеи и продолжали традиции своих великих предшественников.

Множество произведений Хагиги и Кишвари, давших сильный толчок развитию поэзии на родном языке и сыгравших решающую роль в его совершенствовании, написано на персидском языке. Известно, что они являются авторами Диванов на персидском языке. Использование персидского языка было неременным условием для того, чтобы произведения поэтов наряду с родным и другими тюркоязычными народами были понятны всей восточной литературной среде, это способствовало распространению и прославлению произведений мастеров на всем Востоке. Этим же фактором объясняется и тот факт, что великий азербайджанский поэт Низами писал свои произведения на персидском языке. Необходимо отметить также, что указанная особенность была характерна не только для азербайджанской литературы, подобное можно проследить на всем Востоке. Более того, данное явление – творить на другом языке - наблюдается в истории всей мировой литературы, как западной, так и восточной. Таким образом, можно заключить, что выдающиеся представители азербайджанской литературы, как и литературы других народов мира, вследствие общественно-исторических причин писали свои произведения не на родном, а на других языках. «Необходимо учитывать также существование в эпоху народностей международных литературных языков. Такими языками для разных ареалов были: санскрит, греческий, латинский, книжный древнеславянский, классический литературный китайский, персидский, арабский. Знание соответствующего языка или даже нескольких было в то время необходимой принадлежностью образования, почему такой язык становился языком многих произведений литератур разных народностей» [3; с. 17], – эти слова видного востоковеда Н.Конрада довольно четко раскрывают суть вопроса. Наша классическая литература, созданная веками в различных литературно-эстетических и религиозно-философских ареалах и системах, временами переживала острые исторические моменты, когда оказывалась на различных духовных, социальных и политических перепутьях. Азербайджанская литература, сохраняя свои традиции, уходящие корнями вглубь веков, развивалась в различных нравственных, политических, идеологических и других плоскостях (к примеру, в генетической плоскости азербайджанская культура составляет часть общетюркской культуры, а в религиозной – часть исламской цивилизации). Выражаясь словами ученого Т.Кулиева, «азербайджанская литература, являющаяся одной из неразрывных составных частей общевосточной литературно-эстетической мысли в целом, оказывала серьезное влияние на литературу восточных народов, в тоже время сама развивалась на почве взаимных связей и творчески использовала поэтические традиции этих народов» [4; с. 37]. Ученый совершенно прав в своих заключениях. Не будет преувеличением сказать, что азербайджанская литературная мысль в значительной степени повлияла на общевосточную литературную и культурную среду, в определенной степени даже направила ее в определенном направлении.

Средневековая азербайджанская литература развивалась как литература, связанная с общемусульманской восточной культурой, языком которой был в определенное время персидский. Великий Низами Гянджеви создавал свои произведения на языке фарси, однако, продолжая традиции персидской литературы, он сам оказал на неё огромное воздействие. Гениальный азербайджанский поэт своим богатым наследием, воспевающим общечеловеческие ценности, такие как гуманизм, общественная спра-

ведливость, свобода и другие, привнес в персидскую литературу с многовековыми традициями новые идеи и воззрения, связанные с взглядом на мир, жизнь и человека. Вслед за Низами многие восточные поэты стали создавать «Хамсе», его поэмы вызвали множество подражаний и поэтических ответов. Поэты писали произведения, перекликающиеся по тематике и мотивам с творениями великого мастера. Следование по пути великого Низами, продолжение заложенных им традиций не было случайным явлением и имело закономерные причины. Наследие великого Низами было литературным творчеством, «основывающимся на древней культуре Востока и Запада, на бросающей вызов небесам науке и искусстве нового мусульманского Востока» [2; с. 134]. Творчество Низами продолжало освещать путь многих поэтов и в XV веке. Гуманизм Низами побудил великого мастера Востока, выдающегося узбекского поэта Алишера Навои следовать по пути великого Низами. Творчество Навои, в свою очередь, вдохновило талантливую поэту XV века Нематуллаха Кишвари на создание прекрасных стихов на азербайджанском тюркском языке.

Как мы видим, развитие средневековой восточной литературы шло по пути восприятия и передачи традиций, поэты более поздних поколений продолжали традиции своих предшественников и передавали, еще более углубив и расширив их, следующим поколениям, обогащая таким образом общевосточную литературу в целом. В результате подобных взаимодействий литератур появились тахмисы (пятистишие, в котором к каждому бейту чужой газели добавляли три оригинальные строки) и назира (подражание). «Традиционные ответы-подражания – главная особенность, характеризующая классическую восточную поэзию. В истории художественно-общественной мысли критерий традиционности как своего рода единица поэтического мерил в течение долгих веков являлся ведущим фактором в развитии вкусов, передаче духовных богатств от предков к потомкам. Это своеобразная закономерность не только лишь азербайджанской или же восточной поэзии, а всей древней и средневековой литературы народов мира в целом – здесь живучесть произведения искусства, его мысленная и художественная содержательность определяются тем, каким образом автор использует традиции.

Тахмисы Кишвари на стихи Навои привлекают особое внимание. Кишвари, как мы уже указывали в прежних исследованиях, говоря о своем творчестве, с гордостью отмечал, что оно не слабее, чем поэзия Навои. Богатое творчество поэта подтверждает справедливость его слов. Его слова не были преувеличением, так как поэт создал произведения, которые трудно переоценить. Тахмисы Кишвари свидетельствует о большом поэтическом мастерстве автора, он обладает большой воздействующей силой, а назира, написанный на него великим Физули, стал стихом во всех языках. Как видно, обращение внимания на созданные мастерами слова тахмисы и назира при исследовании творчества азербайджанских поэтов в контексте восточной литературы представляет немалую важность для решения проблемы взаимных связей и влияний.

«Азербайджанская литература развивалась во взаимных связях с литературами Ближнего и Среднего Востока. Азербайджанские поэты, жившие и творившие в этих временных рамках, с одной стороны благотворно использовали литературное наследие родственных и соседних народов, с другой стороны, сами создавали произведения, способные повлиять на поэзию этих народов. В эти столетия круг литературных связей еще более расширяется и получает размах за счет писем, ответов-подражаний и даже посредством истикбал (продолжений), писавшихся к какому-либо стихотворению» [2; с. 5].

В развитии литературы непосредственно участвовали правители-поэты. Непререкаема роль государственных правителей, тюрков по происхождению, в совершенствовании и распространении поэзии XV века на родном языке. Джаханшах Хагиги был главой государства Каракоюнлу, в то же время он был достойным воспитанником ли-

тературной среды, о которой шла речь. Влияние движения хуруфизма, распространенного на средневековом Востоке, на поэзию, явно прослеживается и в творчестве Хагиги. Его творчество, как и творчество Навои и других восточных поэтов, испытало на себе влияние творческого наследия Насими. Создавая стихи на родном языке, Хагиги брал за образец творческую деятельность великого Насими в области тюркоязычной поэзии, вместе с тем стихи Хагиги на персидском языке также написаны под влиянием хуруфизма Насими. Хагиги, отразивший в своем творчестве литературно-общественную среду, философский мир, религиозные воззрения Востока XV века, своими творениями представил культурную картину своего времени. Хагиги считает, что любовь стоит превыше всего, великодушие, милосердие питаются из нее. Согласно поэту, любовь – ненавистник тьмы. Видный философ З.Кулизаде по этому поводу пишет: «Любовь как философская категория находится в центре внимания гуманистического мировосприятия средневекового Ренессанса, частью которого выступает Ренессанс в Азербайджане. Подобная трактовка любви принципиально роднит культуру Востока и Азербайджана с учениями западноевропейского Ренессанса, ибо она аналогична трактовке данной категории в творениях многих пантеистов, представляющих западноевропейскую гуманистическую идеологию» [5; с.152]. Поэты, творившие в этот период, определяя любовь, подчеркивали, что все положительные черты берут истоки из любви, что человеческое сердце способно очиститься лишь любовью.

Все вышеуказанное составляло основную тематику произведений многих восточных поэтов, поэтому поэты-мыслители Востока, наравне с литературным наследием своих предшественников, и знакомились с произведениями своих современников, и пытались выразить свое отношение к проблеме. Вобрав в себя накопленный предшествующий опыт, традиции, эстетические и этические воззрения эпохи, прекрасно синтезировав достижения предшественников и современников, восприняв лучшие традиции восточной классической поэзии, азербайджанские поэты XV века продолжили дальнейшее развитие литературы.

Библиографический список

1. Дадашзаде А. Азербайджанская лирика XVIII века. Баку, 1980.
2. История Азербайджанской литературы. Баку, 2002.
3. Конрад Н.И. Избранные труды. Москва, 1978.
4. Кулиев Т. Древний период Азербайджанской поэзии. Баку, 2001.
5. Кули-заде З.А. Из истории Азербайджанской философии VII-XVI вв. Баку, Азернешр, 1992.

References

1. Dadashzade A. Azerbaijan's lyrics of the XVIII century. Baku, 1980.
2. History of Azerbaijan Literature. Baku, 2002.
3. Conrad N.I. Selected Works. Moscow, 1978.
4. Kuliev T. Ancient period of Azerbaijan poetry. Baku, 2001.
5. Kuli-zade Z.A. From the history of the Azerbaijan philosophy of the 7th-16th centuries, Baku, 1992.

УДК 82 – 1

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной
коммуникации
Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru*

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Novikova O.V.
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48
e-mail: vdovina40@gmail.com*

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: vdovina40@gmail.com*

О.В. Новикова, О.М. Безатосная

СЛОВЕСНАЯ ИГРА В ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

В статье дается анализ поэтической манеры современной русской поэтессы В.Павловой, которую можно отнести к авангардному направлению в литературе. Ее поэтическое мастерство проявляется, прежде всего, в умении оригинально, свежо сочетать слова, создавая двойные смыслы, сталкивая два начала, божественное и плотское. Эту особенность можно назвать игрой слов, смыслов, ситуаций.

Авторы стремились показать и проанализировать некоторые приемы этой игры, свидетельствующие об искусстве владения словом. Поэтесса математически точно соединяет, казалось бы, несоединимое: корни, суффиксы складываются в новые слова вопреки принятым законам словообразования. Окказионализмы В. Павловой не только оригинальны по структуре, но и интересны своей смысловой многоплановостью. Оригинальный прием – обрыв или разрыв слова, который несет определенную смысловую нагрузку. Частый прием – повторение слова в разных его формах и вариантах, повторение однокоренного слова, корней-омонимов или просто одинаковых частей слов, совпадающих в звуковом составе слова. При этом звуковые аллитерации не только усиливают смысловую и звуковую выразительность стиха, но и содержат часто некий подтекст. Двуплановость стиха создают и омонимы, контекстуальные антонимы, различные виды тропов. Особенно многочисленны и интересны оксюмороны и развернутые метафоры, создающие неповторимые многослойные образы. Например, метафорические образы, связанные с темой поэзии: слова – живые существа, которые испытывают человеческие чувства. Еще одним интересным приемом игры с ситуациями является обыгрывание известных фразеологизмов.

В одном из своих стихотворений В. Павлова назвала себя *логофилом*, то есть человеком, любящим мысль, заключенную в слове, стремящегося раскрыть смысл вещи или события. Отсюда понятно такое внимание к слову, мастерская игра словами, смыслами, ситуациями.

Ключевые слова: слово, смысл, подтекст, словесная игра, приемы версификации, окказионализм, омонимы, контекстуальные антонимы, оксюморон, метафора, фразеологизм.

О.В. Novikova, O.M. Bezatosnaya

VERBAL PLAY IN THE POETRY OF V. PAVLOVA

The article analyzes poetic style of Russian poet V. Pavlova whose works can be attributed to the avant-garde in literature. Her poetic skills are mainly revealed in the ability to make original word combinations creating double meanings and colliding two beginnings, godly and carnal. This feature can be called the game of

words, meanings and situations.

The authors tried to demonstrate and analyze some methods of this game revealing the poet's verbal skills. She connects the unconnected with mathematical exactness; word roots and suffixes form new words against the laws of word combinations. Occasional lexis of V. Pavlova is not only original in structure but also interesting due to its semantic sophistication. One of her original methods is a breaking of a word, which has a certain semantic accent. Another frequent method is a repeating of a word in its different forms and variants, related words, homonymous roots or just word parts which coincide in pronunciation. Such alliterations do not only amplify semantic and sound expressiveness of a verse but also contain a certain implication. Double semantic is also created by homonyms, contextual antonyms, different types of expressive means. Occasional lexis and full metaphors are the most numerous and interesting for they construct unrepeatable and multi-semantic images, such as metaphoric ones connected with the subject of poetry: words are presented as live creatures with human feelings. One more curious method is a verbal game with well-known idioms.

In one of her poems V. Pavlova called herself a *logophile* which means 'a person who loves a thought expressed by words and tries to discover the sense of things and events'. That is the source of her attention to words and skillful playing with words, meanings and situations.

Key words: word, implication, word game, methods of versification, occasional lexis, homonyms, contextual antonyms, oxymoron, metaphor, idiom.

Современная поэзия – явление многоплановое, включающее различные направления. Одно из них – неоавангардизм, для которого характерно стремление к новому, разрыв с устоявшимися принципами и традициями, обостренное чувство внутренней свободы, поиск новых, необычных средств выражения формы и содержания. [1]

К современным поэтам-авангардистам по праву можно отнести поэтессу В.Павлову, особенно в ранний период ее творчества. В 1997 году вышел в свет первый сборник стихов В.Павловой с говорящим названием – «Небесное животное», символизирующим столкновение двух начал: божественного и плотского. Оценки современных критиков и ценителей поэзии стихов поэтессы были разными, часто резко противоположными. Её стихи называли эротическими и аэротическими, эпатажными и избыточно логичными. Однако единым было мнение о поэтическом мастерстве В.Павловой, о ее умении слагать стихи.

Сама В. Павлова назвала свой поэтический метод – SOSреализм (стихотворение «О чём? О выживанье после смерти...»). Особенности этого метода подробно проанализировала С.В. Крылова, расшифровывая SOS как «спасите наши души» и имея в виду прежде всего духовное спасение [2, с. 111]. К особенностям SOSреализма исследователь относит:

- максимально компактную форму, которая ведет к концентрации смыслов за счет многозначности слов, паронимии и омонимии, столкновения стилей, использования односоставных предложений, безличных конструкций;
- постоянный диалог с традицией;
- музыкальность лучших стихов, умение находить оригинальную рифму [2, с. 112-113].

Н. Александров отмечает ещё одну особенность творческой манеры В.Павловой – это «поэтическая арифметика», то есть использование парадокса и смешение несовместимого; внимание к деталям [3].

Действительно, В. Павлова чувствует язык, живет в нем, играя со словами, смыслами, ситуациями. Рассмотрим некоторые способы этой игры, свидетельствующие о мастерстве версификации, об искусстве владения словом. Сама поэтесса в сборнике «По ту сторону речи» [4] отмечает важность для себя «стихов о стихах», говорит о тяжелом труде поэта, сравнивая его с трудом балерины:

Не слов бульжники ворочаю,
но, балерина у станка,
оттачиваю многоточия,
качаю мышцы языка,
пуантами стопу коверкаю ...

А вот что говорит поэтесса о своем поэтическом мастерстве:

Я хотя бы тем права,
что под силу мне
пятизначные слова
складывать в уме,
а сорвавшиеся с губ,
как с карниза – шась! –
возводить в квадрат и в куб,
в столбик умножать.

Поэтесса математически точно соединяет, казалось бы, несоединимое: корни, суффиксы складываются в новые слова вопреки принятым законам словообразования. В. Павлова, например, может образовать наречие образа действия от относительных прилагательных, компаратив от имени существительного, краткую форму от относительного прилагательного, деепричастие от несуществующего глагола:

Улетаю — когда **журавлино**, когда **тополино** [5].

Мечтаю о тебе по-древнегречески
и отрекаюсь по-старославянски...
Но мы бы не смогли по-человечески,
по-руссоистски а la russe - **по-звански** [5].

все **наслажденней** наслаждение [5].

Зато мой профиль правилен и **антикварен** [5].

Душу свою до предела **просторя**,
выяснишь: безграничен простор [5].

Начальник хора, кто начальник твой?
Начальник тишины, глухой молчальник,
глухонемой о нас о всех **печальник** [5].

Часто окказионализмы образуются способом сложения слов:

Что завтра? Завтрак. Завтракать вдвоем,
и **послезавтракать** вдвоем [5]

Эро-
гений мой,
аэрогений -
уже полетел? [5].

Окказионализмы В. Павловой не только оригинальны по структуре, но и интересны своей смысловой многослойностью. «Аэрогений» – кто он? Гений отрицания эроса, эротики, сексуального влечения, эстетического восторга, любви? Приносит разочарование?

Или слово «фотогигиенична» (Я в курсе своих ракурсов [5]). Можно гадать до бесконечности, что скрывается за этим окказионализмом. Чиста телом или душой до идеальной степени, как фотомодель?

«Соломоногамия» [6, с. 108], «многоочитая» грамматика [6, с. 176], «логофил» [6, с. 177], «надцатилетний» [6, с. 168], «млекопитала» [6, с. 188] и т. д. – не просто слова, а многомерные образы, созданные автором.

Ещё один необычный приём, используемый В.Павловой, – обрыв слова.
отблески на кафеле
тени на стене
автобиографию
диктовали мне
выводи отличница
в тереме-тюрьме
тысячестраничную
записку **предсме** (отблески на кафеле) [5].

Обрыв на середине слова подчеркивает неожиданный обрыв жизни. Но подобный обрыв не всегда имеет глубокий смысл, порой создается впечатление, что автор торопится высказать что-то сокровенное, торопится жить, поэтому не заканчивает слово:

... самый спелый абрикос
(пальчики оближи!)
мясо лоз, молоко стрекоз
лучшее время **жи** [6, с. 182].
Я не скучаю по детству, честное **пионе**.
А оно хоть немного скучает по мне? [6, с. 251].

Грусть и ностальгия по детству подчеркивает обрыв слова «пионерское».

Подковывая рифмами блох,
до вечера слоняясь в неглиже,
я думала: любовь – это Бог.
А это был инстинкт **размноже** [6, с. 272].

Поэтесса недоговаривает последнее слово, как будто в горле стоит ком слёз. Горечь и отчаяние от того, что это была не любовь – вот подтекст стихотворения, подчеркнутый обрывом слова.

Часто недоговоренность может показаться чистой игрой, но это только на первый взгляд:

Наконец-то повезло!
Неужели наяву?
Понимаешь с **полусло**,
подпеваешь с **полузву**,
приголу – и нет **уста**.
Драгоценятся вдвойне
полутона полнота,
полуласка в полусне [6, с. 138].

Обрывом слов подчеркивается «полнота полутона», которая вдвойне драгоценна, ведь когда любишь, то понимаешь родственную душу с полуслова.

Бывает, что В.Павлова использует перенос слова с одной строки на другую, создавая некую игривость и двусмысленность:

Твое присутствие во мне **меня-**
Ет все вовне и все во мне меняет ... [6, с. 7].

Всем сёстрам малы
золушкины **босо-**
ножки из золы [6, с. 141].

Одним из любимых приемов В. Павловой является *повторение слова*, что создает не только дополнительную смысловую нагрузку, но и определенную напевность стиха:

Прядётся, прядётся, прядётся
корявыми пальцами нить.
Придётся, придётся, придётся
родителей похоронить [6, с. 41].

Повторение создает очень зримый образ времени, прядущего нить жизни и неизбежно приводящего к ее концу.

Чаще всего повторяется первое слово строки. Анафора создает четкий ритм стихотворения, тревожность ожидания конца:

Вот ящик для утиля.
Вот яма для компоста.
Вот лужу замостили
решётками с погоста.
Вот бравые ребята
идут на дискотеку.
Вот пугало распято
воронам на потеху [6, с. 98].

Напряженность стихотворения поддерживается типичным для В. Павловой приемом: в описание бытовых деталей будничной жизни улицы неожиданно врываются со словами «погост», «распято» христианские мотивы.

Необычный вид повторения в стихах В. Павловой – это повторение одного слова в разных его формах:

на руках
за ручку
за руку
под руку
рука об руку
на руках
из-под руки
из рук в руки
по рукам
из рук вон
на руках
в руце [5].

В. Павлова вертит слово, как мячик, но за каждым поворотом определенный отрезок жизни, который подчеркивается одной и той же формой «на руках». Целая судьба проходит перед глазами, от младенчества до зрелости: любовь, разочарование, приход к богу («в руце»). Часто подобные стихи поэтесса заканчивает торжественным словом высокого или даже церковного стиля.

Еще чаще в стихах повторяется не целое слово, а только корневая морфема:

В хор, на хоры, в хоровод хорала,
гладить гласом нимбов чешую ... [5].

Не черты лица – чертовщинка.

Резкие движения – не поза.

Личность – не личина, – личинка
в ожиданье метаморфоза [6, с. 173].

Разве не удивительно сравнение личности с личинкой, из которой родится новая личность! В. Павлова любит сочетать однокоренные слова:

разговаривать с тобой
на подстрочном языке
эхом эха тенью тени ... [6, с. 71].

голубь, голубящий голубицу [6, с. 203].

Часто автор повторяет не только родственные (однокоренные) слова, но и корни-омонимы, или просто одинаковые части слов, частично совпадающие в звуковом составе слова:

Умыкнута, замкнута
долгим замыканием.
Пряник – первый зам. кнута [5].

Здесь с однокоренными словами «умыкнута», «замкнута», «замыкание» соотносится сокращенное слово «зам.». Мы можем только гадать, какой смысл скрывается за ним: *заместитель, замок, замыкатель*... Возникает семантическая многослойность. Данное стихотворение подробно проанализировано С.В.Крыловой, которая отмечает «точность и неожиданность рифм, остроумное переназывание понятий (брак – не короткое, а долгое замыкание – слово, означающее не только отгороженность от мира, но и электрический шок), стремительное жонглирование фразеологизмами (кнут и пряник) [2, с. 113].

Приведем аналогичные примеры:

Реку берега берегут... [5].

Сочетание рек/рег присутствует в каждом слове, при этом слова не являются однокоренными.

Я в курсе своих ракурсов [5].

Слово «ракурс» включает в себя буквенное сочетание «курс», являющееся самостоятельным словом.

Приведенные ниже строки интересны тем, что здесь повторяется один и тот же набор звуков, в разной их последовательности: *рук – кру; озир – зорк – иорк; капель; бездна* (первое слово повторяется во втором в разорванном виде: начало – в начале, конец – в конце):

Руки выкручивала кручина [6, с. 119].

... озирающаяся зорко
юниорка Нью Йорка [6, с. 185].

Капельмейстер капели [6, с. 238].

Бездна беззвезда ... [6, с. 121].

Звуковые аллитерации не только усиливают смысловую и звуковую выразительность стиха, но могут и выражать смысловой подтекст, как в стихотворении «Мёртвого часа ад», где говорится о том, что дети должны спать в детском саду, но для некоторых это настоящее испытание:

... Запер маркиз детсад
девочку в туалете ... [6, с.166].

Сокращение «детсад» вызывает ассоциации с жестоким маркизом де Садам.

Подобное совпадение можно было бы назвать частичной омонимией. Встречаются и примеры полных омонимов:

К до ля добавлю - вот и доля.

К ре до прибавлю - вот и кредо... [5].

Спала, а потом досыпала,
песок в часы досыпала
и столько его насыпала,
что доверху их засыпала... [5].

Отпускаю себе грехи,
словно волосы, кои долги
и распущены. Тот, кто долги
отпускает, любит стихи
и женщин с длинными волосами [5].

В последнем примере мы встречаемся с омоформами: отпускать волосы долги (краткое прилагательное) и отпускать долги (грехи).

Омонимы у В. Павловой создают двуплановость стихов, многослойность смыслов.

Творить? Ну что ты! – **Створаживать**
подкисшее житие,
житуху облагораживать,
чтоб легче было ее
любить [6, с. 18].

Слово «створаживать» имеет, во-первых, значение преобразовывать жизнь, придавать ей другой смысл (от творог), а с другой стороны, это неологизм от глагола творить – созидать жизнь заново, согласно божественному замыслу.

Двусмысленно и употребление слова «клетка» в стихотворении «Попался, голубчик? Ты в клетке ...»: это одновременно и биологическая клетка, и рукотворная.

Попался, голубчик? Ты в клетке,
ты в каждой моей клетке,
могу из одной своей клетки
создать тебя, как голограмму,
всего тебя - из миллиграмма,
из Евиной клетки - Адама [5].

Еще аналогичный пример игры смыслами:
Всех стоматогинекологий
Мазох де Сад - в одной груди...
Не стой на **болевом пороге** –
входи [5].

«Болевой порог» – это и больничный порог, потому что приходишь в больницу с болью, и предел терпения самой боли.

Подобные стихи исследователь Е.С.Коробкова классифицирует как стихотворения-каламбуры [7].

Излюбленным приёмом В.Павловой является столкновение противоположностей. Для этого используются разные средства, в частности, антонимы. Для этого используются префиксы с отрицательным значением, например:

Поверхность - черточка дроби.
Сугробы ваяют надгробья
по образу и **подобью**
безобразного **бесподобья** [5] (Здесь и далее в цитатах выделение полужирным шрифтом наше. – О.Н.).

«Подобье - бесподобье» – слова-антонимы, созданные с помощью префикса *бес-*. Кроме того, противопоставление усиливает повтор префикса («безобразное бесподобье»). Чаще автор использует для противопоставления частицу *не*:

Не схожи рожам, мы кожами **похожи** –
мы кожей чуем приближение невозможного:
мороз по коже и **жара**, жара подкожная... [5].

Кроме языковых антонимов («не схожи» – «похожи», «мороз» – «жара»), здесь возникают контекстуальные антонимы (рожа – кожа). Контекстуальные антонимы в поэзии В.Павловой – интересное явление. Например, в стихотворении «Битва, перед которой брею лобок» [5] за одной фразой «**Битва**, а собираюсь, как на **парад**» целый мир чувств женщины, которая идет на свидание с любимым. Для поэтессы любовные, сексуальные отношения – это всегда одновременно борьба и праздник.

Мастерское использование противопоставления В. Павловой отмечают все исследователи ее творчества. Так, Е.С. Коробкова называет столкновение противоположных начал приемом аффективного противоречия, который создает сильнейший эффект воздействия на читателей [7, с. 27-28].

Неожиданные столкновения слов делают В.Павлову мастером оксюморона. Пример мастерского использования оксюморона встречается во многих стихотворениях:...

Я добровольно не вольна
взглянуть на волю ни в полвзгляда –
так мне и надо. Так и надо –
я не одна. Я не одна,
покуда слышу снежной ранью
сквозь вьюги полицейский вой,
как стонет **нежный мой охранник**,
взыскательный невольник мой [5].

Во взгляде **грустная бодрость**,
а в голосе **бодрая грусть** ... [6, с. 38].

Буду **писать** тебе письма,
в которых не будет **ни слова** [6, с.28].

... и горькой покажется мне
победа разгромная вскоре
в нашей с тобой войне [6, с. 30].

В **райском аду** Амура [6, с. 134].

Столкновение противоположностей у В. Павловой часто принимает характер приземленного сравнения высших понятий. Так, тело Христа, снятое с креста, вызывает боль настолько сильную, «*что грудь заныла, будто пришло молоко*» [6, с. 43]. Говоря о

своем творчестве, поэтесса дает такое сравнение: «*русский язык в глотке, острый, как аппендицит*» [6, с. 134].

Метафорическое сравнение в поэзии В. Павловой всегда остроумно, афористично и неожиданно.

Сердечную мышцу **вымуштрую**.

Я знаю – он очень занят ... [6, с. 114].

«Вымуштровать» – слово из армейской жизни, означающее муштру, с помощью которой обучают военному делу, учат строгой дисциплине, беспрекословному послушанию. Чтобы научить сердце терпению, нужна постоянная терпеливая работа по усмирению своих чувств.

За каждой метафорой в поэзии В. Павловой – необыкновенно емкая картина переживаний, эмоций поэтической героини. Сравните:

... в памяти **прошлое гниёт** [6, с. 298].

Ты **любишь** меня **наотмашь** [5].

Без тебя, моя суть,
моя лучшая часть,
досыта не вдохнуть
и не выдохнуть всласть [6, С. 95].

Надувала матрас
Консервировала выдохи [5].

Я хочу умирать, наблюдая,
как тело, капля по капле,
выделяет уставшую жизнь [5].

Одиночество в квадрате окна,
одиночество в кубе комнаты... [6, с. 32].

Большинство стихов В. Павловой – это развернутые метафоры. Поэтесса играет с читателем, сталкивая разные ситуации, создавая смысловую многоплановость своих стихов. Е.С. Коробкова, говоря о стихах, в основе которых лежит сравнение, отмечает, что В. Павлова часто сравнивает живое с неживым, одушевленное с неодушевленным, абстрактное с конкретным [7, с. 30]. Хотя сравнение женщины с книгой не ново, поэтесса мастерски обыгрывает эту тему: закладки, пометки в книге, любимое место:

Любишь книги и женщин,
и книги больше, чем женщин.
А я – женщина-книга,
и женщина больше, чем книга.
Повсюду твои закладки,
твои на полях пометки.
Раскрой меня посередке,
перечти любимое место [6, с. 193].

В стихотворении «Ты сам себе лестница ...» образ человека-лестницы, который стремится высказать себя, чья мысль рвется наружу, дан через детали строения организма:

Ты сам себе лестница - ноги прочнее упри,
ползи лабиринтом желудка, по ребрам взбегай,

гортанью подброшен, смотри, не сорвись с языка,
с ресниц не скатись, только потом на лбу проступай
и волосы рви. Ибо лестница коротка [5].

Особенно интересны метафорические образы, связанные с темой поэзии. Для В. Павловой слова – живые существа, которые испытывают человеческие чувства, страдают:

Ночами за дверью мою
избитые плачут слова –
впускаю, за пазухой грею,
убитого слова вдова... (Ночами за дверью мою ...) [4].

Работа со словом – тяжелый труд, не всегда приятный и благодарный. Можно задыхаться от невозможности найти нужное слово в словесном океане, в словесном мусоре, грязи и крови, которыми покрыты слова от частого их употребления. Но конечная цель поэта – очистить их, придать им новый блеск и смысл:

А я в тисках алфавита –
а - я, а мне сам брат - не брат,
речью, как пуповиной, обвита
и задущена [4].

Работать над текстами? – Нет, смывать
с них околоплодные кровь и слизь,
поплакать, в чистое запеленать –
и с глаз долой... [4].

Заснула со строкой во рту.
Проснулась — нету, проглотила.
Потом весь день болел живот [4].

Еще одним интересным приемом игры с ситуациями является обыгрывание известных фразеологизмов. Например:

Любви сизифовы усилья
Заставить замолчать тревогу...
Дай поносить твою фамилию!
Я не запачкаю, ей-богу! [6, с. 132].

В основе стихотворения – два устойчивых словосочетания: *сизифов труд* и *носить фамилию*. Использование их способствует созданию иронии.

В следующем отрывке обыгрывается выражение *нет дыма без огня*.

День стыда - огня без дыма.
Он взойдет неугасимо
и дотла простит меня [5].

Поэтесса утверждает обратное: есть огонь без дыма, и этот огонь всепрощающий.

В стихотворении «Любовь – разновидность наркоза» [6, с. 68] героиня готова отдать «*Полжизни, полпамяти, полцарства небесного*» за полчаса с любимым. В данном случае произошла замена последнего компонента фразеологизма *полцарства за коня* и расширение его состава за счет введения новых слов. Добавление эпитетов в состав фразеологизма – достаточно частый прием, используемый В. Павловой:

Тихой, подлой, дрожащей сапою

Расправляюсь с твоими наложницами ... [6, с. 222].

... я родилась в твоей
рубашке. В ней и воскресать [6, с. 153].

В одном из своих стихотворений В.Павлова сказала о себе: «я *логофил*» [6, с. 177], что означает человека, любящего мысль, заключенную в слове, стремящегося раскрыть смысл вещи или события [8]. Отсюда такое внимание к слову, игра словами, смыслами, ситуациями.

Библиографический список

1. Константинова С.Л. Русский поэтический авангард: XX век [Электронный ресурс]: Учебно-методическое пособие к спецкурсу. Псков, ПГПУ, 2007. 99 с.
2. Крылова С.В. «SOSреализм» как метод в лирике Веры Павловой // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 110-116.
3. Александров Н. Женский поэт Вера Павлова и ее «Совершеннолетие» [Электронный ресурс] // URL: Журнальный зал: Арион. 2004. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/a26.html> (дата обращения - 10.04.2018).
4. Павлова В.А. На том берегу речи ... // Журнальный зал: Интерпоэзия. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html> (дата обращения - 10.04.2018).
5. Павлова В.А. Стихи. [Электронный ресурс] // URL: <http://verapavlova.ru/books/sky.html> (дата обращения - 10.04.2018).
6. Павлова В. А. Нежней не бывает. М.: Издательство «Э», 2016. 320 с.
7. Коробкова Е.С. Как сделаны стихи Веры Павловой // Челябинский гуманитарий. Серия: Филология и искусствоведение. 2010. № 4(13). С. 25-32.
8. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Логос (дата обращения - 10.04.2018).

References

1. Konstantinova S.L. Russian poetic avant-guard: the 20th century. A coursebook. Pskov, PSTU, 2007. 99 p.
2. Krylova S.V. 'SOS-realism' as a method in Vera Pavlova's verse // The Bulletin of MSRU. Series: Russian philology. 2014. Vol. 2. P. 110-116.
3. Alexandrov N. Lady and poet Vera Pavlova and her 'Full age' // Magazine hall: Arion. 2014. Vol. 2. // URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/a26.html> (date of application - 10.04.2018).
4. Pavlova V.A. On that bank of a small river... // Magazine hall: Interpoetry. 2009. Vol. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html> (date of application - 10.04.2018).
5. Pavlova V.A. Poems // URL: <http://verapavlova.ru/books/sky.html> (date of application - 10.04.2018).
6. Pavlova V.A. Can't be more tender. Moscow, 2016. 320 p.
7. Korobkova E.S. How Vera Pavlova's poems are made // Chelyabinsk humanitarian. Series: Philology and art studies. 2010. Vol. № 4(13). P. 25-32.
8. Wikipedia, the free encyclopedia // URL: ru.wikipedia.org/wiki/Логос (date of application - 10.04.2018).

УДК 811.112.2'373.612.2

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
Филологический факультет
канд. филол. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
Скляр Н.В.*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The department of philology
The chair of Romanic and
Germanic philology
PhD, associate professor
Sklyar N.V.*

*Студентка III курса
специальности «Немецкий и английский
язык и литература»
Лаврухина А.В.
Украина, г. Луганск, тел. +380501460831
e-mail: lavruhinaanastasiya@yandex.ru*

*The 3d-year student
(qualofocation "German and English
Language and Literature")
Lavrukhina A.V.
Ukraine, Lugansk, tel. +380501460831
e-mail: lavruhinaanastasiya@yandex.ru*

Н.В. Скляр, А.В. Лаврухина

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЯХ НОВЕЛЛЫ Т. МАННА «СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ»

В статье рассматривается сущность, роль и функции метафоры как средства художественной выразительности в немецкой новелле начала XX века. Актуальность данной темы объясняется активным изучением метафоры лингвистами, что обусловлено широким использованием этого средства выразительности авторами в текстах различных стилей. В качестве материала выступила новелла Томаса Манна «Смерть в Венеции», главной темой которой является тема искусства и художника.

В статье исследуются случаи употребления метафоры при описании природы, ее роль в построении картины мира в произведении и образа главного героя. В ходе работы использовались следующие методы научного исследования: анализ теоретической литературы по данной теме; метод обобщения, метод классификации, метод сплошной выборки, описательный метод, анализ иллюстративного материала.

Метафора в новелле служит передаче особенностей внутреннего мира главного героя, его душевного состояния, а также изменения мировоззрения. Особое значение она имеет при создании пейзажных описаний и образов главных героев. Каждая метафора не только довершает целостную языковую картину мира новеллы в воображении читателя, но и по-своему раскрывает сознание главного героя. Использование метафоры позволяет провести параллели между образами, обнаружить их влияние на персонажа.

Перспективным видится изучение стилистических средств выразительности в произведениях Томаса Манна для раскрытия и понимания полной языковой картины мира немецкого писателя. Таким образом, метафора приобретает специфическую функцию – не только описывает

Ключевые слова: средства художественной выразительности, новелла, метафора, немецкая литература, пейзажные описания, образ.

N.V. Sklyar, A.V. Lavrukina

THE ROLE OF METAPHOR IN THE LANDSCAPE DESCRIPTIONS IN T. MANN'S STORY "DEATH IN VENICE"

The essence, role and functions of metaphor as a mean of artistic expressiveness in the German novel of the beginning of the twentieth century are considered in the article. The relevance of this topic is due to the active study of metaphor by linguists, which is determined with the wide use of this mean of expressiveness by the authors in texts of various styles. The material of research is Thomas Mann's story "Death in Venice", the main theme of which is the theme of art and artist.

The article explores the use of metaphor in landscape and nature descriptions, its role in forming of the world picture of the story and the image of main character. During the work the following methods of scientific research were used: analysis of theoretical literature on this topic; method of generalization, method of classification, method of continuous sampling, descriptive method and illustrative material analysis.

In the story the metaphor serves to convey the features of the inner world of the protagonist, his mental state, and also the change in his outlook. It has special significance in creating landscape descriptions and images of the main characters. Each metaphor not only completes the whole picture of the novel's world view in the imagination of the reader, but also reveals the consciousness of the main character in its own way. Using metaphor allows to draw parallels between images, to detect their influence on the protagonist.

Perspective is the study of stylistic means of expressiveness in the works of Thomas Mann for the disclosure and understanding of the complete language world view of the German writer. Thus, the metaphor acquires a specific function – it not only describes the personality or any other scene, the landscape, but also facilitates the disclosure of the idea of the whole work.

Key words: means of artistic expressiveness, short story, metaphor, German literature, landscape descriptions, image.

Вне зависимости от жанра художественной литературы, наряду с различными средствами выразительности, метафора активно используется авторами для придания тексту выразительности, глубины и неповторимости. Первым ученым, обратившим свое внимание на особенности метафоры как средства выразительности, был Аристотель. Свое исследование этого понятия он проводил более двух тысяч лет назад. Тем не менее, спустя столетия, интерес исследователей к этому средству выразительности не угасает. Метафора и сегодня активно изучается лингвистами и используется авторами в текстах различных стилей.

Повсеместное использование метафоры является обоснованием актуальности изучаемой темы. Цель данной статьи заключается в определении роли и места метафоры в пейзажных описаниях на примере художественного текста новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции».

Метафора – это употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии, а также слово или выражение таким образом употребленное [2, с. 513]. Перенос значения происходит на основании сходства двух сравниваемых объектов. Однако, в отличие от сравнения, в метафоре второй объект скрыт, он лишь подразумевается благодаря их общему признаку. Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление. Из нее исключен содержащий отрицание термин. Однако сокращенное в метафоре противопоставление может быть восстановлено. Оно и в самом деле нередко присутствует в метафорических высказываниях. Метафора является чрезвычайно гибким языковым построением, позволяющим сближать самые различные явления, добиваясь тем самым разнообразнейших смысловых оттенков, и в то же время сжатым, поскольку один из членов тропа вытеснен полностью. Можно сказать, что метафора – не простое сравнение, а сравнение, доведенное до такой

степени близости сравниваемых предметов, что они как бы полностью сливаются друг с другом в воображении автора и читателя.

В произведении «Смерть в Венеции» Томас Манн, повествуя историю от третьего лица, сосредоточил свое внимание на внутренних переживаниях главного героя – пожилого немецкого писателя по имени Ашенбах. Поэтому в описании окружающего мира и героев произведения повсеместно встречаются метафоры, погружающие читателя в сознание персонажа. Описание погоды подчеркивает настроение Ашенбаха на протяжении всей новеллы. Когда Ашенбах, к примеру, испытывает душевные переживания по отношению к юному Тадзио, погода теплая и мягкая. Когда же ему не по себе, она знойная и хмурая, часто пасмурная. В картинах пейзажа и погоды Томас Манн выражает то, что чувствует герой, не говоря напрямую о его чувствах и мыслях

Итак, на каждом из этапов своего путешествия погода и окружающий Ашенбаха мир отражает его собственное душевное состояние. Рассмотрим пример: «an einem *Frühlingsnachmittag* des Jahres 19.., das unserem Kontinent monatelang eine so *gefährdende Miene zeigte*» [3, с. 1] 'теплый весенний вечер 19... года – года, который в течение столь долгих месяцев грозным оком взирал на наш континент' [1, с. 1]. Словари предлагают несколько значений слова «*gefährdend*», например: грозящий опасностью, угрожающий, опасный. Контекстуальный анализ показывает, что автор, используя метафору, передает ощущение опасности, предчувствие беды. Таким образом, и главный герой, имел предчувствие собственной смерти весенним вечером в день своего рождения перед тем, как решиться на последнее путешествие.

Следует обратить внимание на то, каким образом меняется настроение Ашенбаха в предвкушении будущей поездки. Фантазия рисовала ему невиданные образы: «Die flachen Eilande, deren Boden mit Blättern, so dick wie Hände, mit riesigen Farnen, *mit fettem, gequollenem und abenteuerlich blühendem Pflanzenwerk* überwuchert war, sandten *haarige Palmenschäfte* empor, und *wunderlich ungestalte Bäume*, deren Wurzeln dem Stamm entwachsen und sich durch die Luft in den Boden, ins Wasser senkten, bildeten verworrene Waldungen» [17, с. 1]. Проанализировав значения наречий в метафорах «*abenteuerlich blühendem Pflanzenwerk*» 'диковинно цветущие растения' [5, с. 1] и «*wunderlich ungestalte Bäume*» 'невероятно безобразные деревья' [5, с. 1], можем утверждать, что они имеют общий семантический компонент «странно, диковинно, необычно». Используемые наряду с другой метафорой «*haarige Palmenschäfte*» 'волосатые стволы пальм' [5, с. 1], они дают читателю возможность ощутить, насколько нетипичные и неординарные картины рисовало воображение героя в ожидании путешествия в Венецию. В приведенном примере можно наблюдать и оттенок негатива. Это показывает, что принятое Ашенбахом решение было спонтанным, психологически герой не готов к поездке, и поэтому подсознательный страх не оставляет его.

Уже на корабле герой чувствует себя умиротворенно и, отчасти, подавленно перед лицом неизвестности: «Unter der *breiten Kuppel des Himmels* dehnte sich rings die ungeheure Scheibe des öden Meeres; aber im leeren, ungegliederten Raume fehlt unserem Sinn auch das Maß der Zeit, und wir *dämmern* im Ungemessenen» [17, с. 1] 'Под хмурым куполом неба лежал неизмеримо огромный диск открытого моря. Но в пустом, нерасчлененном пространстве наши чувства теряют меру времени, и мы влачимся в неизмеримом' [5, с. 1]. Метафора «*die Kuppel des Himmels*» 'купол неба', встречающаяся в литературе довольно часто, означает, что небо напоминает голубой свод, купол или чашу. Употребленная в контексте с другой метафорой «*die ungeheure Scheibe des öden Meeres*» 'неизмеримо огромный диск открытого моря', она указывает на ничтожность человека и его чувств в сравнении с безграничной силой природы. Глагол «*dämmern*» также несет метафорический смысл. Анализ значения позволяет выделить несколько

семантических компонентов: *allmählich dämrig/hell/dunkel werden, begreifen* 'постепенно светать, рассветать, затемнять, застилать, понимать', то есть наблюдаем метафорический перенос со значения «затемнять, застилать» на «влачиться».

Резкие перемены наблюдаем далее в настроении главного героя, а, соответственно, и в описании пейзажей еще недавно тихой, оживленной, теплой Венеции. Как только Ашенбах принимает поспешное решение выехать из отеля и сбежать от презрения к самому себе, мы встречаем такое описание города: «...wenn *die bizarre Fahrt durch Venedig* ihren Zauber zu üben begann, so tat der beutelschneiderische Geschäftsgeist *der gesunkenen Königin* das seine, den Sinn wieder verdrießlich zu ernüchtern» [17, с. 1] 'и если прихотливая красота Венеции уже снова его заворожила, то корыстный торгашеский дух этой падшей царицы отрезвлял и сердил его' [5, с. 1]. Выражение «*die bizarre Fahrt durch Venedig*» в его прямом значении можно было бы перевести на русский язык как '«сумасбродная» или «причудливая» поездка по Венеции', так как в словарях приводятся такие варианты перевода прилагательного «bizar»: сумасбродный, капризный, с причудами, причудливый. Использование именно этой метафоры можно объяснить по-разному. С одной стороны, беря во внимание значение «сумасбродный» мы говорим о спонтанности принятого героем решения, сиюминутного и необдуманного. С другой стороны, можем объяснить выбор переводчиком значения «причудливая», ведь каждый день Венеция для Ашенбаха открывается по-новому, отражая внутреннюю трансформацию его «я».

И снова Венеция предстает перед читателем в качестве метафорической «царицы». Глагол «sinken», используемый в метафоре «*die gesunkene Königin*» 'падшая царица' употреблён в связи с переносом его прямого значения «падать, опускаться, понижаться, идти ко дну» на значение «падший, опустившийся, погибший». Таким образом, автор ярко иллюстрирует двусмысленное отношение главного героя к городу: он очарован причудливой и изменчивой красотой Венеции, но ощущение, что эта красота – лишь приманка для туристов, не покидает его.

Как только сумасбродная затея бежать из города покидает главного героя, и он снова возвращается в свою гостиницу, автор иллюстрирует эту перемену очередным описанием природы в новелле: «*Purpur fiel auf das Meer, das ihn wallend vorwärts zu schwimmen schien, goldene Speere zuckten von unten zur Höhe des Himmels hinauf, der Glanz ward zum Brande, lautlos, mit göttlicher Übergewalt wälzten sich Glut und Brunst und lodernde Flammen herauf, und mit raffenden Hufen stiegen des Bruders heilige Renner über den Erdkreis empor*» [17, с. 1] 'Пурпур пал на море, и оно неспешно понесло его вперед, к берегу; золотые копыта метнулись снизу в небесную высь, блеск стал пожаром, беззвучно, с божественной, нездешней мощью растекся зной, огонь; языки пламени лизнули небо, и священные кони брата, потрясая гривами, взнеслись над землей' [5, с. 1]. По сходству цвета была образована метафора «*Purpur fiel auf das Meer*», подразумевающая предрассветные часы, когда водная гладь окрасилась в пурпурный цвет благодаря первым лучам восходящего солнца. Об этих лучах и говорит автор, называя их «*goldene Speere*» 'золотые копыта'. Перенос значения в этом случае произошел уже не только по сходству цвета, как в первом случае, но и по сходству формы.

О смертельной эпидемии, поразившей Венецию, городские власти решают умолчать. Соответственно, и автор лишь вскользь упоминает о холере, сопровождая это упоминание образами, довершающими целостную картину происходящего в воображении читателя. Пример подтверждает эту мысль: «*Vorn wandelte, hantierte und sang der schwer geschmückte Priester, Weihrauch quoll auf, er umnebelte die kraftlosen Flämmchen der Altarkerzen, und in den dumpfsüßen Opferduft schien sich leise ein anderer zu mischen: «der Geruch der erkrankten Stadt»*» [17, с. 1] 'Впереди в тяжело великолепно облачении расхаживал, кадил и пел священник, курился ладан, туманя бессильные огоньки свечей

у алтаря, и к тягучему сладковатому запаху бескровного жертвоприношения слегка примешивался другой: запах заболевшего города' [5, с. 1]. Каждая из метафор концентрирует внимание на атмосфере города, подверженного вспышке эпидемии. Таким образом, в метафоре «*die kraftlosen Flämmchen der Altarkerzen*» прилагательное «*kraftlos*» имеет значение «бессильный, истощённый, немощный, утративший силу». Следовательно, даже пламя свечей горит настолько слабо, что кажется бессильным. Насколько же слаба и сама Венеция, не способная сопротивляться прогрессированию болезни. Особо ярко выражено это состояние последней метафорой в предложении: «*der Geruch der erkrankten Stadt*», что в переводе на русский язык означает «запах заболевшего города». Использование этих метафор оказывает особо сильное воздействие на читателя, позволяющее провести параллель между образами города и главного героя. Ведь первое упоминание об эпидемии в Венеции совпадает с принятием Ашенбахом своих запретных чувств, а распространение болезни символизирует и окончательную внутреннюю трансформацию главного героя.

Соответственно, благодаря проанализированным метафорам можно проследить перемену в настроении героя: воодушевление и внутреннее стремление к путешествию, восхищение «городом на воде» сменяется осознанием, что под внешней вуалью красоты и привлекательности Венеция скрывает множество тайн и пороков, как и сам Ашенбах.

Таким образом, проанализировав случаи употребления метафоры в описаниях пейзажа и погоды, мы видим, что образование метафоры происходит путем переноса значения между объектами, причем перенос происходит как по сходству цвета, так и по сходству формы. С помощью метафор Томас Манн подчеркивает редкие, неповторимые детали, создает яркие образы на основе несвойственных сравнений. Кроме того, благодаря использованным метафорам, читатель прослеживает изменения в видении мира главным героем, которые происходят параллельно с трансформацией его психологического сознания, что и является главной идеей изучаемой новеллы.

Библиографический список

1. Манн Т. Смерть в Венеции / Пер. с нем. Н. Ман. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MANN/venecia.txt> (дата обращения: 21.10.2017).
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К – О. 736 с.
3. Mann, Thomas. Der Tod in Venedig. URL: <http://archive.org/stream/dertodinvenedig12108gut.txt> (дата обращения: 21.10.2017).

Refereces

1. Mann, Thomas. Death in Venice / Trans. from German by N. Man. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MANN/venecia.txt> (date of application: 21.10.2017).
2. Dictionary of Russian language: in 4 vol. / Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, 1999. Vol. 2. 736 p.
3. Mann, Thomas. Death in Venice. URL: <http://archive.org/stream/dertodinvenedig12108gut.txt> (date of application: 21.10.2017).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.133.1'276:379.85

*Воронежский государственный
университет
магистрант 1-го курса факультета ро-
мано-германской филологии
Сатюкова В.А.
Россия, г. Воронеж, +7(950)777-49-78
e-mail: valeriyasatyukova@yandex.ru*

*Voronezh State University
1st Year of Magistrate
Satiukova V.A.
Russia, Voronezh, +7(950)777-49-78
e-mail: valeriyasatyukova@yandex.ru*

В.А. Сатюкова

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ТЕКСТАХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ

Целью данной работы является изучение специфики отражения различных аспектов культуры туристической дестинации в текстах туристических путеводителей. Предметом исследования стали языковые единицы, маркирующие культурные особенности, в тексте франкоязычного путеводителя по Санкт-Петербургу издательства Le Petit Fute. Методология исследования представлена методом анализа и синтеза теоретических положений научных работ по изучаемой проблеме, а также методом контекстуально-анализа для выявления языковых средств, репрезентирующих «чужую» культуру в текстах туристических путеводителей. Проведенное исследование позволяет утверждать, что путеводитель как текст, созданный при помощи адаптации языковых единиц для интерпретации носителями другой культуры, оказывается первостепенным средством межкультурной коммуникации и часто единственным источником информации о туристическом направлении. Функции туристического путеводителя – информирующая, рекламная, развлекающая – один из основных факторов, влияющих на отбор культурноспецифичной информации для презентации туристического направления. Особенности лингвокультуры отражаются в путеводителях с помощью целого ряда языковых средств, среди которых реалии, ксенонимы, прецедентные феномены. Экспликация культурно-специфичных смыслов осуществляется посредством разнообразных языковых средств: от окказиональных заимствований фонетической или графической формы слова до развернутых объяснений значения культурно-специфичного элемента. Автор приходит к выводу о том, что тексты туристических путеводителей оказываются адекватным эмпирическим материалом для исследования способов вербализации инокультурной действительности наряду с корпусами переводных текстов. Полученные результаты вносят определенный вклад в изучение процесса репрезентации «чужой» языковой действительности средствами «своего» языка, а также имеют прикладное значение, поскольку могут использоваться в процессе создания туристических путеводителей.

Ключевые слова: лингвокультура, межкультурная коммуникация, туристический путеводитель, реалия, ксеноним, прецедентный феномен.

V.A. Satiukova

SPECIFIC FEATURES OF RENDERING CULTURAL LINGUISTICS IN THE TEXTS OF TOURIST GUIDEBOOKS

The aim of this paper is to study the specific features of rendering various aspects of the culture of tourist destination in the texts of tourist guidebooks. The subjects of the study are language units which name culture

specific features. The study is based on the text of the French-language guide to St. Petersburg published by Le Petit Fute. The research methodology is presented by the method of analysis and synthesis of theoretical positions of scientific works on the problem under study, as well as the method of contextual analysis to identify language means that represent foreign culture in the texts of tourist guidebooks. The research allows to conclude that the guidebook as a text created by the adaptation of linguistic units for interpretation by representatives of another culture proves to be a primary means of intercultural communication and is often the only source of information about the tourist destination. The functions of a tourist guide (informing, advertising, entertaining) are one of the main factors influencing the selection of cultural and specific information for the presentation of the tourist destination. The peculiarities of a culture are reflected in the guidebooks via a number of linguistic means, for example, realities, xenonisms, precedent phenomena. Explication of cultural-specific meanings is carried out through a variety of linguistic means: from occasional borrowings of the phonetic or graphic form of the word to the expanded explanations of the significance of the cultural-specific element. The author comes to the conclusion that the texts of tourist guidebooks prove to be an adequate empirical material for researching the ways of verbalisation of a foreign culture along with the corpus of translated texts. The results make a definite contribution to the study of the process of representing a foreign language reality using the means of one's own language, and also have applied nature, since they can be used in the process of creating tourist guides.

Key words: cultural linguistics, intercultural communication, travel guide, reality, xenonism, precedent phenomenon.

Роль языка как «опосредующего звена между человеком и культурой» [6; с. 10] и как средства вербализации практических, теоретических и культурных знаний, приобретенных человеком в процессе осмысления окружающего мира исследуется особой отраслью лингвистики – лингвокультурологией.

По мнению В.В. Воробьева, лингвокультурология представляет собой «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [2; с. 36–37].

Специфика отражения элементов лингвокультуры в языке и тексте может быть успешно изучена на материале туристических путеводителей, поскольку последние представляют собой «“путешествие” в культурное и языковое пространство как “своей”, так и “чужой” лингвокультуры» [8; с. 60]. Тексты путеводителей, по мнению Н.П. Головицкой оказываются «средствами отражения информации о культурной и национальной идентификации и самоидентификации народов, представляющих ... лингвокультуру и функционируют в роли презентационных знаков – культурных доминант» [3; с. 390]. Функция текстов туристического путеводителя заключается в ознакомления потенциального туриста с лингвокультурным пространством туристической дестинации [4; с. 11]. Обеспечивая процесс межкультурной коммуникации, путеводитель представляет и текст, и элемент культуры, выступая «своего рода визитной карточки территории» [11; с. 86], организующей связь между представителями разных стран в культурном пространстве.

Таким образом, путеводитель представляет собой «текст межкультурной коммуникации» [1; с. 193], созданный при помощи «внутреннего перевода», то есть «приспособления языковых единиц языка общения к иноязычной культуре в ходе прямого межкультурного контакта» [4; с. 65].

Вышесказанное позволяет утверждать, что туристический путеводитель становится основным средством создания образа туристического направления и играет важную роль в обеспечении более детального понимания туристического региона, опережая другие возможные источники информации: личный опыт туриста, другую туристическую литературу (брошюры, путеводители, реклама), художественные произведения, СМИ (телевидение, периодические издания, новостные порталы), интернет-ресурсы, кино, живопись и др. [11; с. 87].

Функции туристического путеводителя – один из основных факторов, влияющих на отбор культурноспецифичной информации для презентации туристического направления. По мнению Э.Ю. Новиковой, туристические тексты выполняют целый ряд функций: информирующую, рекламную, развлекающую. С одной стороны, они относятся к информативному типу текстов, так как «нацелены на максимально понятную и соответствующую желаниям потенциальных реципиентов передачу информации о культурно-значимых объектах/событиях/местах/персоналиях и др.» [8; с. 61]. С другой стороны, такие тексты выполняют рекламную функцию, поскольку они направлены на привлечение туристов в конкретный регион [Там же].

Следовательно, туристический путеводитель должен содержать полезные советы для людей с проблемой вербального общения [7; с. 30], краткую информацию об основных достопримечательностях региона с фотографиями и кратким описанием каждого, карту региона с прописанным маршрутом и вариантами досуга вне экскурсионного времени (театры, кинотеатры, парки, водные и пешеходные прогулки).

Безусловно, описание привлекательных с туристической точки зрения объектов является основой содержания путеводителя. Среди объектов, которые включаются в путеводитель, по мнению И.И. Рущинской, можно выделить достопримечательности, выступающие знаками конкретной эпохи, истории, события и т.д. и достопримечательности, интересные сами по себе [9; с. 54]. Однако более детальная классификация, по мнению исследовательницы, затруднительна, поскольку видовой и предметный состав очень разнообразен: «градостроительные и архитектурные памятники, произведения искусства, озера, реки, горы, ущелья и другие памятники природы, заповедники, зоопарки, археологические объекты, ярмарки, карнавалы, места исторических событий, музеи» [10; с. 76].

Культура туристического направления отражается в путеводителе целым комплексом языковых средств, среди которых можно выделить:

– наименований реалий: названий географических и социальных объектов, праздников, региональных/национальных брендов, традиций и т.д.» [8; с. 62]. Под реалией мы, вслед за Н.А. Фененко, понимаем парную лакуне категорию контрастивной лингвистики, обозначающую наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата (а для денотатной лексики – денотата) соответствующей культуры, на фоне отсутствия такой номинации в другом языке [12; с. 109]. Например, в проанализированном путеводителе приводится региональная реалия «белые ночи», которая вводится в текст посредством развернутого объяснения, что свидетельствует о важности реалии для формирования полноценного представления о туристическом направлении: «*de mai à début juillet, le soleil ne se couche pratiquement pas. Il ne disparaît qu'à 6° sous l'horizon, ce qui est tout à fait insuffisant pour assombrir le ciel*» (с мая по начало июля солнце практически не садится. Оно остается на высоте 6° над линией горизонта, и этого недостаточно, чтобы небо потемнело) [14; с. 28].

Ср. также:

«*au musée Dostoïevski ... C'est là qu'a été écrit son roman Les Frères Karamazov*» (в музее Достоевского ... Именно там был написан его роман «Братья Карамазовы») [14; с. 14]. В анализируемом примере в качестве реалии выступает транскрибированная фамилия русского писателя Ф.М. Достоевского, который достаточно широко известен во французской культуре, поэтому реалия не сопровождается экспликацией.

– ксенонимы, под которыми понимают «лексические элементы, обозначающие явления иноязычной по отношению к данному языку культуры» [1; с. 193], вводимые в текст при помощи заимствований, калькирования, использования описательных оборотов и аналогов [там же]. В нашей работе под ксенонимами, в отличие от реалий, мы будем понимать лексические единицы, являющиеся окказиональными заимствованиями, но обозначающими культурно-специфичные предметы и явления в их локальной номинации. В качестве примера приведем следующий контекст: «*Saint-Pétersbourg*,

Petrograd ou Leningrad, ce sera toujours «Piter» pour les habitants et les amoureux de l'ancienne capitale impérial» (Санкт-Петербург, Петроград или Ленинград, для влюбленных в бывшую столицу империи город всегда будет Питером) [14, с. 29]. В анализируемом примере присутствует окказиональное заимствование формы слова, вводимое при помощи транскрипции/транслитерации. Оно обозначает название Санкт-Петербурга, устоявшееся в разговорной речи носителей русской культуры.

Ср. также:

«au musée appartement de Pouckine, situé au 12 de la rue. Si l'adresse complète est le 12 du Quai de la rivière, les petersbourgeois disent simplement «Moïka 12» et tout le monde sait de quoi l'on parle» (в музее-квартире Пушкина, находящегося в доме 12 по этой улице. Хотя полный адрес – набережная реки Мойки, д. 12, жители Петербурга просто говорят «Мойка 12», и все понимают, о чем идет речь) [14, с. 15].

В данном примере в качестве ксенонима выступает разговорная номинация местоположения известной петербургской достопримечательности.

– прецедентные феномены [13; с. 246]. Под прецедентными феноменами мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, понимаем «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5; с. 216]. Аппелляция к прецедентным текстам, именам, цитатам в путеводителе по Санкт-Петербургу связана, главным образом, с именами деятелей французской культуры. Например:

«L'avenue principale de Saint-Pétersbourg (souvent surnommée les Champs-Élysées pétersbourgeois) a été imaginée par Pierre Le Grand et taillée dans une forêt à partir de 1760. ... La Perspective Nevski est aussi le nom d'une nouvelle de Gogo» (Главная улица Санкт-Петербурга (которую часто называют петербургскими Елисейскими полями) была спроектирована Петром Великим и проложена через лес в 1760 г. ... Невский проспект – это также название повести Гоголя) [14, с. 29].

В анализируемом примере реалия – наименование главной улицы Санкт-Петербурга позволяет познакомить франкоязычных туристов с прецедентным текстом русской культуры.

Аналогично:

Grâce à Saint-Pétersbourg, Pierre le Grand cherche à ouvrir en Russie une «fenêtre sur l'Europe» (Благодаря строительству Санкт-Петербурга Петр Великий стремится открыть России «окно в Европу») [14, с. 28].

В данном примере происходит аппелляция к прецедентной цитате из произведения А.С. Пушкина «Медный всадник», которая часто служит для обозначения Санкт-Петербурга.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Туристический путеводитель представляет собой одновременно и текст, и элемент культуры, адаптированный для восприятия инокультурным реципиентом, направленный на осуществление межкультурного общения и отражающий культурные особенности территории посредством целого комплекса языковых средств. Поэтому тексты туристических путеводителей оказываются адекватным эмпирическим материалом для исследования способов вербализации инокультурной действительности наряду с корпусами переводных текстов. Языковые средства, обозначающие элементы инокультурной действительности, представленные в путеводителе, включают реалии, ксенонимы и прецедентные феномены. Они позволяют познакомить иностранного туриста как с общенациональными, региональными и локальными реалиями туристической дестинации, так и с особенностями их номинации в принимающем регионе.

Библиографический список

1. Болотина Ю.П. Категория локативности в аутентичном англоязычном путеводителе по России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. №97. С. 192-196. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12295159> (дата обращения: 01.03.2018)
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. 331 с.
3. Головницкая Н.П. Немецкоязычный кулинарный путеводитель как текст и как элемент культуры. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2013. С. 390-393. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25721383> (дата обращения: 01.03.2018)
4. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: внутренний перевод. СПб.: Тригон, 2000. С. 65-75. URL: https://www.herzen.spb.ru/img/files/in yaz//perevod/Kabakchi2000_Studiya_9.pdf (дата обращения: 01.03.2018)
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кожокина А.В. Путеводитель как объект лингвокультурологического исследования // Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: ИП Плесканюк Татьяна Николаевна, 2017. С. 10-17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29174713> (дата обращения: 01.03.2018)
7. Кузнецова А.А. Российский опыт составления туристического путеводителя // Научные исследования. Иваново: Олимп, 2017. №7 (18). С. 29-31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29443349> (дата обращения: 01.03.2018)
8. Новикова Э.Ю. Дискурсивно обусловленный культурный трансфер в переводе путеводителя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. №3 (22). С. 60-66.
9. Руцинская И.И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011. № 2. С. 53-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16523393> (дата обращения: 01.03.2018)
10. Руцинская И.И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2011. №1. С. 74-92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16313915>(дата обращения: 01.03.2018)
11. Стегниенко А.С. Туристские образы префектур Японии: методика изучения и типология. М.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука»», 2014. №4. С. 85-94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21813610> (дата обращения: 01.03.2018)
12. Фененко Н.А. Символьные лакуны и способы их элиминации при переводе / Н.А. Фененко, С.Ю. Булгакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 109-114. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2014/04/2014-04-23.pdf> (дата обращения: 01.03.2018)
13. Юзефович Н.Г. Российская лингвокультура в произведениях Орlando Файджеса // Политическая лингвистика, 2011. №2. С. 244-249.
14. Saint-Pétersbourg : Croisière sur la Volga (Country Guide) // Petit Futé. 2016. 64 с.

References

1. Bolotina U.P. The category of locality in an authentic English-speaking guide to Russia // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named A.I. Herzen, 2009. №97. P. 192-196. URL: <https://library.ru/item.asp?id=12295159> (date of application: 01.03.2018)
2. Vorobiev V.V. Cultural linguistics: theory and methods. Moscow: Publishing house of the Russian University of Peoples' Friendship, 1997. 331 p.
3. Golovnitckaya N.P. German-language culinary guidebook as a text and as an element of culture. Volgograd: Volgograd State Agrarian University, 2013. P. 390-393. URL: <https://library.ru/item.asp?id=25721383> (date of application: 01.03.2018)
4. Kabakchi V.V. Unexpected type of translation: internal translation. St. Petersburg, 2000. P. 65-75. URL: https://www.herzen.spb.ru/img/files/in yaz//perevod/Kabakchi2000_Studiya_9.pdf (date of application: 01.03.2018)
5. Karaulov U.N. Russian language and linguistic personality. Moscow, 2010. 264 p.
6. Kozhokina A.V. Guide as an object of research in cultural linguistics // Collected scientific papers on the materials of the First International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, 2017. P. 10-17. URL: <https://library.ru/item.asp?id=29174713> (date of application: 01.03.2018)
7. Kuznetsova A.A. The Russian experience of compiling a tourist guidebook // Scientific researches. Ivanovo, 2017. № 7 (18). P. 29-31. URL: <https://library.ru/item.asp?id=29443349> (date of application: 01.03.2018)
8. Novikov E.U. Discursively conditioned cultural transfer in the translation of the guidebook // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2014. № 3 (22). P. 60-66.
9. Guide as a tool for constructing regional attractions (second half of the 19th – the beginning of the 20th century) // Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2011. № 2. P. 53-64. URL: <https://library.ru/item.asp?id=16523393> (date of application: 01.03.2018)
10. Rutsinskaya I.I. Guide as a tool for constructing regional attractions (second half of the XIX – early XX century) // Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2011. №1. P. 74-92. URL: <https://library.ru/item.asp?id=16313915> (date of application: 01.03.2018)
11. Stegnienko A.S. Tourist images of the prefectures of Japan: the method of study and typology. Moscow, 2014. №4. P. 85-94. URL: <https://library.ru/item.asp?id=21813610> (date of application: 01.03.2018)
12. Fenenko N.A. Symbolic lacunae and ways of their elimination during translation / N.A. Fenenko, S.U. Bulgakova // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. № 4. P. 109-114. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2014/04/2014-04-23.pdf> (date of application: 01.03.2018)
13. Uzefovich N.G. Russian linguoculture in Orlando Fine's works // Political Linguistics. 2011. №2. P. 244-249.
14. Cruise on the Volga (Country Guide). St.-Petersburg: Petit Fute, 2016. 64 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81:305-055.1

*Кубанский государственный аграрный
университет
преподаватель кафедры
иностранных языков
Линник А.А.
Россия, г. Краснодар, +7 (909) 462-84-90
e-mail: steisha.al@gmail.com*

*Kuban State Agrarian University
The chair of foreign languages
Lecturer
Linnik A.A.
Russia, Krasnodar, +7 (909) 462-84-90
e-mail: steisha.al@gmail.com*

А.А. Линник

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Автор настоящей статьи рассматривает ломку традиционного гендерного порядка на примере феномена *отцовство*. Понятия *маскулинность* и *фемининность* в их взаимосвязи с гендерными стереотипами передают внутренне противоречивое, но вместе с тем динамичное соотношение мужского и женского. Современные социальные стереотипы отцовства отличаются своим внутренним разнообразием и противоречивостью как система представлений и требований общества, касаясь обязанностей и функций отца. Считается, что наличие таких явных противоречий вызвано переходным периодом в истории исследования отцовства, когда более пристальное внимание было наконец обращено на значимость роли отца в развитии личности ребенка. В настоящее время не только в западном, но и российском обществе наблюдается формирование новых типов отцовства, отличающихся наличием феминных черт, как-то: участие отцов в рождении, воспитании и дальнейшей жизни своих детей, эгалитаризм в бытовых вопросах и прочее. В качестве основных архетипов отцовства упомянуты модели, которые были распространены в прошлом (среди них «традиционный отец», «отсутствующий отец»), и те, что только набирают популярность в настоящее время («ответственный отец», «новый отец»), при этом внимание уделено понятию *нового отцовства*. В качестве материала автором использовались примеры из русской и английской публицистики (в основном из журналов, посвященных родительству). Для анализа из русской и английской публицистики выбраны все примеры, содержащие в себе или подразумевающие лексему *отец* и предполагающие разнообразную характеристику отца.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, маскулинность, фемининность, отцовство.

А.А. Linnik

GENDER STEREOTYPES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The author of the article deals with the breaking of traditional gender stereotypes by the example of the phenomenon of fatherhood. The notions of “masculinity” and “femininity” being closely connected to gender stereotypes convey an internal contradictory, but, at the same time, dynamic correlation of male and female qualities. Modern social stereotypes of fatherhood are distinguished by their internal diversity as a system of beliefs and demands of society concerning the duties and functions of a father. This contradictory nature is believed to be caused by the period in the history of fatherhood research, when, finally, more attention was paid to the importance of father's role in the formation of child's personality. The inner discrepancy of the phenomenon is con-

sidered in the context of changing gender roles of men and women in modern society. At the present time, both in Western and Russian societies there is a trend towards the formation of new types of fatherhood. The new types include the following characteristics that are considered to be feminine: direct participation of the “new fathers” in the birth of their children, their upbringing and further life, as well as egalitarianism in everyday matters. Basic archetypes of fatherhood mentioned include the models that were widespread in the earlier period (such as the “traditional father”, the “absent father”) and the ones which have been gaining popularity recently only (the “responsible father”, the “new father”), while attention is given to the notion of “new fatherhood”. The examples used are taken from the brochures, aids and magazines devoted to parenting, and contain or imply the “father” lexemes in their meaning as well as suggest a diverse description of a father.

Key words: gender, gender stereotypes, masculinity, femininity, fatherhood.

Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен [1; с. 135], представляет собой один из параметров человеческой личности, отражающийся в языке и служащий затем средством конструирования идентичности.

Мужественность и женственность – важные атрибуты общественного сознания. Каждому из полов в любой культуре предписывается набор обязательных правил, регламентирующих гендерное поведение и находящихся свое отражение в языке [2].

Под гендерным стереотипом понимается частный случай стереотипа, который можно отнести к знаниям о лицах разного пола, приписывании им определенных признаков, что отражается в особенностях синтагматических связей рассматриваемых единиц, мелиоративной и пеоративной этической или эстетической оценки [3].

В настоящее время в современном обществе наблюдается постепенный процесс ломки гендерных стереотипов, изменения в традиционных моделях маскулинности и фемининности и, как следствие, изменения в ролевом поведении мужчин и женщин [4], которые можно проследить на примере содержательно разнообразного и противоречивого социального стереотипа «отцовство».

Самым распространенным архетипом отцовства во многих культурах долгое время считался образ «отсутствующего отца» [5], то есть, отсутствующего в психологическом плане, а именно эмоционально дистанцированного от своих детей отца. Для мужчин, входящих в данную модель, отцовство заключается лишь в принадлежности семье [4]. Данный архетип или модель отцовства основывается на традиционной модели маскулинности, которая берет своей основой доминантно-зависимый тип гендерных отношений. Считается, что устоявшийся (консервативный) образ маскулинности включает в себя такие характеристики, как: мизогиния, гомофобия [6; с. 151], а также мужское господство, патриархат, мачизм, гетеросексизм или гетеронормативность [7; с. 2].

В настоящее время наблюдается развитие новых моделей отцовства, в связи с изменениями в традиционном гендерном порядке, происходящими не только в российском обществе. Отличительная черта новых моделей отцовства заключается в ориентации мужчин в равной степени на самореализацию в профессиональной и семейной сферах, однако, удовлетворение потребности в эмоциональной близости с детьми все еще остается проблематичной для отцов, поскольку зачастую приходит в конфликт с заботами о жизнеобеспечении семьи. Тем не менее, наблюдается существенный рост степени вовлеченности отцов в уход за ребенком, общение и игры без посредничества матери, в том числе, и степень ответственности за ребенка, а также его доступность для отца. Кроме того, в настоящее время, «в нормативном эталоне маскулинности присутствуют фемининные черты» [4], что противоречит традиционным гендерным стереотипам, согласно которым сфера мужчины – работа, тогда как женщина должна заниматься домом и детьми, особенно, если им нет еще года [8; р. 68]. Другими характерными

чертами «нового отцовства» становятся проявление домашнего эгалитаризма и равное количество уделяемого внимания, как сыновьям, так и дочерям [9].

В составе моделей «нового отцовства» И.С. Клёцина выделяет две основные [4]:

– «ответственный отец», который, несмотря на большую степень включенности в заботу и воспитание детей, вносит меньший вклад в развитие детей, чем их мать;

– «новый отец», в рамках которой отец не только берет на себя ответственность за воспитание детей и дела семьи, но и делит с супругой обязанности в заботе о детях, а именно: осуществляет постоянный контакт со своими детьми, принимает активное участие в их делах и проблемах, помогает с учебой и другое.

Считается, что модели «нового» и «ответственного» отцовства больше характерны для западной, чем для российской культуры [10; с. 272]. Однако по данным исследования русской и английской публицистики можно предположить, что в российском обществе постепенно появляется тенденция к переходу от «отстраненного отцовства» или модели «отец-кормилец» к модели «ответственного отцовства». Необходимо упомянуть, что следующий территориально отобранный публицистический материал в качестве примеров ограничивается преимущественно Краснодарским краем (распространение продукции осуществляется на территории Краснодарского края). Выбранные примеры содержат в себе или подразумевают в своем значении лексемы «отец» и характеризуют отца:

1) как «ответственного»:

«Так что настройтесь на то, что «папы тоже могут все», следуйте своим инстинктам и делайте так, как считаете нужным; «Беременный» папа; Не существует универсального ответа на все, что вы хотите знать о материнстве или отцовстве, – каждый ребенок уникален, и только вы сможете растить и воспитывать его правильно»;

2) как «отстраненного»:

«Или доверять это ответственное дело новоиспеченному папе, который не в состоянии отличить пинетки от носков...; Отцовский инстинкт, в отличие от материнского, не является врожденным; Отцы проводят с малышами меньше времени, чем мамы, все, что вы делаете вместе, становится для ребенка очень важным; Папино внимание не менее важно для малыша (чем мамино); Мы всегда ждали папу, очень скупчили по нему, и, когда он приходил из плавания, это всегда был праздник, событие; Самое яркое воспоминание связано с отцом»;

3) как нуждающегося в духовном воспитателе в лице ребенка (чаще мальчике):

«Когда родители поженились, папа безумно хотел сына; Я очень рад, что у меня дочери. Может быть, мужчины сначала не в полной мере осознают эту радость, но потом это приходит».

«Новое отцовство» или “new fatherhood” стало возможным ранее всего в ряде западных стран, в том числе, в Америке, как результат либерализации прав и свобод граждан, возросшей занятости женщин на оплачиваемом рынке труда, а также роста частной собственности и общих доходов домохозяйств [10; с. 274]. Таким образом, все в большем приоритете становятся «новые отцы», тогда как отцы старого типа, так называемые, «удаленные кормильцы», все чаще подвергаются критике со стороны общества [10; с. 275].

В некоторой степени фактическое несоответствие принятой в западном обществе культуры отцовства с реальными отцовскими практиками можно проследить на материале примеров из английской публицистики, преимущественно из Интернет-источников (разнообразные интернет-журналы о родителстве: parents.com, Today'sParent.com, parenting.com). Отобранные источники не имеют территориального ограничения, поэтому можно считать, что результаты исследования отражают понима-

ние и оценку «отца» неограниченным количеством представителей английской языковой культуры. Выбранные примеры отвечают следующим критериям:

1) указывают на факт, того, что отец, заботящийся о своих детях наравне с матерью, все еще несколько непривычен для англоязычного общества:

“We can't swoon when we hear of a dad who takes care of his kids – physically, emotionally and financially. It should be expected because he's a parent; A single dad recently wrote a post on the Life of Dads Facebook page devoting himself to his daughter, and he now has 600K followers; And we don't typically see Public Displays of Dadness (PDD), so we get all sappy when we do; So then, when dad does know something – when he doesn't just sit there and get told what to do – we praise him like he invented our favorite ice cream”;

2) указывают на недостаточную готовность отца соответствовать модели “new father”, а также на пользу, которую приносит детям более вовлеченное в семейные дела поведение отца:

“Even dads with average parenting skills can make a real impact on their children's lives; The more involved a dad is, the more successful his children will be; A father's influence can determine a child's social life, grades at school, and future achievements; Alliance shows that babies with more involved fathers are more likely to be emotionally secure, confident in new situations, and eager to explore their surroundings; Talk with your kids! This is overlooked by a lot of dads”;

3) указывают на высокую вовлеченность отцов в воспитание своих детей:

“Being a dad is all about finding your own path to what makes you and your kids happy, and our list can help you find your way; Often, parents feel the need to step in every time kids do something, well, kid-like; Hundreds of dads taking photos of themselves with their kiddos to show off how great they think their kids are”;

4) подтверждают убеждение в том, что многие отцы испытывают больше трудностей в общении с дочерьми, чем с сыновьями:

“The prospect of being a father to a daughter may seem daunting at first because you have a second sense about being with a boy, but girls seem a bit foreign to most guys”.

Таким образом, «отцовство», как содержательно разнообразный феномен, и развивающиеся внутри него новые модели отцовства представляют собой пример изменений в традиционном гендерном порядке вследствие ломки гендерных стереотипов. Исследования материалов публицистики русского и английского языков (в основном, посвященной родительству), демонстрируют противоречивость феномена и все более возрастающую популярность новых типов отцовства в разной степени в обеих языковых культурах.

Библиографический список

1. Кирилина А.В. Семантика личных имен: гендерный аспект // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносоциологии. Волгоград, 2002. С. 135–141.
2. Катермина В.В., Прима А.М. Образ женщины как гендерный стереотип (на материале романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 94-96.
3. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 2000. 40 с.

4. Клещина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе. Российский научный журнал.* № 3 (52). 2009. С. 29-41.
5. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения – 15.03.2018).
6. Litosseliti, Lia and Sunderland, Jane. *Gender Identity and Discourse Analysis*, John Benjamins Publishing Co., 2002.
7. Worden, Daniel. *Masculine Style*. Palgrave Macmillan, 2011.
8. Helgeson, Vicki S. *The psychology of gender*. Pearson, 4th ed., 2012.
9. Marche, Stephen. *Manifesto of the New Fatherhood*. 2014. URL: <http://www.esquire.com/lifestyle/news/a28987/manifesto-of-the-new-fatherhood-0614/> (дата обращения – 15.03.2018).
10. Мальцева Д.М. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-ottsovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (дата обращения – 15.03.2018).

References

1. Kirilina A.V. *Semantics of personal names: gender aspect // Axiological linguistics: problems of studying of cultural concepts and ethno-consciousness*. Volgograd, 2002. P. 135-141.
2. Katermina V.V., Prima A.M. *The image of a woman as a gender stereotype (by J. Austen's novel "Northanger Abbey") // Philological Sciences. Theory and practice*. Tambov, 2015. № 9. P. 94-96.
3. Kirilina A.V. *Gender aspects of language and communication: the author's abstract of doctoral dissertation in Philological Sciences*. M., 2000. 40 p.
4. Klещина И.С. *Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity // Woman in Russian Society. Russian scientific journal.* № 3 (52). 2009. P. 29-41.
5. Кон И.С. *Fatherhood as a component of male identity*. URL: <http://demoscope.com/weekly/2006/0237/analit03.php>
6. Litosseliti, Lia and Sunderland, Jane. *Gender Identity and Discourse Analysis*, John Benjamins Publishing Co., 2002.
7. Worden, Daniel. *Masculine Style*, Palgrave Macmillan, 2011.
8. Helgeson, Vicki S. *The psychology of gender*. Pearson, 4th ed, 2012.
9. Marche, Stephen. *Manifesto of the New Fatherhood*. 2014. URL: <http://www.esquire.com/lifestyle/news/a28987/manifesto-of-the-new-fatherhood-0614/> (date of application – 15.03.2018).
10. Maltseva D.M. *Theoretical approaches to the study of paternity in modern Western sociology // Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-ottsovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (дата обращения – 15.03.2018).

УДК 811.111'42:791.43

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
Пантыкина Н.И.
Украина, г. Луганск, +380955527210
e-mail: pantykina.natalia@yandex.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of English philology
and oriental languages
Lecturer Pantykina N.I.
Luhansk, +380955527210
e-mail: pantykina.natalia@yandex.ru*

Н.И. Пантыкина

КИНЕСИЧЕСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются невербальные средства в англоязычном диалогическом дискурсе. Актуальность исследования подчеркивается тем, что наравне с вербальными средствами для возникновения коммуникативной значимости в процессе общения используются невербальные, такие как кинесические, просодические и проксемические компоненты. В работе представлены именно кинесические невербальные средства, к которым относятся жесты, мимика, позы, взгляд. Статья содержит примеры визуально-невербальных компонентов в эпизодах художественного фильма «Визит инспектора» Джона Бойнтон Пристли. Цель исследования заключается в выявлении природы и характера кинесических невербальных коммуникативных компонентов и их взаимодействия с вербальной составляющей в англоязычном диалогическом дискурсе. Предметом работы выступают особенности функционирования кинесических невербальных коммуникативных компонентов во взаимодействии с вербальной составляющей. В результате исследования было выявлено, что невербальные средства, а именно – кинесические компоненты, дополняют вербальную коммуникативную ситуацию и непосредственно влияют на участников общения. В процессе работы были использованы следующие методы: метод анализа научных работ по проблеме кинесических коммуникативных компонентов, а также сравнительный, описательный, компонентный и трансформационный анализ, которые позволили получить данные о степени использования кинесических невербальных компонентов в англоязычном диалогическом дискурсе. Результаты данного исследования могут быть применены при дальнейшей работе с просодическими и проксемическими невербальными средствами в англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: вербальные средства, дискурс, кинесические компоненты, кинофильм, коммуникативная ситуация, невербальное общение, речевой акт.

N.I. Pantykina

KINESIC COMMUNICATIVE COMPONENTS IN THE ENGLISH DIALOGIC DISCOURSE

In this article nonverbal components in the English dialogic discourse are researched. The actuality of the study is predetermined by the fact that along with verbal components for the forming the communicative significance in the process of communication, nonverbal components such as kinesic, prosodic and proxemic are also used. The article presents kinesic nonverbal components, that include gestures, facial expressions, poses. The article contains examples of visually nonverbal components on the episodes of the feature film "An Inspector Calls" by John Boynton Priestley. The aim of this study is to identify the nature of kinesic nonverbal communication components and their interaction with the verbal components in the English dialogic discourse. The subject of the research is the features of the kinesic nonverbal communication components functioning in interaction with the verbal components. The studies revealed that nonverbal components – kinesic components are the supplement to the verbal communicative situation and directly affect the participants in communication. In the process of work, the following methods are used: the method of analyzing scientific researches on the problem of kinesic communicative components, as well as comparative, descriptive and transformation analysis that al-

lowed to obtain data on the degree of usage kinesic nonverbal components in the English dialogic discourse. The results of this study can be used in the further analysis of prosodic and proxemic nonverbal components in the English discourse.

Key words: communicative situation, discourse, feature film, kinesic components, nonverbal communication, speech act, verbal means.

Современная коммуникация характеризуется высокой степенью динамичности и открытости, что связано с процессом глобализации, развитием технологий и социальной мобильностью. На первый план выходят проблемы, обусловленные особенностями межкультурного взаимодействия – процесса общения (вербального и невербального) людей, принадлежащих к разным национальным лингвокультурным сообществам [1; с. 82-83], а также актуальными становятся и лингвистические исследовательские работы, посвященные различным аспектам межкультурной коммуникации.

В. Колшанский, Л.В. Солощук к невербальному коду относят набор компонентов неязыкового характера, который говорящий создает в результате физической (а именно моторно-вокалической) деятельности во время коммуникации и использует наряду с вербальными средствами в процессе общения [3;7]. Различаем кинесические (жесты, мимика), просодические (коммуникативно-значимое интонационное оформление вербального выражения) и проксемические (изменения личного пространства относительно друг друга) невербальные коммуникативные компоненты [7; с. 31-35].

Рассматривая известные классификации невербальных средств общения, нетрудно заметить, что в их основу положены основные атрибуты бытия, материи, общие формы и способы ее существования: движение, время, пространство. Какие бы невербальные средства не выделялись, все они могут быть сведены к кинесическим (движения тела), пространственным (организация поведения, межличностного общения) и, наконец, к временным характеристикам взаимодействия. Все это имеет отношение и к паралингвистической, экстралингвистической подструктуре, которая включает движения тела, изменения голоса, паузы и скорее отличается функциями, чем является оригинальной системой невербальных средств общения. То же самое можно сказать о прикосновениях. По своей сути они представляют направленные движения тела, головы, рук, которые с полным основанием можно включить в состав кинесической подструктуры [4].

Под кинесикой принято понимать зрительно воспринимающийся диапазон движений, выполняющих экспрессивно-регулятивную функцию в общении. Кинесика – это не только язык тела (жесты, мимика, позы, взгляд), но также манера одеваться, причесываться и прочее. К кинесике, кроме выше названных движений, относятся также такие, которые связаны с использованием предмета: хлопанье дверью, поскрипывание стулом, почерк. Как мы видим, кинесика – понятие, используемое для обозначения различных движений человека, но чаще всего при изучении движений рук и лица. Многие исследователи в этом случае применяют следующие понятия: экспрессия, паралингвистика, выразительные движения. Экспрессия определяется как выразительное поведение человека [4; с. 5-35].

Вербальный и невербальный компоненты коммуникации рассматриваются в оппозиции. Вербальные – это языковые средства общения, а невербальные – это набор компонентов неязыкового характера, создаваемых в результате физической моторно-вокалической деятельности продуцента при общении, и имеют функционально-динамический характер. Они представляются при вербализации диалогической речи с помощью уже существующих или специально созданных номинаций, отражая коммуникативно-функциональную природу невербального компонента коммуникации и принципы их взаимодействия с вербальными репликами коммуникантов. В зависимости от степени автономности функционирования невербальных коммуникативных компонентов выделяют микро- и макроуровень взаимодействия вербальных и невербаль-

ных компонентов коммуникации в структуре диалогического дискурса. Макровзаимодействие вербальных компонентов и невербальных компонентов в англоязычном дискурсе происходит при сформированности диалогической реплики полностью с помощью невербальных компонентов. Также как самостоятельные диалогические реплики способны функционировать кинесические и проксемические компоненты. На микроуровне взаимодействие вербальных и невербальных компонентов актуализируется в пределах одной реплики, где информативное поле высказывания организуется в зависимости от: 1) координации, когда вербальный и невербальный компоненты являются равноценными относительно информативного потенциала и являются самостоятельно идеально достаточными для сохранения диалогической целостности; 2) субординации, когда вербальный и невербальный компоненты являются равноценными относительно информативного потенциала, но потеря или опущение одного компонента приводит к искажению содержания реплики и нарушению целостности диалогической речи; 3) контрадикции, когда вербальные и невербальные компоненты являются неравноценными и содержат противоречивую информацию, при этом невербальная информация является более достоверной; 4) идентификации, когда невербальный компонент является информативно сильнее и определяет интенциональную направленность высказывания [9; с. 283-284].

Под макровзаимодействием вербальных и невербальных компонентов коммуникации мы понимаем такой тип взаимодействия, когда диалогические реплики (или одна из них) полностью сформированы с помощью невербальных компонентов коммуникации. Такие реплики способны функционировать в диалоге в автономном режиме, то есть они имеют завершенное значение без привлечения к их структуре вербальных компонентов [7]. Невербальный знак демонстрирует высокую степень информативности, что обеспечивает его способность к созданию поликодового коммуникативного пространства. Итак, речевой акт в реплике превращается в параречевой, способный выполнять все функции, обычно присущие речевым актам, самостоятельно, без поддержки вербальных компонентов. То есть мимика и жесты играют роль реплики в диалоге, полностью заменяя вербальное выражение. Невербальная реплика может давать ответ раньше, чем словесная; один из собеседников только хочет возразить, собирается говорить, а другой, учитывая его мимику, жест, выражение лица и готовность к реплике, довольствуется этой невербальной реакцией. Использование параречевого акта обусловлено его большей экспрессивностью, в результате чего возможно не только формирование и передача определенной коммуникативной интенции, но и одновременно выражение отношения коммуниканта к партнеру и оказание влияния на него [6; с. 234].

Кинесические невербальные коммуникативные компоненты вербализуются глаголами, причастиями, соединяясь с вербальной составляющей – формульными фразами, которые используются коммуникантом на этноцентрическом этапе развития поликультурной дискурсивной личности [1].

Подход к дискурсивному анализу с позиций функциональной лингвистики предполагает работу с текстом, поскольку начальным этапом дискурсивного анализа является уровень конкретной языковой реализации дискурсивного содержания, то есть уровень текста. Содержание дискурса раскрывается не через один отдельный текст, а в комплексном взаимодействии многих текстов, то есть, стиле, по В.Е. Чернявской, что является совокупностью тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики [8; с. 89-93].

Кинофильм можно рассматривать как определенный вид текста, о чем пишут Г. Слышкин, Н.А. Ефремова, О.Б. Иванова, Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян и другие. Лингвист А.М. Зарецкая отмечает, что в связи с необходимостью учета всей совокупности компонентов фильма – звуковых, визуальных, паратекстовых (названия, титры), при-

менение данных о вспомогательных текстах (монтажных листов, субтитров), прецедентных текстов (сценариев), участников коммуникации, их установок и целей, поэтому, целесообразно изучать фильм как дискурс [2; с. 7]. По мнению В.Е. Чернявской, невербальная составляющая или прецедентные тексты являются параметрами для определения кинодискурса, поскольку отдельный фильм остается относительно ограниченным, завершённой сущностью. Кинодискурсом считают комплексное взаимодействие всей совокупности кинотекстов, которых может быть бесконечное количество [8].

Художественный фильм – пример аудиовизуального художественного текста. Стилистая принадлежность определяет включение в переводческий анализ аудиовизуального художественного текста, в том числе и анализ передачи фонетических особенностей речи персонажей – индивидуальных, социолингвистических, региональных. В аудиовизуальном художественном тексте они, безусловно, имеют смысловую и стилистическую значимость. Механизмы передачи этих особенностей в переводе определяются сложной природой аудиовизуального перевода и ограничениями, накладываемыми на такой перевод [10; с. 2-3].

Для понимания взаимодействия компонентов аудиовизуального текста: акустически-вербального (диалог) и кинесического (визуально-невербального (изображения)) рассмотрим примеры эпизодов художественного фильма «Визит инспектора» Джона Бойнтон Пристли («An Inspector Calls» (Complete BBC Edition, Bernard Hepton, 1982) by J. Priestley) (табл. 1, 2).

Таблица 1

Взаимодействие акустическо-вербальных (диалог) и кинесических (визуально-невербальных) компонентов.

Акустическо-вербальный компонент (диалог)	Кинесические (визуально-невербальные) компоненты
SHEILA: Now – what’s the joke?	Сердитое выражение лица. Глаза широко открыты.
ERIC: I don’t know – really. Suddenly I felt I just had to laugh.	Улыбается.
SHEILA: You’re squiffy.	Гнев. Брови сдвинуты к переносице.
ERIC: I’m not.	Спокойное выражение лица.
MRS BIRLING: What an expression, Sheila! Really, the things you girls pick up these days!	Удивленно. Брови подняты вверх.
ERIC: If you think that’s the best she can do.	Улыбается.
SHEILA: Don’t be an ass, Eric.	Широко раскрытые глаза. Презрительность и гнев на лице. Внешние уголки бровей подняты вверх.

Таблица 2

Взаимодействие акустическо-вербальных (диалог) и кинесических (визуально-невербальных) компонентов.

Акустическо-вербальный компонент (диалог)	Кинесические (визуально-невербальные) компоненты (изображения)
<i>Sheila: All right then. I drink to you, Gerald.</i>	Сердитое выражение лица. Некоторое время они смотрят друг на друга.
<i>Gerald: Well, perhaps this will help to stop it.</i>	Улыбается. Достает футляр с кольцом.

<i>Sheila: Oh – Gerald – you’ve got it – is it the one you wanted me to have?</i>	Волнуется.
<i>Gerald: Yes – the very one.</i>	Протягивает руку вперед и отдает футляр.
<i>Sheila: Oh – it's wonderful! Look – mummy – isn't it a beauty? Oh – darling.</i>	Берет кольцо. На лице радость. С восторженным чувством целует Джеральда. Глаза раскрыты. Брови подняты вверх.
<i>Eric: steady the buffs!</i>	Улыбается.
<i>Sheila: I think it's perfect. Now I really feel engaged.</i>	На лице восторг. Глаза блестят. Внутренние уголки бровей подняты вверх. Показывает кольцо.

Итак, продуцент дополняет вербальную картину коммуникативной ситуации невербальным компонентом (улыбка, молчание, зрительный контакт, гнев), что создает непосредственное влияние на реципиента. Следует отметить, что молчание как невербальное действие коммуникации обозначено нулевым денотатом, коррелирует с графическими знаками (на письме) и номинациям – вербализаторами (в устной и письменной речи) [5; с. 288].

Считаем целесообразным сравнить описание мимической выразительности эмоциональных состояний человека, составляющих кинесические коммуникативные компоненты в англоязычном диалогическом дискурсе на материале художественного фильма «Визит инспектора» Джона Бойнтон Пристли («An Inspector Calls» by J.Priestley) (табл.3).

Таблица 3

Сравнительное описание мимической выразительности эмоциональных состояний человека

Элементы лица	Мимические признаки эмоциональных состояний Гнев / Радость
Губы	Уголки рта опущены / Уголки рта приподняты.
Форма глаз	Глаза широко раскрыты / Глаза прищурены или раскрыты.
Яркость глаз	Глаза не блестят / Глаза блестят.
Положение бровей	Брови сдвинуты к переносице / Брови подняты вверх.
Уголки бровей	Внешние уголки бровей подняты вверх / Внутренние уголки бровей подняты вверх.
Лоб	Вертикальные складки на лбу и переносице / Горизонтальные складки на лбу.
Подвижность лица и ее частей.	Лицо динамично / Лицо динамично.

Таким образом, анализируя взаимодействие акустически-вербальных (диалог) и кинесических (визуально-невербальных) компонентов, мы определили, что продуцент дополняет вербальную картину коммуникативной ситуации невербальным компонентом (улыбка, молчание, зрительный контакт, гнев), что оказывает непосредственное

влияние на реципиента. Такое взаимодействие дает более полную картину коммуникативной ситуации и позволяет понять интенции всех участников общения.

Библиографический список

1. Бацевич Ф.С. Словник термінів міжкультурної комунікації. Київ: Видавництво «Довіра», 2007. 207 с.
2. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.09 «Теория языка». Челябинск, 2010. 21 с.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
4. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов: Изд-во Ростов, ун-та, 1986. 136 с.
5. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: [уч. пос.]. М.: Альфа-М; ИНФРА-М., 2004. 288 с.
6. Солощук Л.В. Вербальні та невербальні аспекти дискурсивної взаємодії як відображення полікодової природи комунікативного процесу// Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. Мовознавство. Луцьк, 2013. № 19. С. 233-237.
7. Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі: [монографія]. Харків: Вид-во «Константа», 2006. 300 с.
8. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011. № 3. С. 86-95
9. Dijk van T.A. Discourse and Social Interaction / T. A. van Dijk. L., 1997. 342 p.

References

1. Batsevich F. S. Vocabulary of terms of intermusic communication. Kyiv: Dovira, 2007. 207 p.
2. Zaretskaya A.N. Features of the implementation of the subtext in the film discourse: the PhD thesis abstract: 10.02.09 «Language Theory». Chelyabinsk, 2010. P. 21.
3. Kolshanskii G.V. Paralinguistics. M.: Nauka, 1974. 81 p.
4. Labunskaya V.A. Non-verbal behavior (socially-perceptive approach). Rostov: Publishing house Rostov, University, 1986. 136 p.
5. Sadokhin A.P. Intercultural communication. M.: Alfa-M; INFRA-M., 2004. 288 p.
6. Soloshchuk L.V. Verbal and non-verbal aspects of discursive interaction as the reflection of the polycode character of the communication process // Science Bulletin Lesya Ukrainka Eastern European National University. Series: Philology. Linguistics. Lutsk, 2013. №19. Pp.233-237.
7. Soloshchuk L.V. Verbal and non-verbal components of communication in the English language discourse: manuscript. Kharkiv: Konstanta, 2006. 300 p.
8. Chernyavskaya V.E. Discourse as a phantom object: from text to discourse and back? // Cognition, communication, discourse. 2011. № 3. P. 86-95.
9. Dijk van T.A. Discourse and Social Interaction / T. A. van Dijk. L., 1997. 342 p.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
аспирант кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Милованова А.И.
Россия, г. Воронеж, +7(915)561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and intercultural communication
Post-graduate student
Milovanova A.I.
Russia, Voronezh, +7 (915) 561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

А.И. Милованова

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ЧЕРЕЗ ОБРАЗ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Во фразеологии русского языка есть обширный пласт единиц, заключающий в себе образ нереального явления, которое выражает значение всего оборота. Изучение таких фразеологических единиц (ФЕ) позволяет выявить причины формирования подобного образа в структуре оборота, наиболее фразеологически активный компонент, участвующий в создании нереального образа, а также национально-культурную специфику подобных единиц. Прежние исследования позволили определить наиболее активные компоненты: соматический, зооморфный, пространственный, временной компоненты, а также бытовой, пищевой, религиозный и др. Чтобы выяснить, являются ли фразеологизмы с нереальным образом в основе особенностью отражения картины мира русского человека, они были сопоставлены со своими аналогами в английском языке. Методы аналогии и классификации позволили распределить русские и английские фразеологические обороты по группам на основании следующих критериев: наличие/отсутствие доминирующего компонента (соматизма, зоонима и т.д., участвовавшего в формировании нереального образа), наличие/отсутствие нереального явления в структуре ФЕ, а также наличие/отсутствие аналога в целом во фразеологическом фонде английского языка. Исследование показало: 1) в большинстве английских ФЕ зачастую отсутствует либо доминирующий компонент русских ФЕ, но есть образ нереального явления, либо отсутствует как компонент, так и нереальный образ; 2) есть русские ФЕ, не имеющие аналога в английском языке, и есть идентичные единицы в обоих языках, что связано с их интернациональным характером; 3) освоение мира с помощью пространственных категорий у носителей обоих языков совпало, что отразилось во фразеологизмах, выражающих свое значение через образ нереального явления.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, зооним, соматизм, пространство, время, национально-культурная специфика, нереальный образ, бытовой компонент, пищевой компонент, аналог.

A.I. Milovanova

**THE IDIOMS EXPRESSING THEIR MEANING
THROUGH THE IMAGE OF UNREAL PHENOMENON
(BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)**

Phraseology of Russian language has an extensive layer of units which contains an image of unreal phenomenon that expresses the meaning of the whole idiom. The study of such phraseological units (FU) makes it possible to identify: the reasons for the formation of such an image in the turnover structure, the most phraseologically active component involved in creating an unreal image, as well as the national and cultural specifics of such units. Previous studies have made it possible to determine the most active components: somatic, zoomor-

phic, spatial, temporal components, as well as the ones connected with household, food, religious, etc. To find out whether phraseological units with an unreal image are based on the reflection of Russian picture of the world, they were compared with their analogues in the English language. The methods of analogy and classification made it possible to distribute Russian and English phraseological phrases into groups based on the following criteria: the presence / absence of the dominant component (somatism, zoonim, etc., involved in the formation of an unreal image), the presence / absence of an unreal image in the FU structure, and also the presence / absence of an analogue in general in the phraseological foundation of the English language. The study showed: 1) most English FU do not have a dominant component of Russian FU but include an unreal image, or do not have neither a component nor an unreal image; 2) there are Russian FU that do not have an analogue in English, and there are identical units in both languages, which is connected with their international character; 3) the exploration of the world with the help of spatial categories among the speakers of both languages coincided, which is reflected in phraseological units which express their meaning through the unreal image.

Key words: idiom, phraseological unit, zoonim, somatism, space, time, cultural specific features, unreal image, household component, food component, analogue.

В русском языке встречаются фразеологизмы, выражающие свое значение через образ нереального явления, в формировании которого участвуют соматизмы (*душа в пятки ушла, сердце радуется, чугунные мозги, пожирать глазами, бумажная душа*), зоонимы (*светский лев, на рыбьем меху, врет как сивый мерин, курячье вымя, свиные рожки, кот заплакал*), пространственный (*на краю света, у черта на куличках, на седьмом небе*) и временной компоненты (*на турецкую Пасху, на русский байрам, при царе Горохе, когда петух яйцо снесет*), а также бытовой (*в ложке воды утопить, без ножа зарезать, от жилетки рукава*), пищевой (*ерунда на постном масле, профессор кислых щей, затянуть аллилую с маслом*) и другие компоненты (*рыцарь печального образа, ходячий университет, ума палата, ангел в чертовой рубашке*). Особый интерес подобные фразеологизмы вызывают в связи со своей образностью, противоречащими друг другу понятиями в основе оборотов, способностью выражать что-либо через обозначение невозможной в реальной жизни ситуации. Подобные фразеологизмы могут являться особенностью мировосприятия русского человека, поэтому для наилучшего понимания русской картины мира ФЕ русского языка, выражающие свое значение через образ нереального явления, были сопоставлены со своими аналогами в английском языке. Целью данного анализа не было полное сопоставление компонентного состава фразеологизмов для выявления эквивалентных или безэквивалентных единиц [1, с. 31], поэтому употребляется термин «аналог» [2, с. 106], под которым подразумевается фиксированный в словаре английский фразеологизм, по значению тождественный русскому.

Среди русских ФЕ наиболее фразеологически активными оказались соматизмы *душа, сердце, голова, язык и мозги*, которые участвуют в формировании нереального образа, что, несомненно, связано с особым отношением русского человека к данным частям тела и является отражением национально-культурной специфики [3, 4, 5, 6]. В английских же ФЕ соматизм *душа* – “soul” встречается лишь в оборотах *мертвые души* – “dead souls” и *всеми фибрами души* – “with all one’s being soul”. В остальных английских аналогах встречается либо компонент *сердце* – “heart” (*кошки скребут на душе* – “something is gnawing at X’s heart”, *душа нараспашку* – “X is open-hearted”), либо наблюдается полное отсутствие соматизма (*бумажная душа* – “paper shuffler”, *чернильная душа* – “pettifogger и др). Среди английских ФЕ не были выявлены аналоги таких русских ФЕ с соматизмом *сердце*, как *черствое сердце, сердце радуется, сердце дрожит как овечий хвост, голос сердца, сердце обросло мхом, накопело на сердце* и др. Таким образом, роль эмоционального начала в человеке, средоточия жизненных сил, переживаний и воли в английских ФЕ и в сознании носителей данного языка играет лексема *сердце*, когда как в русских ФЕ и в сознании русского человека все вышеперечисленное воплощает в большей степени в себе лексема *душа*. Также в большинстве английских ФЕ с соматизмами *душа/сердце* – “soul/heart” образ нереального явления встречается

лишь в оборотах “dead souls”, “something is gnawing at X’s heart”, “X is open-hearted”, “X’s heart is heavy”, “X’s heart sank into his boots”.

В английских ФЕ, как и в русских, соматизм *голова* участвует в формировании нереального явления (*мякинная голова* – “bonehead”, *дубовая башка* – “cabbagehead”, *голова варит* – “X has a good head on his shoulders”). Наличие соматизма *голова* – “head” в английских ФЕ также можно наблюдать и в ФЕ, в русском языке которые содержат компонент *мозги* – “brain” (*мозги набекрень/мозги не туда повернуты* – “X’s head is on backward”). Также в большинстве оборотов совпадает способ формирования нереального явления: через представление данных частей человеческого тела как локализации какого-либо действия, как места хранения (“X will knock the nonsense out of Y’s head”, “X has gone out of Y’s head”, “X’s head is splitting”, “X is running through Y’s head”), что говорит о том, что отношение к такой части тела, как голова, совпадает у носителей обоих языков, а также совпадает и образное представление о ней как о месте хранения информации, интеллекта и т.д.

При сопоставлении русских ФЕ с соматизмом *язык* и английских аналогов также наблюдается сходство в восприятии действительности и отражении ее в языках с помощью фразеологизмов, выражающих свое значение через нереальный образ: *язык сломаешь/вывихнешь* – “it is a real tongue twister”, *мозоль на языке* – “X is wagging his tongue”, *острый язык* – “sharp tongue”, *злой язык* – “malicious tongue”, *держат язык на привязи* – “X held his tongue”. В трех оборотах отсутствует как нереальное явление, так и данный соматический компонент: *язык заплетается* – “X is stammering”, *развязать язык* – “X started talking”, *чёрт дёрнул за язык* – “X and his big mouth”, а один ФЕ не содержит компонент *язык*, но в ее основе наблюдается наличие нереального явления: *язык на плече* – “X is dead on his feet” – оба оборота используются при описании большой усталости, перенесенной физической нагрузки, что отразилось в компонентном составе ФЕ, но при помощи абсолютно разных лексем.

Таким образом, в большинстве русских ФЕ участие таких соматических компонентов, как *душа*, *сердце*, *мозги* в формировании нереального образа является особенностью подобных оборотов, а также отражает национально-культурную специфику данных ФЕ. Наличие соматизмов *голова* и *язык* практически совпало как в русских, так и в английских ФЕ. Также в оборотах, содержащих данные компоненты, формирование нереального образа происходит аналогичными способами, что говорит о значимости данных частей тела в жизни человека, а также об образном потенциале данных лексем в обоих языках. Тем не менее, в большинстве английских фразеологических единиц отсутствует как соматический компонент, так и образ нереального явления, что служит свидетельством большей образности именно русских фразеологизмов.

Что касается ФЕ с зоонимами, то названия таких животных, как *курица*, *воробей*, *волк*, *медведь*, чьи образы значимы и символичны в русском языке, практически не встречаются в ФЕ английского языка с аналогичным значением, либо некоторые ФЕ русского языка с данными зоонимами отсутствуют в английском языке: *курам на смех* – “it would make a cat laugh”, *когда курица запоет по-петушиному* – “when the moon turns green cheese”, *с воробьиный нос* – “a little bit”, *волчий билет* – “blacklisted”, *морской волк* – “sea-dog”, *медведь на ухо наступил* – “X has a tin ear”, *убить курицу, несущую золотые яйца*, *воробьиная ночь*, *волчий закон* – нет аналогов во фразеологическом фонде английского языка. Тем не менее, как в русских, так и в английских ФЕ происходит формирование нереального образа в структуре оборотов: 1) через наделение животного психофизиологическими возможностями, свойственными человеку (“it would make a cat laugh”); 2) через уподобление космических объектов продуктам пищи на основании внешнего сходства (“when the moon turns green cheese”); 3) через опредмечивание частей тела (участие соматизма, а не зоонима в аналогичной ФЕ “X has a tin ear”). Фразеологизмы *делит шкуру неубитого медведя* – “X’s are dividing up the bearskin be-

fore the bear is shot” и *волк в овечьей шкуре* – “wolf in sheep’s clothing” как в русском, так и в английском языках имеют одинаковое значение, схожий компонентный состав, наличие нереального образа в структуре ФЕ в связи с их происхождением: первая ФЕ пришла из басни «Медведь и два товарища» французского поэта и баснописца Жана Лафонтена (1621 — 1695), другая – из библейских текстов.

Что касается остальных фразеологизмов, то их можно разделить на три группы при сопоставлении с ФЕ английского языка. Первая группа содержит одинаковые компоненты-зоонимы, участвующие в формировании нереального образа как в русских, так и в английских ФЕ (*беден как церковная мышь* – “as roog as a church mouse”, *ворона в павлиньих перьях* – “jackdaw in peacock’s plumes”, *светский лев* – “society lion” и др.). Во второй группе в структуре английских ФЕ нет компонента-зоонима в отличие от русских ФЕ, но есть нереальный образ (*делать из мухи слона* – “X makes a mountain out of a molehill”). В третьей группе в структуре английских ФЕ отсутствует как компонент-зооним, так и образ нереального явления, в отличие от русских ФЕ (*белые мухи* – “snowflakes”, *кот заплакал* – “practically none”, *чушь собачья* – “absolute bosh”, *канцелярская крыса* – “paper-pusher”, *врет как сивый мерин* – “one lies like a trooper” и др.). В большинстве рассмотренных нами ФЕ английского языка отсутствует компонент-зооним, а также не происходит формирование нереального образа. Важные, с точки зрения русской культуры, образы таких животных, как курица, волк, медведь и воробей, практически не были выявлены в ФЕ английского языка, что лишний раз подчеркивает фразеологическую активность данных лексем, а также их особую символику в русском языке и картине мира русского человека.

Пространство и время, как и тело человека, являются основными категориями познания окружающего мира с древних времен, поэтому сопоставление русских ФЕ с пространственными и временными компонентами с английскими аналогами, что было уже сделано с ФЕ с соматическим компонентом и компонентом-зоонимом, позволило выявить как сходства, так и различия в восприятии мира носителями данных языков.

Так, в русских и английских ФЕ *за тридевять земель* – “in a faraway land”, *в тридевяти царстве, в тридесятом государстве* – “in the kingdom behind nine mountains”, *на седьмом небе* – “in seventh heaven”, *на краю света* – “at the end of the earth”, *рай земной* – “paradise on earth” и др. присутствует пространственный компонент, который участвует в формировании нереального образа. Фразеологизмы в большинстве случаев практически совпадают по компонентному составу и, соответственно, по способу формирования нереального образа, свидетельствуя о том, что освоение мира с помощью пространственных категорий и отражение данного опыта во фразеологии является идентичным у носителей данных языков.

Иначе обстоят дела с английскими ФЕ, являющимися аналогами русских ФЕ с временным компонентом. Так, лишь третья часть русских ФЕ имеет аналог в английском языке (*когда свиньи будут с поля шагом идти* – “when pigs fly”, *когда мерин окобылеет* – “when the moon turns green cheese”, *когда рак на горе свистнет* – “one cold day in the July”, *до морковкина заговенья* – “till the cows come home”, *после дождичка в четверг* – “when hell freezes over”, *при царе Горохе* – “in the olden days”). В английском фразеологическом фонде языка практически не встретились обороты, у которых в русском языке нереальное явление формируется с помощью сочетания религиозных понятий (кроме *после дождичка в четверг* – “when hell freezes over”), противоречащих друг другу, что является свидетельством того, что для русского человека немаловажную роль в познании мира играют и религиозные воззрения. К подобным оборотам относятся фразеологизмы *когда черт крестится, на турецкую Пасху, на русский байрам, на тот год, когда черт умрет, после русалкиного заговенья*. Также не нашли отражение и многие русские ФЕ, в которых нереальность явления репрезентируется через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный или антропо-

морфный код: *когда сорока побелеет, когда петух яйцо снесет, когда курица запоет по-петушиному, когда лысые перекудрявятся, когда плешак покудрявляет* и др.

В группе ФЕ с пищевым компонентом лишь в двух единицах совпадает полностью или частично компонентный состав, а также способ формирования нереального образа: *сливки общества* – “the cream of society”, *молочные реки и кисельные берега* – “a land of milk and honey”. В других фразеологических оборотах отсутствует как доминирующий в русских ФЕ компонент, так и нереальный образ: *профессор кислых щей* – “what a poor excuse for a professor”, *горе луковое* – “lummock”, *ерунда на постном масле* – “a lot of baloney”. Не существует аналогов в английском языке для ФЕ русского языка *затянуть аллилуйю с маслом* и *амбар жиру, казенка мяса*.

Бытовой компонент, к которому относятся названия домашней утвари и одежды, встретился лишь в одной английской ФЕ *буря в стакане воды* – “a storm in a teapot (teacup)” в связи со своим интернациональным характером. В двух ФЕ наблюдается наличие нереального образа, но отсутствует бытовой компонент: *от жилетки рукава* – “a lot of nothing”, *родиться в сорочке* – “X was born under a lucky star”. В остальных английских ФЕ, являющихся аналогами русских оборотов, отсутствует как бытовой компонент, так и нереальная ситуация: *чудеса в решете* – “no less than a miracle”, *без ножа зарезать* – “X put Y in a tight spot”, *в ложке воды утопить* – “X would love to hang Y for the slightest offense” и др.

В группе ФЕ с религиозным компонентом наблюдается совпадение в компонентном составе и способе формирования нереального явления, что объясняется влиянием христианства: *черт принес* – “the devil must have brought X”, *адвокат Божий* – “God's advocate”, *адвокат дьявола* – “devil's advocate”, *ангел во плоти* – “an angel upon earth”, *черта лысого* – “hell, no!”. В таких же ФЕ, как *олух царя небесного* – “birdbrain” и *ангел в чертовой рубашке* наблюдается не только отсутствие компонента и нереального образа в основе оборота, но и аналога в английском языке. Образ олуха в ФЕ *олух царя небесного* связывается с юродивыми, которых часто можно было встретить на Руси и которые, как считалось, пользовались милостью у Бога, что, безусловно, отразилось в структуре и значении фразеологизма, выявляя тем самым его национально-культурную специфику.

Не нашли отражения в английских ФЕ компоненты *палата* (старорусское слово от лат. palatium – дворец) и *кладезь* (церков. устар.): *ума палата* – “X has a lot of brains” (много мозгов), *кладезь премудрости* – “a wealth of knowledge” (богатство знаний), ФЕ *три бабайки в гору* не имеет аналога в английском языке и подобного компонента в связи с его диалектным происхождением (бабайка – диал. весло).

Таким образом, в английских ФЕ зачастую отсутствует либо доминирующий компонент русских ФЕ, но в его основе, тем не менее, наблюдается наличие нереального явления (*курица запоет по-петушиному* – “when the moon turns green cheese”, *делать из мухи слона* – “X makes a mountain out of a molehill”, *от жилетки рукава* – “a lot of nothing” и др.), либо отсутствует как компонент, так и нереальный образ (*профессор кислых щей* – “what a poor excuse for a professor”, *горе луковое* – “lummock”, *ерунда на постном масле* – “a lot of baloney”, *рубаха-парень* – “regular guy” и др.). Также встречаются русские ФЕ, не имеющие аналога в английском языке, что связано с их происхождением и особенностью компонентного состава (*затянуть аллилуйю с маслом, амбар жиру, казенка мяса, олух царя небесного, три бабайки в гору*). Идентичным у носителей обоих языков оказалось освоение мира с помощью пространственных категорий, что отразилось во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальный образ, в формировании которого участвует пространственный компонент (*на седьмом небе* – “in seventh heaven”, *на краю света* – “at the end of the earth”, *рай земной* – “paradise on earth”, *витать в эмпиреях* – “X has his head in the clouds” и др. Также совпали лишь некоторые фразеологические единицы, но уже в связи со своим интернациональным

характером: пришли из литературы (*рыцарь печального образа* – “the knight of the rueful countenance”, *мертвые души* – “dead souls”), являются крылатыми изречениями (*буря в стакане воды* – “a storm in a teapot (teacup)”), связаны с влиянием христианства (*адвокат Божий* – “God's advocate”, *адвокат дьявола* – “devil's advocate”), а также с влиянием древнеримской мифологии на культуру многих народов (*фортуна улыбнулась* – “fortune smiles on X”).

Библиографический список

1. Гурьянов И.О., Арсентьева Е.Ф. Способы перевода фразеологических единиц книжного стиля русского, английского и немецкого языков // Филология и культура. Philology and Culture. Казань: Изд-во КГУ, 2014. №1(35). С. 31-35.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во КГУ, 1989. 126 с.
3. Петрова Л.И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии // Вестник ПГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Псков: ПсковГУ, 2007. №1. С. 133–144.
4. Старых О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 80–85.
5. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
6. Кравченко О.Н. Соматизм "сердце" в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) / О.Н. Кравченко, И.М. Субботина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. №20 (191), вып. 23. С. 74-78.

References

1. Guryanov I.O., Arsentieva E.F. Ways of translation of phraseological units of book style in Russian, English and German languages // Philology and Culture. Kazan State University. 2014. № 1 (35). P. 31-35
2. Arsentieva E.F. Comparative analysis of phraseological units. Kazan State University, 1989. 126 p.
3. Petrova L.I. The human body and emotions in the context of cultural linguistics // The Bulletin of PSU. Series: Social and human sciences. Pskov State University, 2007. №1. P. 133-144.
4. Starykh O.V. Somatisms as a special class of words in the lexical system of the Church Slavonic language // The Bulletin of Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 3: Philology. 2011. Issue. 2 (24). P. 80-85.
5. Shmelev A.D. Russian language model of the world: Materials to the dictionary. Moscow, 2002. 224 p.
6. Kravchenko O.N. Somatism "heart" as a part of phraseological units from the position of anthropocentric approach (on the material of English and Russian languages) / O.N. Kravchenko, I.M. Subbotina // Scientific Bulletins of BelSU. Ser. Liberal arts. 2014. № 20 (191), issue 23. P. 74-78.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 811.112.2

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Безверхая И.В.
Украина, г. Луганск, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic
philology
Lecturer Bezverkhaya I.V.
Ukraine, Lugansk, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка 3 курса
кафедры романо-германской филологии
Мангасарян А.А.
Украина, г. Луганск, +38(066)832-30-10
e-mail: mangasaryan.alena@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic
philology
The 3d-year student
Mangasaryan A.A.
Ukraine, Luhansk, +38(066)832-30-10
e-mail: mangasaryan.alena@mail.ru*

И.В. Безверхая, А.А. Мангасарян

КОНЦЕПТ «LIEBE» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Э.М. РЕМАРКА «ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА»

В данной статье раскрывается сущность понятия «концепт». Анализируются особенности его использования в немецких произведениях. Статья посвящена анализу лингвокультурного концепта «Liebe» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка». Концепт понимается как единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Актуальность данной статьи заключается в том, что понятие «концепт» исследуется как учёными зарубежной лингвистики, так и российской. Также стоит отметить, что с каждым исследованием в различных областях науки, термин меняется и получает разные интерпретации, что и является поводом новых исследований. В произведении Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» ярко представлен концепт «Liebe». Практическая ценность заключается в том, что собранный в ходе исследования фактический материал, а также полученные наблюдения и выводы могут найти широкое применение в практике преподавания немецкого языка в вузах гуманитарного профиля. Целью данной статьи является описание основных подходов к изучению концептов в трудах ученых, а также исследование концепта «Liebe» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка».

Любой язык по-своему концептуализирует окружающий мир. И каждый носитель своего языка, а значит и своей культуры, видит мир по-особенному, у него строится своя картинка мира, на основе которой, он и образует свою речь. Данная проблема является одной из актуальных в современном мире, и множество ученых, в том числе и лингвисты, и филологи современности, изучают её. Такие выдающиеся учёные, как Ю.С. Степанов, С.А. Аскольдов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачëв, Д.С. Лихачëв, исследовали понятие «концепт».

Ключевые слова: концепт, понятие, условная ментальная единица, лингвокультурный концепт, сознание.

I.V. Bezverkhaya, A.A. Mangasaryan

THE CONCEPT OF «LIEBE» IN THE WORK OF E.M. REMARQUE «ARCH OF TRIUMPH»

This article reveals the essence of the definition «concept». The features of its use in German literature are analyzed. The article is devoted to the analysis of cultural linguistic concept «Liebe» in the novel by E.M. Remarque «Arc de Triomphe» («The Triumphal Arch»). The concept is understood as a unit of collective consciousness which has a linguistic expression and is marked by ethnical and cultural specificity.

The relevance of this work lies in the fact that the notion of «concept» is studied by foreign scientists as much as Russian ones. It should also be noted that with each study in different fields of science, the term changes and receives different interpretations, which is the reason for new research. In the work of E.M. Remarque «Arc de Triomphe» vividly presented the concept of «Liebe». The practical value lies in the fact that the factual material collected in the course of the study, as well as the observations and conclusions obtained can be widely used in the practice of teaching the German language in universities of Humanities. The purpose of this article is to describe the main approaches to the study of concepts in the writings of scientists, as well as the study of the concept of «Liebe» in the novel of E.M. Remarque «Arc de Triomphe» («The Triumphal Arch»).

Any language conceptualizes the world in its own way. And every native speaker, and therefore culture bearer, sees the world in a special way, building his picture of the world and forming his speech on the basis of this picture. This problem is one of the most urgent in the modern world, and many scientists, including linguists and philologists of our time study it. Such outstanding scientists as Y.S. Stepanov, S.A. Askoldov, V.I. Karasik, S.G. Vorkachev, D.S. Likhachev studied the notion of «concept».

Key words: concept, definition, conditional mental unit, cultural linguistic concept, consciousness.

Ремарк является одним из выдающихся писателей 20 века. Многие задаются вопросом, почему романы Эриха Марии Ремарка вдруг стали такими популярными и известными во всем мире? Возможно именно потому, что его писательское понимание было чувствительным и не похожим на других писателей того времени. Автор стал известным, прежде всего, благодаря гармоничности и в тоже время противоречивости произведений о войне и любви. Жизнь ремарковских героев иногда кажется бесполезной и бесцельной, но именно в этом и заключается суть творений писателя. Ремарк не желает донимать читателей поучениями и осознанием любого слова и поступка, напротив он хочет представить жизнь, такой, какая она есть, и чтобы люди любили друг друга такими, какие они есть, несмотря ни на что.

Человек – это объект исследования различных наук о языке, таких как: психолингвистика, ведущими учеными данной науки были Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев; этнолингвистика (В.В. Красных); когнитивная лингвистика (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачѐв).

Можно сказать, что в наше время термин «концепт» применяется не только в области языковой лингвистики, но и в других науках. Именно поэтому данный термин имеет неоднозначное понимание. По-другому этот термин, не на научном языке называют «понятие».

Термин «концепт» является иноязычным, которому синонимичен русский термин «понятие». Слово «концепт» – это заимствование с латинского языка, от слова *conceptus* – «понятие». Термин «понятие» же произошел от древнерусского глагола *пояти*, что означает «схватить, взять в собственность» [5, с. 271].

Термин «концепт» является одним из популярных и широко используемых в разных сферах лингвистики (когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии).

Один из первых лингвистов, который исследовал понятие «концепт», был С.А. Аскольдов. Функцию заместительства С.А. Аскольдов считал одной из важнейших функций концепта как средства познания. Также ученый говорил, что концепт как «мысленное образование» в сознании человека – это некий «представитель» числа похожих объектов и событий [1, с. 269].

Одно из ясных и четких определений понятия «концепт» дал известный русский филолог, профессор Ю.С. Степанов. По его мнению, концепт – это часть культуры в человеческом сознании, т.е. то, как культура отражается в ментальном мире обычного человека. Но также есть и другая сторона: концепт – это то, с помощью чего обычный, простой человек, не «создатель культурной значимости» – может повлиять на культуру и на её развитие [5, с. 271].

Филологи В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин определяют концепт как единственную многоплановую единицу, в которой доминирует ценностный элемент [2, с. 77]. Они считают, что центр концепта – это самое значимое или же ценностное представление индивида о чем-либо в его сознании, а затем уже это представление постепенно наполняется различными ассоциациями.

Другие ученые-лингвисты, такие, как З.Д. Попова и И.А. Стернин, дают определение концепту как комплексной ментальной единице. В мышлении идет процесс актуализации характеристик концепта, его признаков, даже тех, которые не связаны с языковым выражением [3, с. 314].

Наиболее ярко в составе концепта «Liebe» выражены такие компоненты, как «Zusammengehören»; «Glück»; «Wunder» und «Leid», «Schmerz». Подтверждая это, мы приводим цитаты из романа Э.М. Ремарка «Триумфальная арка».

Любовь – это единение («Zusammengehören»). На наш взгляд, компонент «Zusammengehören» играет большую роль для концепта «Liebe». Этот компонент является основным для данного концепта. Для людей, которые любят друг друга, главное – это единение двух составляющих, физического и духовного начала. В произведении Э.М. Ремарка хорошо показаны единство и в тоже время разъединенность главных героев. Они проводят время вместе, не расстаются надолго, но, тем не менее, не замечают, что потихоньку привязываются друг к другу и становятся единым целым. Доказательством этому могут послужить следующие цитаты: «Любовь – это когда люди принадлежат друг другу навсегда» [4, с. 437]. («Liebe ist Zusammengehören für immer») [6, с. 420].

«Любить – это когда хочешь с кем-то состариться» [4, с. 355]. («Lieben – das ist jemand, mit dem man alt werden will») [6, с. 321]. И несмотря на то, что у них часто не совпадают взгляды, здесь и Равик и Жоан мыслят одинаково: любовь заключается в единстве двух влюбленных сердец. Равик говорил: «Разве может быть любовь совершенной, если каждую ночь, едва уснув, я теряю тебя?» [4, с. 498] («Wie kann Liebe vollkommen sein, wenn ich dich jede Nacht schon an den Schlaf verliere?») [6, с. 479].

Любовь – это счастье («Glück»). Одно из первых чувств, испытываемых человеком, когда он влюбляется – это чувство безумного счастья. Поэтому совершенно ясно, что концепт «Liebe» не может обойтись без этого важного компонента. К примеру, для смертельно больной девушки Кэт единственным большим счастьем в жизни была любовь, другого счастья она, к сожалению, не познала. Это заметил и Равик: «Равик смотрел на узкое взволнованное лицо женщины, знавшей лишь самую зыбкую разновидность счастья – любовь» [4, с. 225]. («Ravic sah in das bewegte, schmale Gesicht vor

ihm, das nur eine Deutung für Glück kannte, die schwankende von allen: Liebe, und keine von den anderen») [6, с. 217]. В ходе одного из диалогов с Равиком Жоан пыталась доказать то, что он заблуждается, считая, что любить можно только одного человека. Но потом признается, что такие всё-таки существуют: «Откуда ты взял, что любить можно только одного человека? Правда, есть однолюбы, и они счастливы» [4, с. 731]. («Du weißt, dass es nicht wahr ist, dass man nur einen Menschen lieben kann. Es gibt Menschen, die können nur das. Sie sind glücklich») [6, с. 694].

Любовь – это чудо («Wunder»). Этот компонент также имеет место в составе концепта «Liebe». Люди всегда воспринимали любовь как нечто божественное, необыкновенное, не связанное с земным миром. Любовь меняет полностью твою жизнь, это и называется чудом. Обращаясь к произведению «Триумфальная арка», мы можем из воспоминаний Равика понять, что любовь – это чудо. Ему это сказал его адвокат Аренсен в 1933: «Если ты любишь и не веришь при этом в чудеса, ты потерянный человек» [4, с. 677]. («Wer in der Liebe nicht an Wunder glaubt, ist verloren») [6, с. 643].

Любовь – это боль, а также страдание («Leid», «Schmerz»). Боль и страдание являются первыми негативными компонентами концепта «Liebe». К несчастью, зачастую любовь связана со страданием и болью, и сложно представить их отдельно друг от друга. Они часто появляются тогда, когда любви наступает конец, либо же появляются с самого начала. И на это существует множество причин. И у Равика и Жоан были непростые отношения, наполненные вечными метаниями Равика – простить или не простить Жоан после измены, и незнанием Жоан, кого выбрать – его или другого любовника. Они поняли, что любовь не всегда приносит счастье. Раньше они о таком не думали, а жили каждым днем, каждой минутой и каждой секундой, проведенной вместе. Все страдания, пережитые героями, можно понять из одной реплики Равика: «Иногда и любовь не в радость, не правда ли?» [4, с. 873] («Liebe ist nicht sehr fröhlich manchmal, wie?») [6, с. 824].

Любовь – это ревность («Eifersucht»). Сложно представить концепт «любовь» без этого компонента. Нередко бывает так, что эти два чувства связаны между собой. Многие считают, что нет любви без ревности. Человек склонен к таким чувствам, как обладание возлюбленным, желание быть всегда рядом с ним. Именно по этой причине он ревнует, когда кто-то чужой претендует на его любовь. Ревность может и поддерживать чувства влюбленных, и, наоборот, разрушать их. Равик тоже ревновал Жоан к ее любовнику, хотя и не хотел этого признавать: «Уж не ревную ли я? Ревную к случайному человеку, за которого она уцепилась? Ревную к чему-то, до чего мне нет дела? Можно ревновать к самой любви, отвернувшейся от тебя, но не к ее предмету» [11, с. 776]. («Bin ich eifersüchtig? Eifersüchtig auf das zufällige Objekt, an dem sie sich festgehakt hat? Eifersüchtig auf etwas, das mich nichts angeht? Man kann eifersüchtig sein auf eine Liebe, die sich abgewendet hat – aber nicht auf das, wohin sie sich gewendet hat») [15, с. 736]. Он все чаще и чаще думал о ревности, не знал, как от нее избавиться, как забыть ту, которая не будет с тобой никогда. Об этом знали и он, и она. Но всё же он не мог о ней не думать, как бы не пытался: «Ревность? Разве он не испытывал её? Разве не испытал все несовершенство любви, не изведал застарелую боль, знакомую всем людям? Ревность? Не начинается ли она со знания того, что один из любящих должен умереть раньше другого?» [11, с. 928]. («Eifersucht. Er wusste nichts davon? Aber wusste er nicht etwas von der Unvollkommenheit der Liebe? War das nicht älterer Schmerz, unstillbarer als das bisschen persönliche Elend: Eifersucht? Begann es nicht schon damit, dass man wusste, dass einer zuerst sterben wurde») [15, с. 873].

Таким образом, в ходе исследования были рассмотрены разные толкования понятия «концепт», которые были выделены отечественными и зарубежными учеными. Они выделили не только различные подходы по отношению к классификации концептов, но и критерии их классификации. Считается, что данная проблема является актуальной и в наше время. Концепт и понятие являются в определенном смысле синонимичными понятиями, но не полными синонимами, так как концепт имеет более широкое значение, чем понятие. В процессе работы над текстом были выделены такие компоненты концепта «Liebe»: «Zusammengehören»; «Glück»; «Wunder»; «Leid», «Schmerz»; «Eifersucht».

Библиографический список

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов, В.П. Нерознак // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. Воронеж: Изд. ВГУ, 2001. С. 75–80.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Восток – Запад, 2007. 314 с.
4. Ремарк Э.М. Триумфальная арка / Э.М. Ремарк. М.: Правда, 1982. 1138 с.
5. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
6. Remarque, E.M. Arc de Triomphe / E.M. Remarque. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 105 p

References

1. Askoldov S.A. Concept and the word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology. Moscow, 1997. P. 267–279.
2. Karasik V.I. Cultural linguistic concept as a unit of study // Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh State University, 2001. P. 75–80.
3. Popova Z.D. Cognitive linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Moscow, 2007. 314 p.
4. Remarque, E.M. Triumphal Arch. Moscow, 1982. 1138 p.
5. Stepanov Y.S. Basics of general linguistics. Moscow, 1975. 271 p.
6. Remarque, E.M. Triumphal Arch. Cologne, 1998. 105 p.

УДК 81'11

*Армавирская государственная
педагогическая академия
аспирант кафедры иностранных языков и
методики преподавания
Макеева М.А.
Россия, г. Армавир, +7(938)5276805
e-mail: mahulka196@mail.ru*

*Armavir State Pedagogical Academy
The chair of foreign languages
and methods of teaching
Makeeva M.A.
Russia, Armavir, +7(938)5276805
e-mail: mahulka196@mail.ru*

М.А. Макеева

ФРЕЙМ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В КОНЦЕПТЕ «ЭКОЛОГИЯ»

В настоящей статье рассматриваются особенности структурирования знаний в экологическом концепте на примере фреймов-сценариев. Статья содержит в себе информацию о понятии концепта, его содержании, а также возможных способах организации знаний внутри концепта: образные схемы, сценарии, скрипты, таксономии, фреймы. Фрейм представляется наиболее подходящим способом представления обыденного знания в концепте. Разновидности данной модели были представлены в статье: зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимание слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы). Освещая стандартную последовательность событий, обусловленную определенной ситуацией, сценарий является динамичным представлением знаний внутри концепта. Многообразие элементов, образующих структуру концепта «экология», можно представить в виде сценариев, образованных посредством включения в них типичных для фрейма слотов: агент, намерение, последствие, инструмент. Каждый слот не является однозначным и может быть рассмотрен в виде последующих схем или классификаций, однако представляется наиболее общим для фрейма. В статье приведены примеры таких экологических сценариев, как «круговорот воды в природе», «глобальное потепление», «загрязнение пресных вод» и «наводнение». Многие из сценариев способны породить новые фреймы-сценарии одной тематики, связанные с уже существующими через слоты. Наиболее типичной для экологического концепта представляется причинно-следственная связь, например, для описания сценария экологической катастрофы, где причиной является сама катастрофа, а следствием – устранение нанесенного ею ущерба. Таким образом, упорядочивание знаний внутри экологического концепта представляется возможным с помощью отдельных или связанных между собой фреймов-сценариев.

Ключевые слова: экологический концепт, фрейм, сценарий, слот.

M.A. Makeeva

FRAME AS A MEANS OF KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE CONCEPT «ECOLOGY»

The following article is dedicated to the peculiarities of knowledge representation in the ecological concept by frame-script examples. The article contains the information on the notion of the concept, its content and possible ways of structuring knowledge within a concept: figurative schemes, scripts, taxonomies, frames. Frame is considered to be most appropriate way of structuring knowledge within a concept. Types of the frame model are presented in the article: visual images (virtual images frames), word understanding (semantic frames), discourse or action (frame-scripts), narration (frame-stories). As means of depicting the sequence of actions in a definite situation frame-scripts give the dynamic representation of knowledge within a concept. The variety of elements of the ecological concept structure may be represented by introducing slots typical for frames: agent, intention, consequences, tool. Each slot is not single-valued and may be further regarded as a consequent scheme or classification, being at the same time the most common for the frame. The examples of the following scripts are given in the article: «water cycle in nature», «global warming», «fresh water pollution», «flood». Many scripts are capable of giving birth to other scripts of the same subject through the interconnection with the other slots. The most typical connection within the ecological concept is cause-effect connection, for example, in the

script of any ecological catastrophe the cause is the catastrophe itself, meanwhile the effect is elimination of the caused damage. In this way structuring of knowledge within the ecological concept can be implemented by single or interconnected frames.

Key words: ecological concept, frame, script, slot.

Поступление информации к человеку об окружающем его мире происходит двумя путями: через мир концептов и мир предметов и вещей. Однако мир концептов предоставляет для человека больше возможностей для удовлетворения его потребностей, чем мир вещей. Среди таких потребностей можно выделить интеллектуальные, духовные и социальные, которые впоследствии определяют успех человека в социуме.

Концепт является мыслительной единицей, типом ментальной репрезентации. Е.С. Кубрякова определила концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [1; с. 90]. Таким образом, становится очевидным, что единого подхода к определению концепта не существует, а существующие подходы тесно взаимосвязаны друг с другом.

Вследствие обширной области концепта, наиболее сложным представляется структурирование знаний внутри этого концепта. Настоящая область представляется открытой для исследования, однако на сегодняшний день существует несколько моделей представления знаний: образные схемы, сценарии, скрипты, таксономии и другие [2; с. 18].

Наиболее полным представляется изучение фрейма в качестве модели структурирования знаний внутри концепта. Во второй половине XX века Ч. Филлмор представляет теорию, актуальную и в настоящее время, в которой под фреймом понимает «когнитивную структуру, знание которой предполагается (ассоциировано с) концептом, представленным тем или иным словом» [3; с. 33]. Данная теория получила название фреймовой семантики, которая и сегодня является методом, позволяющим исследовать взаимодействие языковых значений и структур знания. Фрейм есть модель «обыденного знания об основных концептах, когнитивный контекст, активизируемый лексической единицей, передающей тот или иной концепт» [2; с. 19].

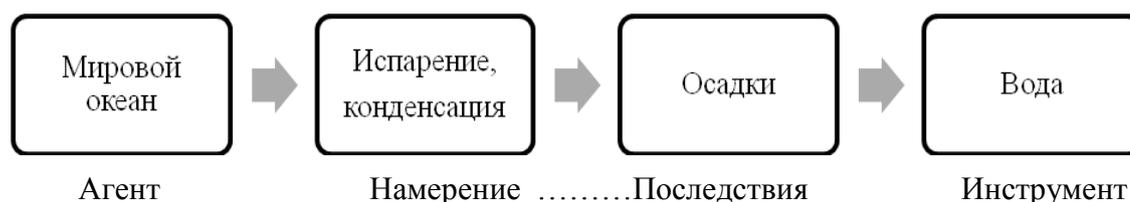
Впервые термин «фрейм» был предложен М. Минским в 1979 году. С помощью фреймовой модели ученый пытался структурировать знания для «восприятия пространственных сцен» [4; с. 62]. Фрейм основан на вероятностных знаниях о типичных ситуациях и ожидаемой реакции на эти ситуации. В структуре фрейма можно выделить вершину (тему) и слоты (терминалы), заполняемые пропозициями. Информация, содержащаяся в фрейме является наиболее существенной, типической и потенциально возможной для определенного концепта. Выделить характерную или типичную информацию для каждого социума помогает набор этно- и социокультурных особенностей, свойственных для какого-либо социума или общества [4; с. 63].

Многообразие фреймов обуславливается моментами стереотипной ситуации, которые принадлежат одному классу: «зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимание слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы)» [5; с. 3].

Достаточно тесно представляется взаимодействие таких когнитивных категорий, как фрейм и сценарий. Сценарий располагает стандартной последовательностью событий, обусловленной определенной ситуацией. Среди основных характеристик сценария можно выделить привязанность к ситуации и приверженность особенностям той или иной культуры. М. Минский отмечает присущую фрейму статичность, в то время как сценарий обладает динамичностью [6; с. 23].

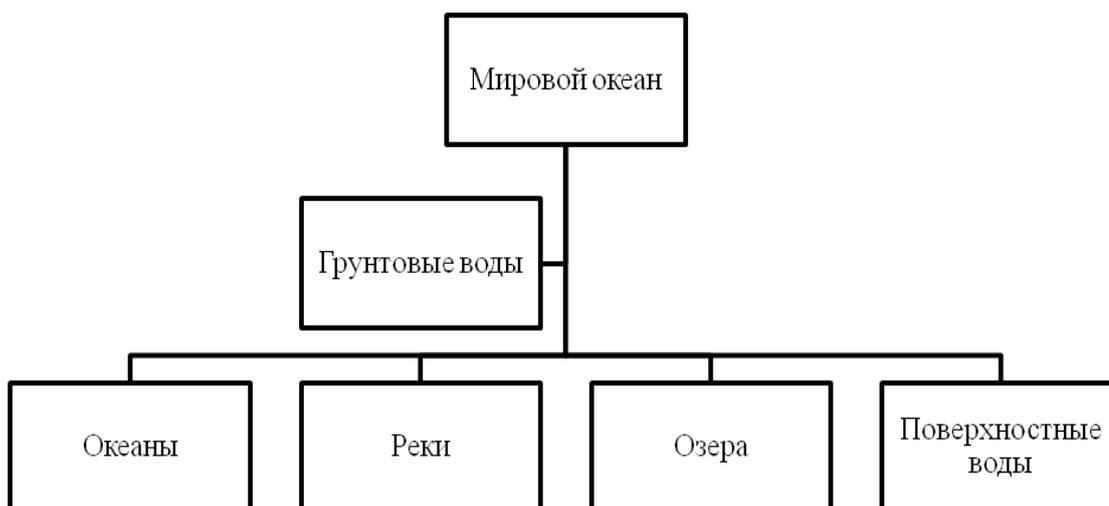
Для того чтобы понять и описать ситуацию, необходимо наличие нескольких сценариев, так как каждый из фреймов-сценариев предлагает различную точку зрения на определенную ситуацию. Некоторые ученые предлагают выделить ряд вопросов, ответ на которые необходим для представления ситуации: кто является исполнителем действия/агентом? какова цель действия (намерение)? каковы последствия? каким образом оно осуществлено (что является инструментом?) [7; с. 162].

Интересным является тот факт, что фреймы стали использоваться учеными для структурирования знаний внутри экологического концепта задолго до их появления в науке. Это обуславливается тем, что фреймы являются удобным способом упорядочивания имеющихся знаний, на основе которого впоследствии легко воспринимать структурированную информацию. Наиболее наглядным примером может послужить круговорот в природе:

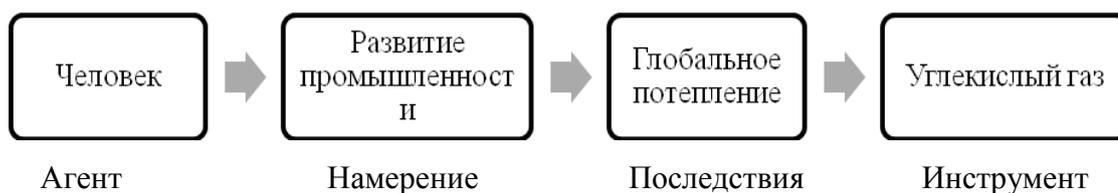
Фрейм-сценарий 1
Тема: Круговорот воды в природе

Безусловно, являясь лишь схематичным представлением знаний, слоты фрейма содержат в себе обобщающую информацию, которую можно впоследствии расширить:

Слот 1(Агент)

Количество возможных ситуаций в рамках экологического концепта невозможно определить точно вследствие постоянного изменения экологической ситуации в мире. Однако можно выделить наиболее типичные ситуации, представив их в качестве фреймов-сценариев:

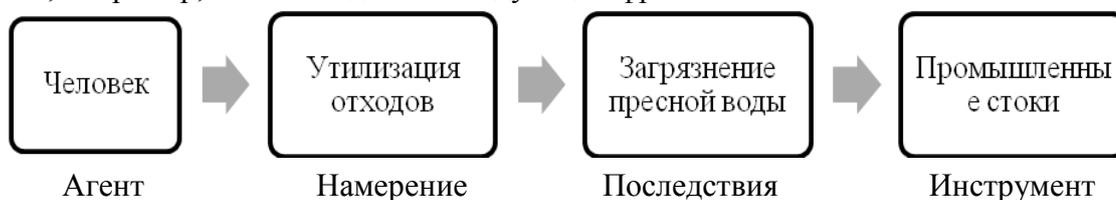

Фрейм-сценарий 2
Тема: Глобальное потепление

Так, в фрейме-сценарии «Глобальное потепление» агентом выступает человечество, намерением которого является использование ископаемых, содержащих в себе потенциал для последующей выработки топлива. Посредством использования настоящих ископаемых происходит увеличение концентрации углекислого газа в атмосфере, что, в свою очередь, влечет за собой такое явление, как глобальное потепление. Настоящий сценарий характерен для экологической ситуации во всем мире.

Антропологическое влияние на мировую экологию обуславливает тот факт, что в слоте «Агент» зачастую содержанием будет выступать «человек».

Так, например, можно выделить следующий фрейм:

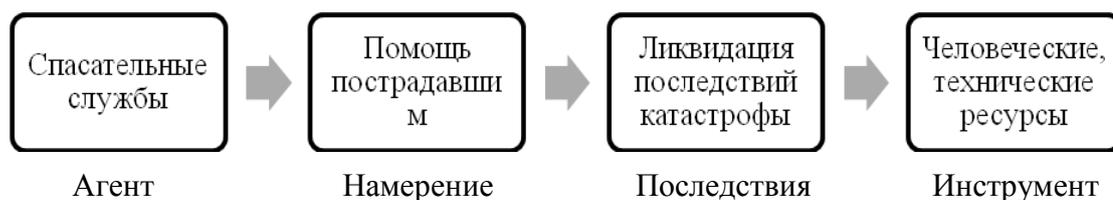
Фрейм-сценарий 3
Тема: Загрязнение пресных вод

Интересен тот факт, что во многих экологических фреймах, в которых агентом выступает не человек, а сама природа, слот «Намерение» оказывается лишним. Чаще всего такие сценарии взаимосвязаны, один фрейм создает другой, является его продолжением. Примером такого фрейма-сценария может послужить экологическая катастрофа:

Фрейм-сценарий 4
Тема: Наводнение

Настоящий фрейм обуславливает появление другого фрейма-сценария:

Фрейм-сценарий 5
Тема: Наводнение

Таким образом, между фреймами 4 и 5 существует причинно-следственная связь, являющаяся типичной при описании любой экологической катастрофы. Обусловленность появления одного фрейма посредством другого подтверждает тесную взаимосвязь внутри фреймов одного концепта. Являясь главной единицей представления знаний, фрейм содержит описание некоторой сущности с помощью слотов, обозначающих свойства этой сущности. Свойства не являются постоянными, они могут наследоваться, пополняться и уточняться при описании уже имеющихся слотов. Благодаря фреймам можно описать реальные предметы и явления, ситуации, происходящие в реальном мире.

В силу обширности понятия «экология», в структуре экологического концепта обнаруживается многообразие фреймов, точный подсчет которых не представляется возможным. Однако благодаря фреймам можно наглядно представить и структурировать знания внутри экологического концепта.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. 245 с.
2. Виноградова Е.А. Репрезентация концепта «Failure» фразеологическими единицами современного английского языка. Белгород, 2015. 295 с.
3. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25-35.
4. Макаров М. Основы теории дискурса. 2003 URL: <https://studfiles.net/preview/5458438/page:62/> (дата обращения – 15.03.2018).
5. Волосухина, Н.В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 41-46.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
7. Полтавская О.С. Фрейм-сценарий как тип концептов. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/freym-stsenariy-kak-tip-kontseptov> (дата обращения – 15.03.2018).

References

1. Kubryakova, E.S. A short dictionary of cognitive terms/ E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Y.G. Pankrac, P.G. Luzina; under the general editorship of E.S. Kubryakova. Moscow State University, 1996. 245 p.
2. Vinogradova E.A. Representation of the concept «Failure» by phraseological units of contemporary English. Belgorod, 2015. 295 p.
3. Boldyrev, N.N. The concept and the word meaning. Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh, 2001. P. 25-35.
4. Makarov M. The basics of the discourse theory. 2003 URL: <https://studfiles.net/preview/5458438/page:62/> (date of application – 15.03.2018).
5. Volosuhina, N.V. To the question of «concept» and «frame» interpretation in the modern linguistics: the materials of scientific and methodical readings of PSLU. Pyatigorsk, 2010. P. 41-46.
6. Minsky M. Frames for knowledge representation. Moscow, 1979. 151 p.
7. Poltavskaya O.S. Frame-scripts as a type of concepts. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/freym-stsenariy-kak-tip-kontseptov> (date of application – 15.03.2018).

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
магистрант факультета журналистики
Губина С.А.
Россия, г. Белгород, +7-915-567-50-00
e-mail: gubina-sa@yandex.ru*

*Belgorod National Research University
The department of Journalism
Master student
Gubina S.A.
Russia, Belgorod, +7-915-567-50-00
e-mail: gubina-sa@yandex.ru*

С.А. Губина

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ:
ОПЫТ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (2016 – 2017)**

В статье рассматривается влияние региональных печатных СМИ на развитие межкультурного диалога города Белгорода, начиная с 60-х годов XX в., когда были установлены побратимские отношения Белгорода с польским городом Ополе. Приведена история развития межкультурного диалога Белгорода с другими городами-побратимами в Европе в контексте межкультурного диалога. Параллельно с ретроспективой развития отношений даны примеры публикаций в печатных средствах массовой информации Белгородской области. Межкультурный диалог городов-побратимов проанализирован во времени на фоне социально-экономических изменений с точки зрения его отражения в региональных газетах. Актуальность проблематики статьи заключена в вопросе о роли региональных печатных средств массовой информации в современный период усложнения международной обстановки. В исследовании рассмотрены конкретные примеры и материалы, опубликованные в 2016-2017 гг. Статья опирается также на опрос редакторов печатных СМИ Белгородской области о развитии и проблемах межкультурного диалога Белгорода. В статье делаются выводы о новых задачах печатных средств массовой информации как проводников и катализаторов межкультурного диалога и о первостепенной роли печатных средств массовой информации региона в сохранении межкультурного диалога в период осложнённой международной обстановки. По итогам исследования даны рекомендации о необходимости специализированной подготовки журналистов – специалистов по межкультурной коммуникации, а также компетентных практиков межкультурной коммуникации на других должностях, ответственных за развитие межкультурного диалога на региональном уровне.

Ключевые слова: межкультурный диалог, межкультурная коммуникация, города-побратимы, региональные СМИ, печатные СМИ.

S.A. Gubina

THE ROLE OF REGIONAL PRINT MEDIA IN THE INTERCULTURAL DIALOGUE: THE EXPERIENCE OF THE BELGOROD REGION (2016 – 2017)

The article is devoted to the influence of the printed media on the development of the intercultural dialogue of Belgorod, when the relationships between Belgorod and Opole in Poland were established. The history of intercultural dialogue with other European twin cities of Belgorod in the context of cross-cultural dialogue is given. Along with the retrospective of the development of relationships, the examples of publications in printed media of Belgorod region are given. Cross-cultural dialogue between the two cities is analyzed in time against the background of social and economic changes in terms of its reflection in the regional newspapers. The relevance of the article lies in the question of the role of regional print media in the modern period of complication of the international situation. The examples and materials released in 2016-2017 are analyzed in the research. The article is based on the interviews with the editors of the regional printed media about the development and problems of the cross-cultural dialogue. The conclusions about the new challenges for the regional print media as guides and catalyzers of cross-cultural dialogue and the most important role of the print media to preserve the intercultural dialogue at the period of the complicated international situation are made in the article. Recommendations on the need for specialized training of journalists – specialists in intercultural communication, as well as competent practitioners of intercultural communication in other positions responsible for the development of intercultural dialogue at the regional level are made in the article.

Key words: cross-cultural dialogue, cross-cultural communication, twin cities, regional media, printed media.

В условиях внешнеполитических осложнений для России возрастает роль средств массовой информации как проводников межкультурного диалога. С позиции сохранения диалога интересно рассмотреть именно региональные СМИ, которые, находясь в общем русле федеральной информационной повестки, всё же находят возможности и форматы для продолжения сложившегося межкультурного диалога.

Межкультурный диалог совершается ежедневно и ежечасно и представляет собой непрерывный процесс. Мы, как правило, не осознаём этого, а замечаем лишь тогда, когда сами становимся непосредственными участниками диалога или когда о нём говорят ведущие новостных программ телевидения и радио, обозреватели печатных и интернет-изданий.

СМИ играют важнейшую роль в межкультурном диалоге начала XXI века. В эпоху ускоряющегося информационного обмена и меняющихся внешнеполитических условий на первый план выходит медийная среда, в которой осуществляется и развивается диалог, поскольку о стране и её культуре зачастую судят по тому, какой медиаобраз складывается в СМИ. Медиакратия – не только политологический образ, подчёркивает К. Косачёв, председатель Комитета Совета Федерации по международным делам. Влияние некоторых медиаконцернов и газет гораздо больше влияния отдельных государств. Они задают интерес к стране (или напрочь стирают ее из актуального контекста), формируют (или обрушают) имидж [1].

Масс-медиа формируют картину мира современного человека – его ценности, концепты и стереотипы, поэтому в контексте их деятельности диалог культур предстаёт как процесс «взаимо-воздействия» различных картин мира, воплощённых в текстах СМИ [2].

Диалог культур происходит на разных уровнях. На федеральном – это взаимодействие на уровне дипломатических представительств, межгосударственных контактов, на региональном и местном – образовательный, культурный обмен, туризм, совместные мероприятия, народная дипломатия. Возможно и перекрещивание уровней взаимодей-

ствия – поскольку межкультурный диалог постоянно углубляется и приобретает новые формы. Всё это отражено в печатных СМИ, хранящих свидетельства дружбы города и его жителей с представителями других культур. Наглядно мы это можем увидеть на примере Белгорода.

С 1968 г. Белгород открыл для себя эпоху побратимских отношений, когда состоялись первые обмены делегациями с польским городом Ополе. В 70-80-е годы XX века областная газета «Белгородская правда» сообщала обо всех официальных событиях, и, следовательно, о том, как сама сотрудничала в разных форматах с коллективом газеты «Трибуна Опольска»: *«День ото дня крепнет дружба между Белгородом и польским городом-побратимом Ополе»*. (1970); *«30 лет исполнилось Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ПНР. Белгородцам особенно дорога эта дата, ведь «узлы братства» давно и прочно связывают наш край с польским городом Ополе. По сему случаю «Трибуна Опольска» гостит на страницах «Белгородской правды». Вот заголовки статей, которые написали для белгородских читателей журналисты из братской республики: «Первые польские контакты Ульяновых», «То, что больше всего сближает», «Строили вместе», «Благодаря советским друзьям», «Трудовой ритм Ополе»* (1975); *«Редакция «Белгородской правды» и наши коллеги из Ополе, коллектив газеты «Трибуна Опольска», организовали шахматный турнир по переписке между любителями обоих городов»* (1984); *«Частые гости Белгородчины – друзья из польского города-побратима Ополе. Вот и на этот раз делегация, возглавляемая первым секретарем воеводского комитета ПОРП Э. Мрузом, побывала на Белгородском комбинате асбестоцементных изделий, заводе лимонной кислоты и заводе по переработке пищевых отходов»* (1985).

В конце 80-90-е «Белгородская правда» продолжила освещать будни польского города-побратима, но уже в русле экономических перемен в нашем государстве. Выдержки из газеты «Трибуна Опольска» теперь касались практики развития предпринимательства: *«Актуальны для кооперативов Белгорода польские методы решения проблем начинающих предпринимателей»* (1989).

Со времени своего появления в 1990 г. газета «Наш Белгород» становится основным рупором побратимских отношений. Конечно, не с первых дней – в самом начале 1990-х важных вопросов в самом городе хватало, – но постепенно газета начинает освещать как официальную хронику визитов, так и рассказывать о совместных культурных и спортивных мероприятиях, даёт зарисовки из жизни Ополе и нового побратима – немецкого Херне. Несомненно, это служит активизации и укреплению межкультурного диалога: *«Юные танцоры самодеятельного коллектива Дворца пионеров и школьников им. Н.Ф. Ватутина получили приглашение посетить летом будущего года немецкий город-побратим Херне. Его передали белгородским ребятам члены делегации Херне, побывавшие недавно в Белгороде в качестве туристов. Гости, среди которых были учителя, архитекторы, работники торговли, ознакомились с достопримечательностями города»* (1990).

В настоящее время у Белгорода уже есть города-побратимы не только в Польше и Германии, но и в Великобритании, Сербии, на Украине. В то же время в информационном поле Белгородчины уже гораздо больше газет и журналов. Скупые строчки газет превращаются в красочные публикации, помогают понять содержание побратимства. Так, мы узнаём, что попытки заключить соглашение с Нишем длились около 10 лет, и за это время количество неформальных контактов двух городов возросло в десятки раз. Глубину и характер межкультурного диалога городов-побратимов раскрывают также

публикации «Белгородских известий» и журнала «А-фишка» (афиша и новости культурного Белгорода): *«Златко, Миряна, Милан, Миленко и ещё дюжина сербских студентов впервые в этом феврале оказались в Белгороде. Они приехали по студенческому обмену, который организовал Международный центр подготовки и повышения квалификации кадров, созданный бывшими студентами, сотрудниками бизнес-инкубатора БГТУ имени В. Г. Шухова.*

В заснеженной России, морозном Белгороде, каким он был ещё совсем недавно, сербам поначалу пришлось нелегко. Они приехали сюда на три недели, и из тёплых 18 градусов по Цельсию резко попали в настоящую русскую зиму. Но быстро освоились: снежки, каток, дни и вечера с белгородскими друзьями превратили их студенческий вояж в Россию в одно из самых тёплых путешествий» («Белгородские известия», 2014).

В период осложнения международной обстановки и снижения количества обменов делегациями печатные СМИ Белгородской области служат сохранению межкультурного диалога. Так, если в 2014-2015 гг. количество официальных визитов белгородцев в города-побратимы Европы равнялось 8, то в 2016-2017 гг. сократилось до 3. На страницах газет и журналов акцент с официальной хроники сместился в сторону народной дипломатии: *«С 27 июня по 2 июля 2017 года в рамках Фестиваля городов-побратимов в Белгороде в выставочном зале «Родина» экспонируется выставка, посвященная Дню города Ополе... За десятилетия сотрудничества городов-побратимов состоялись контакты в области культуры, искусства, библиотечного дела, спорта, туризма и, конечно же, по линии профессиональных обменов. Всё это на протяжении долгих лет способствует плодотворному развитию отношений между нашими городами, а также укреплению дружбы народов.*

Белгородцы всегда с теплотой относились к жителям города Ополе и с большой радостью откликнулись на призыв администрации города организовать выставку экспонатов, которая соберет ретроспективу международных пленэров, народные экспонаты, воспоминания, фотографии. Эта выставка и представлена вниманию жителей и гостей Белгорода в выставочном зале «Родина» («А-фишка», 2017).

В настоящее время тему братской дружбы чаще всего поднимает городская газета «Наш Белгород». Еженедельник «Наш Белгород» подчёркивает важность межкультурного диалога Белгорода: *«В последние выходные марта один из самых известных органистов, белгородец Тимур Халиуллин, дал концерт в церкви Святых Апостолов Петра и Павла в городе Херне, побратиме Белгорода. Органист находится с гастролями в Германии в рамках культурного обмена городов-побратимов. Солист Белгородской государственной филармонии впервые посетил немецкий город. «Это замечательная возможность узнать регион и представить свои музыкальные навыки для более широкой аудитории», — поделился Тимур»* («Наш Белгород», 2017).

Международные отношения представлены на страницах издания особым направлением работы администрации Белгорода, Правительства Белгородской области, партнёров в городах-побратимах: *«Белгород проведёт фестиваль городов-побратимов. Проект, который открылся 24 марта Днём города Ниша и сербской культуры, рассчитан на два года. Каждый из дней, посвящённых тому или иному городу-побратиму Белгорода, будет проходить в уникальном формате... В музее театра состоялся творческий вечер с участием сербских студентов, руководителей и представителей обществ российско-сербской дружбы, а также сербов, проживающих в Белгороде. А затем артисты театра представили жителям и гостям города спектакль «Сыновья моих братьев» по пьесе современного драматурга Синиши Ковачевича. Перевод вы-*

полнила руководитель сербского ресурсного центра БГТУ им. В.Г. Шухова Виктория Ряпухина. («Наш Белгород», 2016); «Белгород посетил гость из города-побратима Херне. Роберт Дрегер известен как общественный деятель, активный участник побратимских отношений между областным центром и немецким Херне. Накануне он встретился с мэром Белгорода Константином Полежаевым. Роберт Дрегер отметил, что был знаком с тремя белгородскими градоначальниками: начиналось партнёрство городов при Георгии Голикове, укреплялись связи при Василии Потрясаеве, продолжал дело сотрудничества и Сергей Боженов. В этот раз в Белгород доктор приехал по приглашению нового мэра Константина Полежаева. «Для Белгорода Херне занимает особое место в списке городов-побратимов. Эта дружба начиналась в непростое время, и за эти годы она значительно окрепла и живёт независимо от всех официальных договоров и соглашений. За эти годы реализованы проекты в области культуры, молодёжи, школьные обмены, выпуск совместных книг. И это всё ваша заслуга, – обратился к гостю мэр Белгорода Константин Полежаев» («Наш Белгород», 2016).

Из приведенных выше цитат следует, что СМИ в межкультурном диалоге участвуют не просто как трансляторы информации. Медийное пространство выступает и как катализатор межкультурного диалога, и как живой организм, который «подпитывается» дружескими отношениями, а, получая их энергию, становится сильнее и интереснее. Журналисты сами становятся инициаторами межкультурного диалога, организовывая совместные мероприятия с польскими коллегами. Количество этих связей растёт в геометрической прогрессии. Сами связи становятся крепче и уже не подвластны политическим и конъюнктурным изменениям.

СМИ в межкультурном диалоге выполняют также просветительскую функцию, посредством разрушения стереотипов стирая барьеры между культурами. Как пишет А.В. Полонский, само стремление к диалогу может стать движущей силой преодоления стереотипов. «Выйти за пределы навязываемых языком стереотипов, то есть закрепленных в языке обыденных представлений и знаний о фрагментах реальной действительности, объективированных сознанием этнокультурного сообщества, можно только при наличии диалога культур и готовности к этому диалогу. Именно этот культурологический феномен – столкновения диалога культур – имел в виду Михаил Бахтин, когда утверждал, что все слова для каждого человека делятся на «свои» и «чужие». Чужое заставляет человека философствовать, подталкивая его к новой мысли, поскольку высвечивает новую, до сих пор затемненную сторону предмета. Чужое способствует и осознанию своего» [3; с. 20].

Межкультурный диалог российских субъектов с представителями других культур в настоящее время испытывает ряд серьёзных затруднений. Причинами тому являются как внутренние, так и внешние факторы. Осложнение международной обстановки в период с 2014 г. возвестило начало нового этапа межкультурного диалога России. Сегодня, по выражению К. Косачёва, как никогда важно, чтобы масс-медиа стали мостами, а не барьерами. Межкультурными коммуникаторами, а не судьями, проводниками диалога, а не его цензорами [1].

Необходимо признать, что концепты «мультикультурное общество», «межкультурная коммуникация», «толерантность», «СМИ и культура» вызывают сегодня всё больше вопросов и являются серьёзным поводом для размышлений о миссии и функциях прессы в современных условиях, о роли средств массовой информации в сохранении самобытных культур и согласия в трансформирующихся обществах [4; с. 223].

Опрос редакторов региональных печатных СМИ (газет «Белгородские известия» и «Наш Белгород») показал, что существует чёткая разделённость информационных материалов по тематике межкультурного диалога по двум уровням – региональному и местному. На первом, естественно, выше и возможности освещения, и уровень. Второе – освещение тематики межкультурного диалога сведено к «мероприятийному» формату (фестивали, концерты, акции и т.п.), как на региональном, так и на районном уровне.

Главный редактор газеты «Белгородские известия» Я.Ю. Макаров также считает, что запрос читателей на тему межкультурного диалога региона всё же существует, «но сейчас такое время, что он даже в головах сформирован не до конца (не каждый читатель или зритель, если его спросить, сможет ответить, а что же такое культура в широком смысле и что такое межкультурный диалог)». И резюмирует: «Наша задача – не пичкать людей фестивалями, а дать понять, зачем и как надо жить в общении с другими культурами».

Главный редактор городской газеты «Наш Белгород» А.В. Юдин в своём интервью для настоящего исследования отмечает, что тема межкультурного диалога на страницах изданий поднимается, как правило, в рамках партнёрства Белгорода с городами Европы: Нишем, Ополе, Херне... «Тема достаточно интересная и важная. Культурная сфера, равно как и прочие гуманитарные, не должны замыкаться в узких рамках. Нужен взаимообмен. Он существует, хотя, может быть не в той мере, в какой бы хотелось».

По общему мнению редакторов необходима специализированная подготовка журналистов – специалистов в области межкультурного диалога – для освещения указанной тематики в региональных СМИ. Эту задачу в Белгородской области решает Белгородский государственный национальный исследовательский университет (магистратура «СМИ и межкультурная коммуникация», факультет журналистики).

Однако, как показывает практика, в редакциях, особенно некрупных СМИ, нет чёткого разделения журналистов по тематикам, а подготовленные белгородским вузом специалисты работают не только в редакциях СМИ. Это, несомненно, большой плюс, поскольку, пополняя ряды специалистов управлений по связям с общественностью, преподавателей журналисты-международники способствуют развитию межкультурного диалога на своих местах.

Роль СМИ в условиях глобализации – заполнять «информационные черные дыры» в межкультурном пространстве, в которых и прячутся все демоны раздоров, тем самым создавать почву для диалога культур [5; с. 494]. А. Гербер, главный редактор RW-TV «Русская волна» (Дюссельдорф, Германия), член президиума Международной академии телевидения и радио (IATR) считает, что глобальному миру нужна принципиально новая — не мультипликационная – концепция диалога, концепция «дуэта и хора культур» [5; с. 493].

Таким образом, печатные СМИ Белгородской области способствуют развитию межкультурного диалога Белгорода на всех этапах: от установления первых контактов, при подписании соглашений, во время развития связей и даже в сложные периоды, когда количество контактов сокращается. Печатные СМИ помогают поддерживать межкультурный диалог, создавая особое медийное пространство дружбы между городами.

Библиографический список

1. Косачёв К.И. О роли СМИ в формировании имиджа государства и развитии межкультурного диалога URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and->

comments/comments/o-rol-i-smi-v-formirovanii-imidzha-gosudarstva-i-razvitiimezh/?sphrase_id=5455201 (дата обращения - 25.03.2018).

2. Негрышев А.А. О роли СМИ в межкультурной коммуникации (к постановке проблемы) // Международный научно-практический (электронный) журнал INTER-CULTURAL.NET/ выпуск 03/2004. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/133/> (дата обращения - 25.03.2018).

3. Полонский А.В. Во власти языка: стереотипы и вербальные иллюзии / А.В. Полонский // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометод. контекст: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. Белгород, 17-18 мая 2006 г. / Белгород: Белгор. ун-т потреб. кооперации, 2006. С. 13-22.

4. Савинова О.Н. Влияние СМИ на процесс межкультурной коммуникации в современном обществе и подготовка журналистских кадров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 222-226.

5. Гербер А. Роль СМИ в глобальном диалоге культур // Диалог культур в условиях глобализации: Материалы секционных заседаний XI Международных Лихачевских научных чтений. 12-13 мая 2011 г. Секция 5. Роль СМИ в глобальном диалоге культур. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/7115/7694/7700/> (дата обращения - 25.03.2018).

References

1. Kosachev K.I. About the role of mass media in forming of the state image and development of cross-cultural dialogue. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rol-i-smi-v-formirovanii-imidzha-gosudarstva-i-razvitiimezh/?sphrase_id=5455201 (date of application - 25.03.2018).

2. Negryshev A.A. About the role of the media in inter-cultural communication (setting the problem) URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/133/> (date of application - 25.03.2018).

3. Polonskiy A.V. In the power of language: stereotypes and verbal illusions // Foreign languages in professional education: linguistic context: Materials of the interuniversity scientific and practical conference, Belgorod, 17-18 May 2006 / Belgorod university of consumer cooperation, 2006. P. 13-22.

4. Savinova O.N. The influence of mass media on the process of cross-cultural communication in modern society and the training of journalists. The Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2016. № 4. P. 222-226.

5. Gerber A. The role of the media in the global dialogue of cultures // Dialogue of cultures under globalization: Discussion materials of the 11th international Likhachov Scientific Conference. 12-13 May, 2011. Section 5. The role of mass media in the global dialogue of cultures. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/7115/7694/7700/> (date of application - 25.03.2018).

ЯЗЫК СМИ **LANGUAGE OF MASS MEDIA**

УДК 81.2

Азово-Черноморский инженерный институт – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственной аграрной академии» в г. Зернограде
канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
и иностранных языков
Гаран Е.П.
Россия, Ростовская область, г. Зерноград,
тел. 8-918-521-28-99
e-mail: garan24@mail.ru

Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Don State Agrarian University» in the town of Zernograd,
The chair of liberal arts and foreign languages
PhD, associate professor
Garan E.P.
Russia, Rostov region, Zernograd,
tel. 8-918-521-28-99
e-mail: garan24@mail.ru

Е.П. Гаран

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ОСОБЫЙ МАРКЕР ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ

Актуальность предпринятого исследования определяется неослабевающим интересом представителей различных сфер гуманитарного знания к феномену рекламы вообще и рекламному слогану - в частности. Целью статьи является верификация коммуникативного потенциала рекламной константы и ее существенные характеристики. Рекламный слоган рассматривается нами в качестве социально - культурной рефлексии. Главная особенность слогана, которая и отличает его основную функцию от других элементов рекламы, заключается в том, что слоган является ключевым элементом философии компании, отражая её политику. Мы обращаем внимание на то, что слоганы бывают широкого и узкого применения. Слоганы широкого применения обычно используются долговременными компаниями, которые применяют сразу несколько форм воздействия для рекламы своей продукции (такие формы, как печатная реклама, телевидение, радио). Слоганы, относящиеся к данному подтипу, должны обладать высоким уровнем универсальности. Другими словами, они должны воздействовать и выглядеть одинаково эффективно в любом формате. Слоганы узкого применения, в отличие от предыдущего типа, используются небольшими компаниями. Они обладают небольшим сроком действия и рассчитаны на меньшее количество форм воздействия рекламы (например – только телевидение или печатная реклама). Таким образом, для создания слоганов узкого применения, необязательно одинаково тщательно разрабатывать их визуальную и лингвостилистическую формы. Достаточно уделить внимание только одному элементу: так, например, эффективность слогана рекламной акции в большей степени зависит от визуального ряда. В прессе, в которой отсутствует возможность размещения какого-либо графического изображения, большая роль отводится игре слов, построенной на многозначности, омонимии, аллюзивных контекстах и других стилистических ресурсах.

Ключевые слова: рекламный слоган, коммуникативная стратегия, классификация слоганов.

E.P. Garan

THE ADVERTISING SLOGAN AS A SPECIAL MARKER OF ADVERTISEMENT LANGUAGE

The relevance of the study is determined by the relentless interest of representatives of various fields of humanitarian knowledge to the phenomenon of advertising in General and advertising slogan - in particular. The purpose of the article is to verify the communicative potential of the advertising constant and its essential characteristics. The advertising slogan is considered by us as a social and cultural reflection. The main feature of the slogan, which distinguishes its main function from other elements of advertising, is that the slogan is a key element of the company's philosophy, reflecting its policy. We pay attention to the fact that the slogans are wide and narrow application. Slogans of wide application are usually used by long-term companies, which use several forms of influence to advertise their products (such forms as: print advertising, television, radio). The slogans related to this subtype should have a high level of universality. In other words, they should act and look equally effective in any format. Slogans of narrow application, unlike the previous type, are used by small companies. They have a short validity period and are designed for fewer forms of advertising exposure (for example – only television or print advertising). Thus, to create slogans of narrow application, it is not necessary to develop their visual and linguistic forms equally carefully. It is enough to pay attention to only one element: for example, the effectiveness of the slogan of an advertising campaign depends more on the visual range. In the press, in which there is no possibility of placing any graphic image, a large role is given to the play of words, built on ambiguity, homonymy, allusive contexts and other stylistic resources.

Key words: advertising slogan, communicative strategy, the classification of slogans.

Рекламный слоган – основополагающая единица, без которой не может обойтись ни одна компания на современном рынке услуг. От него зависит половина успеха фирмы, так как рекламный слоган является главным механизмом воздействия на потребителя и, следовательно, определяет эффективность продажи выпускаемого товара или предоставляемой услуги [1; с. 5].

Если же рассмотреть этимологию слова «слоган», происхождение которого берет начало из галльского языка, что в переводе звучит как «боевой клич», то становится понятно, насколько точно и образно оно отображает саму сущность рекламной константы. Поэтому в лингвистике реклама носит определение самого «агрессивного» жанра коммуникации нового времени.

Можно найти несколько определений рекламного слогана. Одно из них указывает, что слоган – это краткое выражение, содержащее название товара, торговой марки, которое легко произнести и перевести на другие языки. Так же слоган – это сумма всех преимуществ продукта в виде легко запоминающегося сообщения. Однако подобное определение может быть соотнесено и с рекламным заголовком, учитывая, что слоган и заголовок два разных элемента рекламы. Зарубежные лингвисты (Cone, Simpson, Mayr) также указывают на аттрактивную функцию слогана как успешного инструмента рекламы бренда. Ср.: A slogan is defined by Cone (2008) [2; с. 116] as ‘a memorable phrase expressing an idea, purpose, or claim’. In advertisements, the slogan generally accompanies the brand name and/or logo. Slogans are important in an advertisement as they often become a primary association for the brand [3; с.36]

Главная особенность слогана, которая и отличает его основную функцию от других элементов рекламы, заключается в том, что слоган является ключевым элементом философии компании, отражая её политику [4; с. 9-16]. Проблема состоит в том, что многие крупные лидирующие компании могут предлагать широкий ряд услуг или товаров. У каждого товара есть своё название и своё предназначение, следовательно, и слоганов должно быть несколько. Использование единого слогана для всех товаров является неэффективным, так как слоган используется в определённый момент и для определённой целевой аудитории.

Ещё одна важная особенность слогана – это воздействие на аудиторию при выполнении коммуникативного задания. Это обусловлено тем, что главная цель слогана

направлена на привлечение внимания потребителя, и, как следствие, осуществление его асертивной функции, направленной на приобретение рекламируемого товара посредством коммуникации. Чтобы достичь положительного эффекта, слоганы создаются с учётом той коммуникативной среды общества, в которой находится потребитель. Именно поэтому рекламный слоган, это ещё и рефлексия культуры, так как он должен быть максимально близок и понятен потребителю, «общаться» с ним на одном языке [5; с. 243].

Существуют различные подходы к классификации слоганов. Одна из них подразделяет слоганы на прагматические и имагинативные [6; с. 409]. Прагматические слоганы указывают реальную характеристику продукта и нацелены на разум потребителя. Имагинативные слоганы отвечают за имиджевые свойства товара и нацелены на чувства потребителя. Также существуют слоганы, совмещающие как прагматичность, так и имагинативность.

Некоторые исследователи рассматривают слоганы с точки зрения их темпоральности, классифицируя их как стратегические и тактические.

Стратегические слоганы рассчитаны на большой срок, а иногда и на все время существования бренда. Тактические слоганы применяются с целью корректировки позиционирования (например, во время сезонных акций и скидок, появления новой коллекции).

И. Морозова выделяет ещё одну классификацию рекламных слоганов, которая способна повлиять на правила их создания: слоганы узкого и широкого применения [7; с. 75].

Слоганы широкого применения обычно используются долговременными компаниями, которые применяют сразу несколько форм воздействия для рекламы своей продукции (такие формы, как: печатная реклама, телевидение, радио). Слоганы, относящиеся к данному подтипу, должны обладать высоким уровнем универсальности. Другими словами, они должны воздействовать и выглядеть одинаково эффективно в любом формате [7; с. 77].

Слоганы узкого применения, в отличие от предыдущего типа, используются небольшими компаниями. Они обладают небольшим сроком действия и рассчитаны на меньшее количество форм воздействия рекламы (например – только телевидение или печатная реклама). Таким образом, для создания слоганов узкого применения, необязательно одинаково тщательно разрабатывать их визуальную и лингвистическую формы. Достаточно уделить внимание только одному элементу: так, например, эффективность слогана рекламной акции в большей степени зависит от визуального ряда. В прессе, в которой отсутствует возможность размещения какого-либо графического изображения, большая роль отводится игре слов, построенной на многозначности, омонимии, аллюзивных контекстах и других стилистических ресурсах.

Апеллируя к практической составляющей нашего исследования, мы хотели бы уделить внимание слоганам рекламы косметики. Каждая категория предполагает обсуждение контента, ключевых лингвистических особенностей. Первая категория может рассматриваться как ‘brand validity’ (весомость бренда). Ср.: Clarins Number One In European Luxury Skin Care. Эксперты также выделяют слоган Neutrogena – Developed with dermatologists и Max Factor “The makeup of make-up artists”. Персуазивность лексики определяется существительными и субстантивными фразами. Как показал материал исследования, категория «весомость бренда» составляет 22% [8].

Следующая категория верифицирована как ‘brand positive’ (позитивные стороны бренда) использует прилагательные с позитивной оценочностью, сопровождаемые лексическими единицами с положительной коннотацией (типа beautiful, professional, superb, gorgeous, etc.). Слоганы подобного типа более субъективные по сравнению с теми, о которых говорилось выше. Так, Sanex заверяет нас, что it ‘keeps skin healthy’, но слоган не выявляет, как и почему, по сравнению, например, с типом ‘brand validity’ рекламного слогана косметики как Clinique’s ‘Allergy Tested. 100% Fragrance Free’. Herbal Essences заявляет ‘it does beautiful things to your head’, но что конкретно пред-

ставляют собой «творит чудеса с твоими волосами» остается загадкой. Рассматриваемая категория составляет 26% от общей выборки слоганов рекламы косметических продуктов из журнала *Cosmopolitan*. Нельзя не согласиться с оценкой Ученых Мартина и Уайта относительно параметров системной функциональной лингвистики в ее связи с оценочностью. Ср.: We attend to what has traditionally been dealt with under the heading of 'affect' - the means by which writers/speakers positively or negatively evaluate the entities, happenings and states-of-affaires with which their texts are concerned [9, с. 20]

Третьей категорией является так называемая 'brand philosophy' (философия бренда), в центре которой сосредоточены ценности бренда без указания на выгоду товара (реально ощутимые или, наоборот) со ссылкой на аутентичный ресурс. Ср.: Рекламный слоган от компании Vichy: 'Health is beautiful'. Чаще всего этот тип связан либо с историей бренда, либо с персоналией, которая стоит за ним. Ср.: философия Klorane - "A passion for plants": 'KLORANE Laboratories' philosophy is based on a passion for plants and nature. The Phytofilière, the only chain of plant expertise of its kind in the world, was born of this philosophy and guarantees high levels of quality, efficacy and safety. [10]

Наконец, 4 выделяемая категория "direct appeal" (прямой призыв) – непосредственное обращение к потребителю с использованием местоимения 'you' как к индивиду, либо к целой аудитории, стимулируя взаимоотношения рекламодателя и покупателя, а также императивные конструкции. Ср.: Barry M: 'Make Everyday Beautiful x [by use of Barry M products], Rimmel: 'Get the London look [by using Rimmel]. Процент употребления слогана рассматриваемой категории 12%.

Библиографический список

1. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.
2. Cone S. Powerlines: words that sell brands, grip fans, and sometimes change history. Bloomberg: New York, 2008. 288с.
3. Симпсон П., Мейр А. Язык и власть. Лондон. Рутлидж, 2010. 288 p.
4. Елисеева А. Как оценить слоган? // М.А.ДЕ. № 2/3. 2002. С. 9-16.
5. Романова Т.Н. Слоганы в языке современной рекламы. М.: Эксмо, 2001. 338 с.
6. Кармин А.С. Психология рекламы. СПб: ДНК, 2004. 509 с.
7. Морозова И. Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2001. 172 с.
8. *Cosmopolitan* (United Kingdom). May to September, 2016. Hearst Magazines.
9. Martin, J. and White, P. The language of evaluation: appraisal in English. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 291с.
10. <http://www.klorane.co.uk/Phylosophy>

References

1. Kaftandzhiev H. Texts of printed advertising. Moscow, 1995. 73 p.
2. Cone S. Powerlines: words that sell brands, grip fans, and sometimes change history. Bloomberg: New York (2008).
3. Simpson P. and Mayr A. Language and Power. London: Routledge, 2010. 288 p.
4. Eliseeva A. How to evaluate the slogan? // M.A.DE. № 2/3. 2002. P. 9-16.
5. Romanova T.N. Slogans in the language of modern advertising. Moscow, 2001. 338 p.
6. Karmin A.S Advertising psychology. St.-Petersburg, 2004. 509 p.
7. Morozova I. Making slogans. Moscow, 2001. 172 p.
8. *Cosmopolitan* (United Kingdom). May to September, 2016. Hearst Magazines.
9. Martin J. and White P. (2005) The language of evaluation: appraisal in English. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. 291 p.
10. <http://www.klorane.co.uk/Phylosophy>

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

*Воронежский государственный
технический университет
д-р филол. наук, зав. кафедрой русского
языка и межкультурной коммуникации,
профессор
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, (473)2715048
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of philology, full professor,
the head of the chair
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, (473)2715048
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

ОБЗОР КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ **«(НЕО)ПСИХОЛИНГВИСТИКА И (ПСИХО)ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ»** **(ПОД РЕД. В.В. КРАСНЫХ)**

L.V. Kovaleva

THE REIEW ON THE COLLECTIVE MONOGRAPH **“(NEO) PSYCHOLINGUISTICS AND (PSYCHO) CULTURAL LINGUISTICS”** **(ED. BY V.V. KRASNYKH)**

Монография состоит из двух частей. Первая часть под названием «Психолингвистика, этнопсихолингвистика и неопсихолингвистика» написана известным специалистом в данной области профессором Н.В. Уфимцевой.

Во введении рассматривается причина возникновения нового направления в филологии – психолингвистики. Основанием служит неспособность структурализма вернуться к рассмотрению человека говорящего. Поэтому круг проблем данного направления в лингвистике – это онтогенез языковой способности человека, восприятие речи, речевое общение. Отечественная психолингвистика рассматривает язык как деятельность. Автор пишет, что «язык как деятельная структура состоит из двух языков: внутреннего, концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, т.е. поиск и обработка информации, и который не имеет отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнему, формальному, предназначенному для общения» (с. 22).

Язык как деятельность в психолингвистике занимает центральное место, так как он обеспечивает взаимопонимание между людьми. Исследования в данной области в нашей стране начались в 70-е годы XX века, ученые занимались в основном проблемами языка, мышления, культуры и языками народов СССР и мира. Сегодня наука стоит перед необходимостью создания теории, занимающейся концепцией специфики инди-

видуального знания, рассматриваемого как часть общей теории знания. В связи с этим на первое место выдвигается понятие языкового сознания, под которым автор понимает систему предметных значений, проявляющихся в вербальной и невербальной форме. Но языковое сознание не может исследоваться в процессе протекания, а, следовательно, может подвергаться изучению только «в отчужденных от субъекта сознания формах» (с. 33).

Тесно связано с термином «языковое сознание» понятие «ядро языкового сознания», впервые выявленное А.А. Залевской при анализе материалов ассоциативного эксперимента как набор слов с наибольшим числом входящих связей. Ядро языкового сознания, как пишет А.А. Уфимцева, было выявлено на материале нескольких языков: белорусского, болгарского, вьетнамского и других. Существуют разные подходы для решения этой проблемы. Прежде всего, это метод ассоциативного эксперимента. Приводя многочисленные примеры сопоставления ассоциативных словарей, автор считает, что такие эксперименты позволяют увидеть и выявить ключевые слова-стимулы как русской, так и других культур и проследить, какие изменения происходят в языковом сознании носителей русской культуры под влиянием меняющейся реальности. В статье А.А. Уфимцева анализировала работы выдающихся русских и зарубежных лингвистов, работавших в области психолингвистики: А.А. Потебни, Г. Пауля, Л.П. Якубинского, А.М. Пешковского и многих других. Особенно было уделено внимание работам А.Н. Леонтьева, его теории деятельности, культурно-исторической концепции психики Л.С. Выготского. На материале ассоциативных экспериментов, учитывая представление о единице сознания как о предметном значении и о значении как отражении социокультурной реальности (А.А. Леонтьев), Московская психологическая школа занимается построением модели образа мира как целого и прогнозированием вектора его развития.

Вторая глава написана И.А. Бубновой под названием «Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований». В статье отмечается, что исследования в лингвистике в XXI веке претерпевают фундаментальные преобразования, и на первый план выступает трансформация образа мира человека. В параграфе о семантических исследованиях автор подводит итоги работы Московской психологической школы первого десятилетия XXI века. Исследование было направлено на разработку представления о значении слова. Традиционное рассмотрение значения слова исходило из представления его как абстрактно-лингвистического феномена в языке, представленного суммой семантических компонентов. В психолингвистике значение слова определяется как «сложная, лабильная, постоянно изменяющаяся под влиянием различных внешних и внутренних факторов система эквивалентов психологических взаимосвязей слов» (с. 101). Таким образом, психолингвистика выходит на новый уровень изучения значения слова как микромоделей, отражающей способ восприятия мира носителем языка, и разрабатывает интегративную теорию языка как достояния человека (с. 105).

В Московской психолингвистической школе развивается новое направление – неопсихолингвистика, которая стремится раскрыть проблему понимания: понимания человеком не только самого себя, но и понимания других людей, своей культуры, других народов и всего окружающего мира. В связи с этим весьма перспективным направлением является решение проблемы содержания образа мира личности, «эксплицированного в языковом сознании человека как биологического существа, одновременно члена многочисленных социальных групп и определенного лингвокультурного сообщества»

(с. 111). В основе моделирования языкового сознания лежит, по мнению автора, следующее утверждение: Образ мира возникает на основе этнических констант, который может меняться под воздействием различных факторов, но культура и ее константы неизменны. Именно культура является центром, позволяющим сохранять этническое своеобразие народа. Поэтому главным исследованием является культура и человек в совокупности всех его индивидуально-психических характеристик.

В статье дается анализ различных картин мира: картины мира, научной картины мира, языковой картины мира, образа мира. Автор отмечает, что картина мира – это схематичное отражение действительности в сознании человека; научная картина мира представляется как систематизация научного знания о действительности, обществе, человека, утвержденные в науке, которая основана на теоретическом знании. Она универсальна и не зависит от языка и культуры (с. 123). Языковая картина мира представляет собой, по мнению автора, «упрощенное обиходное структурирование действительности, определяет мышление носителей языка традиционными категориями» (с. 124). Несмотря на теоретическое выделение различных картин мира в сознании человека, в реальной жизни все они интегрированы в единое целое – образ мира.

И.А. Бубнова рассматривает понятие интеллекта, трактуемого учеными неоднозначно. Рассматривая различные взгляды ученых на интеллект, автор констатирует, что интеллект представляет собой целостную иерархическую структуру, которая включает в себя «базовые и дополнительные интеллектуальные способности» человека, и описывает иерархии или уровни: первый уровень – общий фактор, вершина иерархии; ко второму уровню относятся формальный (знаково-символический), механический (пространственно-динамический), лингвистический (вербальный); третий уровень – поведенческий (смысловой). Он является самым низким уровнем обобщенности (с. 145). Завершая параграф, автор дополняет определение интеллекта, считая его цельной системой когнитивных операций, которая связывает внутренний мир человека, язык и окружающую действительность.

В параграфе «Современная русская языковая личность» автор уделяет большое внимание современному состоянию русского языка. Автор отмечает, что в последнее время происходит исчезновение целого пласта русской лексики, так как потоком хлынула заимствованная лексика, которая сменила русские названия профессий, учреждений, стали заменяться русские слова на иностранные. Родной язык является не только хранителем культуры, но и поведения личности. Данное явление автор демонстрирует на примере делового электронного письма, где используются в основном языковые шаблоны и штампы. Были проведены эксперименты, где были даны типичные для сегодняшнего дня фразы со словами: флешмоб, аудит, форс-мажор и т.д. Полученные результаты свидетельствуют о двух характерных чертах современной русской языковой личности: 1. Незнание четкого значения иностранных слов и словосочетаний. Например: 80% респондентов не понимают слово *мониторинг*, которое постоянно встречается в языке. 2. Бедность словарного запаса. Респонденты не смогли подобрать русский эквивалент английскому слову.

Подводя итоги экспериментов, автор делает вывод, что выпускники школ весьма слабо обладают знаниями. Например: Памир – это город в Сирии: никогда не слышали о молодогвардейцах, Николае Гастелло и многих других героях. Такая языковая личность, утверждает И.А. Бубнова, является продуктом современной образовательной системы. «Коммерциализация образования повлияла не только на содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества. Она стимулировала процесс за-

мены традиционных для русской культуры моделей поведения» тем, что за деньги ребенок может получить все.

Вторая часть монографии «Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология» написана В.В. Красных. Главной целью данной статьи является решение ряда важных проблем: что такое человек говорящий, что есть лингвокультура, образ мира, языковая картина мира и др. Начинает свой анализ В.В. Красных с человека как представителя культуры, носителя языка, члена общества, в котором он живет. Автор утверждает, что «базовой категорией лингвокультуры (как культуры оязыковленной) является человек говорящий (*Homo Loquens*) во всей совокупности своих проявлений» (с. 184). Человек формируется как личность в процессе деятельности. Чтобы стать личностью, человек должен пройти процесс социализации, то есть как бы встроиться в национальную культуру. Сознание формируется у человека именно в процессе социализации. Основным в этом процессе является язык, так как только через язык происходит формирование личности. Культура тесно связана с языком, она немыслима без языка, как и язык без культуры.

Подводя итоги своих рассуждений, автор утверждает, что человек формируется как личность, «как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка данного сообщества, осваивая, усваивая и присваивая себе его лингвокультуру» (с. 189). Автор выделяет два вектора в человеке: человек разумный как представитель рода человеческого и человек культурный, представитель своей культуры. Далее автор рассматривает понятие «сообщество», понимая под ним множество личностей (людей), объединенных общением. Коммуникацию он рассматривает как взаимодействие личностей (людей). Так как главным в сообществе является язык, за которым стоит культура, то необходимо говорить о сообществе людей, говорящих на языке одной культуры. Применительно к России необходимо, как утверждает автор, говорить о национально-лингво-культурном сообществе. Далее анализируется часть термина «национально-», где приводится определение Н.А. Бердяева о нации и национальности: «Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен... и духовно-культурного процесса... Национальность – таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие» (с. 196). Рассматривая второй компонент «лингво-», автор утверждает, что он формируется, воспроизводится и осуществляется обязательно на каком-либо языке – языке данного сообщества. Последняя часть термина «-культурное» рассматривается в тесной связи с коммуникацией.

Таким образом, автор справедливо утверждает, что язык и культура немыслимы друг без друга. Заканчивая главу, В.В. Красных делает вывод о бытии человека, которое заключается в тесной связи и взаимодействии следующих феноменов: 1. Человек говорящий, носитель языка и сознания, культуры и лингвокультуры, представитель разных сообществ. 2. Язык – язык культуры того сообщества, членом которого является человек. 3. Сознание, высший тип психики, осуществляемый на языке культуры данного сообщества. 4. Культура – ненаследственная память сообщества, миропонимание. 5. Лингвокультура – семиотическая система, наложение языка и культуры. 6. Коммуникация – процесс взаимодействия человека в том или ином сообществе. 7. Сообщество – объединение людей при ведущей роли языка и культуры.

Далее автор останавливается на соотношении таких феноменов, как культура и цивилизация. Цивилизация понимается им как совокупность материальных ценностей.

О цивилизации можно говорить как о разных уровнях развития, что совершенно невозможно относительно культуры. Культура – это общественное достояние, она постоянно воспроизводится человеком и постоянно изменяется, и в то же время сохраняется. Существует, как считает автор, две важнейшие функции культуры: конгломерирующая, которая связана с объединением, и дифференцирующая, выражающая разделение на «своих» и «иных», здесь речь идет о проблемах межкультурной коммуникации. Еще существует одна функция – легитимирующая, которая связана с системой ценностей, эталонов: например, эталон труженика, лентяя, эталон мудрости и т.д. В.В. Красных рассматривает феномен лингвокультуры, который появился в начале XXI века, и дает определение: «Лингвокультура предстает как культура оязыковленная, т.е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах, как культура явленная нам в языке и через язык» (с. 234). Автор ставит вопрос: зачем вводить новое понятие лингвокультуры, когда уже существует понятие «языковая картина мира». И сам отвечает на данный вопрос. Два понятия различаются. При изучении языковой картины мира ученые-лингвисты пользуются лингвистическими методами исследования. Лингвокультура – это феномен лингво-когнитивный, который формируется не языковыми единицами, а культурными смыслами, находящимися во взаимодействии с образами сознания. Языковая картина мира рассматривается автором как вход в лингвокультуру. Лингвокультура обладает своим словарем и своей грамматикой. Под словарем понимается инвентаризация единиц, обладающих культуросоносной информацией. Это, например, прецедентные феномены, стереотипы, концепты и др. Грамматика лингвокультуры – это базовые классы единиц, их категории, система, структура и функционирование.

В.В. Красных дает определение психолингвокультурологии, науки, которая появилась совсем недавно. Она занимается изучением связи языка, культуры, сознания, связанные с человеком говорящим. Как утверждает автор, существует связь языковых единиц с кодами культуры. Код культуры – это «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу или к одной сфере бытия» (с. 250). Автор ставит во главу угла лингвокультуры человека говорящего, который является субъектом языка, культуры, лингвокультуры и коммуникации. В.В. Красных считает, что психолингвокультурология только начинает складываться как наука, поэтому понятийно-терминологический аппарат может меняться и требует более глубокого исследования.

Вторая глава монографии «Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода» написана И.В. Зыковой, которая рассматривает фразеологизм в свете психолингвокультурологии. В настоящее время ученые обратились к исследованию человека с разных точек зрения. Поэтому необходим выход за пределы его лингвистического изучения, так как смежные науки такие, как антропология, этнография, психология, философия и другие могут способствовать более комплексному анализу человека говорящего. Человек говорящий – это не только говорящий, но и творящий. Он познает мир и язык благодаря своей перцептивной системе. Познавание особенностей возникновения фразеосочетаний, постижение глубинных механизмов как источника фразеологических знаков невозможно без обращения к психическим процессам человека. Автор называет ряд научных областей, которые занимаются исследованием перцепции. Это философия, физика, психология, культурология, история, семиотика и др. И.В. Зыкова классифицирует перцепцию, отмечая, что перцепция и ощущения суть одно и то же. Она называет следующие виды ощущений: зрительные,

слуховые, осязательные, вкусовые и др. Когнитивная деятельность и процесс познания являются фундаментом, на котором основывается взаимосвязь перцепции и языкового значения. Выявление различных реализаций перцепции в языковых значениях может прояснить ее роль в категоризации и концептуализации мира, а также в языке. Теория воплощенного значения и языковой синестезии формируют образные языковые знаки, такие, как метафорические, пропеические, идиоматические.

Языковая синестезия представляет собой сложный и многогранный психофизиологический феномен и является врожденной перцептивной способностью человека. Она может охватывать разные уровни и аспекты языка. Подводя итоги рассмотрения перцепции, автор делает вывод, что язык сохраняет сенсорно-перцептивный опыт познания мира, что можно обнаружить в исследовании языковых единиц. Влияние перцепции на формирование языковой системы раскрывается в образных средствах языка, особенно во фразеологизмах. В процессе образования фразеологизмов выступают разные виды перцепции.

И.В. Зыкова приводит следующий пример: в английском языке фразеологизм *to make noises* (букв. создавать шумы) означает «жаловаться». Русский фразеологизм *черным по белому* - ясно и понятно. В первом случае основа фразеосочетания – это слуховые ощущения. Слушая негативные высказывания, у человека формируются недовольствие и неудовлетворение. В русском фразеологизме основу составляют зрительные ощущения – черное и белое, создающие контраст, который и лег в основу данного фразеосочетания. Далее автор приводит примеры с разными видами ощущений. Подводя итог данного параграфа, делается вывод, что перцепция является первоисточником образования целостного фразеологического значения.

В следующем параграфе автор рассматривает совмещение различных ощущений при создании фразеологического значения. Вводится термин «полиmodalность», под которым понимается «способность человека одновременно задействовать различные перцептивные каналы или перцептивные анализаторы в процессе познания определенного объекта мира, в результате чего происходит совмещение разного рода модальностей восприятия этого объекта» (с. 326). Для подтверждения данной мысли автор приводит пример с русским фразеологизмом *держат слово*. Данный фразеологизм означает «выполнять обещанное». Он образуется при сочетании ощущения мышечного напряжения руки и слухового ощущения, так как слово является источником звука.

В Заключении делается вывод о том, что фразеологическое значение формируется в результате двух уровней, включенных во фразеосочетание – поверхностного (семантического) и глубинного (концептуального). Глубинный уровень представляет собой концептуальное основание, а перцепция выступает источником формирования концептов, которые являются основанием для возникновения образов, на базе которых формируется семантика фразеологизмов.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый*

снег в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

.....

.....

.....

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(29) 2018

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 19.06.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет 17.07.2018. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14
Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84